

Он спас меня...
Он раскрыл свои секреты...
А затем ушёл.

это был
ты

ЭШЛИ
БИЛ

Оригинальное название: *It Was You by Ashley Beale*

Эшли Бил — «Это был ты»

Автор перевода: *Алена Степанченко, Наташа Павлова*

Редактор: *Татьяна Боярская*

Вычитка: *Настя Зайцева*

Оформление: *Ирина Белинская*

Обложка: *Ирина Белинская*

Глава 1

Как только открылась дверь, меня обдало потоком прохладного воздуха. Я совершенно не понимала как душно было внутри зала, пока мы все не получили наши дипломы. Я официально являюсь выпускником старшей школы, но не чувствую свободы, пока не чувствую. До конца лета я уеду. Не хочу больше находиться в этом городе, рядом с этими людьми... рядом с *ним*. Хочу быть свободной, наконец.

Моё последнее лето проходит в окружении городских придурков, органических занятиях, в которых я недостаточно хороша. У меня есть менее шестнадцати недель, прежде чем я пересеку городскую линию Гальвестона, штат Техас, где буду посещать колледж; и стану морским биологом. Пока я то и дело говорю об этом, что совершенно безответственно, так как я никогда в своей жизни не видела океан.

Моё увлечение дельфинами началось с тех пор, когда я была юнгой в шестилетнем возрасте. Мой настоящий отец работал на нефтяной вышке и его иногда направляли в различные места, чтобы разобраться с утечкой или другими вопросами. Менее чем через месяц после моего шестого дня рождения он отправился в Техас, откуда привёз мне домой плюшевого дельфина с обещанием сходить в тот же день в "Морской Мир". А неделей спустя, нефтяная вышка, на которой работал отец, взорвалась, убив его и тридцать четыре местных жителя.

После этого моя мама впала в глубокую депрессию, бросив моего брата Муса, и меня, и мне пришлось заботиться о себе самой. Мой брат старше меня на три года, но он никогда не был тем, кто указал бы мне правильное направление. Поэтому я уделяла долгие часы учебе, упорно работала и заводила знакомства с людьми, которые были готовы меня принять. Это было труднее всего, особенно, когда мама начала встречаться с Брюсом.

— Мы сделали это, Равин! — закричала Доун, и обхватила сзади своими руками мои плечи. Она одна была постоянно в моей жизни, с тех пор как нам было восемь, это было тогда, когда её семья переехала в Арлингтон, штат Небраска. Ее мама, как и моя, была одна, но она не углубилась в это. Вместо этого она взяла меня под свое крыло, в то же время, заботясь о Доун и еще двух детях. Я всегда знала, что это нелегко для нее, так что я не собираюсь задерживаться надолго.

— Наконец-то, — ответила я, мой голос звучал не так восторженно, как ее. Хотя я была взволнована, делая этот шаг, я знаю, как долго я хотела этого и как упорно работала, я знаю, что у меня есть еще сто восемь дней, прежде чем я покину это место.

— Ну же, давай, — начинает Доун. — Ты можешь показать свое волнение хоть раз в жизни.

— Я волнуюсь, — говорю ей, натягивая улыбку на свое лицо.

Она прищурила свои серо-голубые глаза, глядя на меня, она хорошо знает какая я упрямая. Думаю, я не такая упрямая, просто научилась скрывать свои эмоции. Все эмоции: волнение, грусть, злость, благодарность. Я чувствую все это, но не показываю.

— Все равно. Ты же идешь к Джеймисону, да?

— Да, я буду там, — говорю ей.

— Хочешь, я подвезу тебя, или ты поедешь с Кайлером?

Я заметила, что мама и Брюс направляются ко мне. Она сумела надеть платье, на котором нет какого-либо животного принта, и ее макияж выглядит неплохо. Я могу только предположить, что она была трезва, когда смотрела мое вручение. Брюс по другую сторону, он выглядит как обычно, его волосы зачесаны назад и на нем выбеленные, рваные джинсы.

— Вообще-то, как думаешь, я могу поехать с тобой сейчас? — спрашиваю я Доун.

— Конечно, почему нет. Я думаю, Джелла и Серенити тоже поедут со мной.

— Прекрасно, — говорю я ей. Хотя я не поклонница сплетен, они все еще друзья с Доун, поэтому я должна смириться с этим. Я знаю, что они терпеть меня не могут, и это нормально. Не хочу оставаться здесь навсегда и однажды я уйду и никогда не вернусь.

Мама подходит ко мне и тянет меня за руку, притягивая к себе. Она обнимает меня, но я не делаю того же.

— Ты сделала это, милая, — она восторженна.

Еще одна вещь, к которой я не привыкла. Это было давно, когда я чувствовала какое-либо внимание от моей матери, я могу вспомнить, что это было на мой десятый день рождения, когда бабушка подарила мне сто долларов и мама спросила, может ли она оплатить ими счет за электричество. Когда я согласилась, она прижала меня к себе на несколько секунд, но я не помню больше других форм проявления благодарности.

Брюс треплет рукой мои светлые волосы, при этом тянет их прежде, чем его рука опускается. Я могу почувствовать тысячу шевелящихся червей у себя под кожей от его прикосновения.

— Хорошая работа, — говорит он мне.

Но его голос ни о чем не говорит. Ему не нравится тот факт, что я закончила обучение и скоро уеду. Он, кажется, привык ко мне и не может избавиться от этого.

Я никогда не понимала, как моя мать и я можем быть настолько похожи, за исключением того, что она становится все старше и все больше препаратов принимает, и все более изможденной выглядит. Ее когда-то ослепительные локоны, теперь сухи и безжизненны, лицо стянуто, у нее есть морщины вокруг серых глаз, и я знаю, что она весит под сто фунтов, в то время как мое тело имеет изгибы во всех нужных местах и моя кожа светится, хотя я никогда не появляюсь на солнце.

— Мы собираемся уходить, — вставляет Доун. Я благодарна ей за то, что она прервала это. Я готова была уйти даже прежде, чем они появились.

Брюс скрывает свой разочарованный взгляд, но молчит, не спорит.

Мама просто улыбается, показывая след от красной губной помады на своих передних зубах.

— Хорошо, ты будешь дома сегодня ночью?

— Вероятно, что нет, — отвечаю я ей.

Брюса это не удивляет. Но он хочет контролировать:

— Тогда я жду тебя дома утром. У нас есть домашние дела, которые нужно выполнить.

— Я буду, — говорю маме, не глядя в его сторону.

Она проводит рукой по моему подбородку, глядя на меня глазами, которые не могут сфокусироваться, еще больше улыбаясь.

— Увидимся завтра. Повеселись этой ночью, милая.

Улыбнувшись сжатыми губами, я поворачиваюсь к Доун и мы уходим от запаха сигарет и виски. Отойдя на тридцать шагов, я преувеличенно вздыхаю.

— Ты в порядке? — спрашивает Доун, не глядя на меня.

Улыбка все ещё на ее лице, когда она машет нашим одноклассникам, проходящим мимо. Она всегда была очень популярна с тех пор как переехала в этот город, вероятно, потому что она была дружелюбна абсолютно со всеми. Я никогда не понимала, почему она хочет быть другом такой как я.

Мы из одной компании, но у меня нет больше таких близких друзей как Доун. Я общалась с другими ребятами, в основном, если у нас были одни и те же классы, но мы никогда не были приятелями вне этого. Это, кажется, сделало меня популярнее, но я знаю, что не нравилась другим, особенно девушкам. Я не такая как все — я отдаленная и тихая, и я абсолютно ненавижу сплетни. Несмотря на то, что в компании я была в отношениях на протяжении многих лет. Моим последним длительным прикрытием был Кайлер Портер.

Я абсолютно ненавижу его.

Вытирая свои влажные ладони о края мантии, говорю ей, что я в порядке. Я знаю, она не верит мне, но я всегда так отвечаю, а Доун более не настаивает. Я тайно знаю, что она хочет открыть меня, но я не могу. Она знает, что у меня есть тайны. Если бы мне нужно было предполагать что-нибудь, я бы сказала, что все ее догадки неверны.

Джелла, визжа, бросается обнимать Доун, когда та подходит к ней:

— Не могу поверить, что мы официально окончили эту адскую дыру!

— Правда?! — Доун отвечает взволнованно.

Джелла поглядывает на меня, ее зеленые глаза полны волнения. В этот раз она улыбается мне и выдыхает через нос.

— Я готова побиться об заклад, вы взволнованы!

— Ага, — говорю я ей. — Очень взволнованы.

Конечно, мой голос звучал никак, но я была рада и этому — по крайней мере, я пыталась поддерживать беседу.

Взбивая свои рыжие волосы, она кричит Серенити, чтобы та подошла. Они трое болтают, а я стою и слушаю, оглядываясь по сторонам на своих улыбающихся сверстников. Многие люди поздравляют их, иногда даже меня. Мои ноги устали на каблуках, которые я обула, так что, когда Доун говорит, что готова ехать домой, я чувствую облегчение.

Мы садимся в голубой Додж Неон Доун, иногда он нормально работает на протяжении года, но постоянно выходит из строя. В музыке громкие басы, хотя это всего лишь Тейлор Свифт и ее песня о новом расставании. Никто не может говорить под музыку с такой громкостью, но до дома Доун всего лишь десять минут езды.

Когда мы оказываемся у ее дома, то вчетвером сразу бежим в спальню к Доун, чтобы снять эти фиолетовые мантии. Я потеряла свою конфедератку, когда мы подбрасывали их в воздух, но я и не планировала хранить ее. Я была одной из тех, кто даже не украшал свою конфедератку.

Доун помещает свою в коробку, она будет хранить ее годами, я уверена. Она такой

человек. В ее комнате столько снимков, сколько я не делала никогда в своей жизни. Она ценит каждый день, живет полной жизнью, в ней больше изюминок чем в ком бы то ни было. Это помогает в нашей дружбе – я же возвращаю ее к реальности снова и снова, когда она внушает мне азарт к жизни.

Джелла начинает делать макияж, говоря с Серенити о том, что надеть на костер у Джеймисона. Доун начинает копаться в своих ящиках, пока я тупо сижу на ее постели, глядя на них. Я уже одета в белые шорты и свободный топ, мой нормальный летний вид. Я бы не хотела слишком обнажаться, и, конечно же, я ненавижу плотно облегающую одежду. В отличие от большинства девушек, которые носят шорты меньше чем их ягодицы и топы, которые больше похожи на верх от купальника.

Если бы я выросла другой жизнью, я бы, наверное, одевалась так же, но мне не нравится привлекать внимание к себе. Это редкость – увидеть меня с макияжем, хотя я часто наношу тон. В основном, чтобы скрыть синяки под глазами или синяки на своем теле.

Доун бросила рубашку в мою сторону.

— Надень это.

Я поднимаю ее и смотрю на короткий светло-розовый топ, который бы открыл мою грудь второго размера своим V-образным вырезом.

— О, нет, — говорю я ей, кладя его рядом с собой.

Она кладет свою руку на бедро, со словами:

— Ну давай же, всего на одну ночь.

Мои губы скривились в отвращении.

— Это не в моем стиле.

— Мы знаем, — добавляет Серенити.

Ее голос пафосный, как всегда, когда она решает, что слишком хороша, чтобы говорить со мной. Я не часто слышу, чтобы она обращалась ко мне, но когда она делает это, то обычно грубит. Я не знаю, что я такого сделала, что она презирает меня. Я не воспринимаю это лично. Это показывает ее, не меня.

Доун быстро смотрит на Серенити, взглядом прося ее быть добрее. Честно, я меньше забочусь о том, мила она со мной или нет. Она еще одна причина, из-за которой я счастлива уехать отсюда.

— Сейчас ты уже студентка, — поет Доун. — Давай же, пожалуйста?

Я ненавижу, когда она просит. Мне трудно отказать ей, особенно учитывая то, что она всегда замечательно относится ко мне.

Я держу рубашку перед собой.

— Можем ли мы... попробовать что-то менее открытое?

Со вздохом Доун поворачивается к шкафу еще раз. Она находит что-то еще и намеренно бросает мне это в лицо.

— То или это.

— Спасибо, — бормочу я, подбирая топ с пола.

Это желтый топ с огромным черным и желтым цветком спереди. Это выглядит очень по-детски, но он не такой откровенный, как предыдущий.

— Хорошо, я одену этот.

— Ура! — она победно хлопает в ладоши.

Развернувшись, она продолжает копаться в своей одежде. Когда я пытаюсь надеть топ, замечаю, что он на два размера меньше того, что я привыкла носить. У меня определенно есть фигура, когда я смотрю вниз, я чувствую себя... голой.

На этом Доун не останавливается, она начала наносить макияж на мое лицо. Не слишком насыщенный, она знает, что я смою все это. Я давно поняла, что лучше ей позволить делать мне макияж и укладку. Мои волосы выются от природы, так что их она не трогает.

Когда она выпрямляет свои волосы, и Серенити с Джеллой готовы, мы вчетвером направляемся на выход из дома. Мне пришлось украсть пару сандалий у Доун, я понимала, что не смогу продержаться всю ночь на каблуках, особенно на огромном поле полном пьяных идиотов.

Мы добираемся к Джеймисону в то же время, когда и остальные. Некоторые люди уже с красными стаканчиками общаются друг с другом, пока остальные подтягиваются. Мы направляемся к стоянке, где стоят несколько грузовиков. Из одного из них ревет кантри.

Джеймисон, капитан баскетбольной команды, при виде которого лишаются чувств все девушки в возрасте от десяти до двадцати, начинает бросать куски дерева разных размеров в большую яму. К нему присоединяются еще несколько человек, делая костер намного больше, чем на вечеринках, которые я посетила прошлым летом. После обливания всего этого бензином, он бросает в него спичку, устанавливая деревянные сваи в огне.

Некоторые из ребят взволнованно кричат, как будто это какое-то чудо, что он зажег огонь. Я смотрю на людей вокруг и понимаю, что это было ошибкой. Это лучше чем быть дома, но я точно уверена, что мне не место в этой толпе. Я жду, когда смогу покинуть это место, тою рядом с людьми, с которыми я ходила в школу всю свою жизнь. Люди, которых я терпеть не могу.

Кайлер толкает меня в ребра, привлекая мое внимание. Он правая рука Джеймисона, так что я знала, что он будет здесь, и это было причиной, почему я не хотела присутствовать. Я не позволю ни ему, ни кому-либо знать это. Я ложно показывала всему миру, что безумно влюблена в своего парня.

— Эй, — говорю я ему с тенью улыбки.

Он протягивает мне стаканчик, наполненный пенным пивом прямо из бочонка. Я не фанатка алкоголя, потому что я насмотрелась на свою мать и Брюса, утопивших себя в этом, но я сделаю несколько глотков. Я никогда в своей жизни не была пьяна, и откровенно говоря, никогда не хочу быть. Я уже нахожусь в ситуации, в которой не могу контролировать свои действия, так что мне не нужно делать все еще хуже.

— Спасибо, — прошелестела я, беря стакан.

Кайлер прочистил свое горло, сохраняя на своем лице белоснежную улыбку, оглядываясь на своих сверстников, а не на меня.

Он рассчитывает на шоу больше кого-либо.

— Ты действительно выпьешь этой ночью, да?

— Да, конечно, — я лгу. Очень легко врать ему. Не хочу его злить, в конце концов, я заплачу за это.

Джеймисон проделывает свой путь вокруг.

— Равин Мэй! — говорит он с усмешкой. Я абсолютно уверена, что он уже пьян. — У тебя в руке выпивка!

Я поднимаю свои брови на Джеймисона, делая вид, что так же удивлена.

— Посмотри, это правда.

— Хорошо, ты должна расслабляться время от времени.

Он хлопает меня по руке и взлохмачивает Кайлеру волосы.

— Вы двое должны расслабиться, вы слышали.

— Ага, мужик. Еще немного и я догоню тебя, — говорит ему Кайлер.

Джеймисон понимает намек и уходит к другой компании. На самом деле, это компания Доун. Я бы хотела, чтобы она пришла сюда и спасла меня от компании Кайлера, но она влюблена в Джеймисона на протяжении многих лет, так что всё ее внимание для него.

— Не думаю, что он продержится еще хотя бы час, — заявляет Кайлер о Джеймисоне.

Я поднимаю свой взгляд на него, прикидывая, сколько он выпил. Я бы хотела, чтобы он напился и вырубился, тогда я смогла бы наслаждаться жизнью этой ночью.

— Как долго он пил?

— Начиная с утра.

— Ты ничего не пил?

Он оборачивается к грузовику, где сейчас есть три бочки.

— Два пива.

— Ты бы выпил еще? — я определенно не должна была спрашивать, но не смогла остановить себя.

Он пожимает плечами.

— А ты?

— Да, я уже говорила.

Я делаю длинный глоток со стакана, чтобы доказать это.

Продолжая смотреть на меня, он медленно качает головой.

— Ага, я выпью еще немного.

Я улыбаюсь ему и в этот раз это настоящая улыбка. В основном, потому что я представляю его где-то в поле, в вороньем дерьме или чем-то подобном.

Рев мотоцикла, как будто тянет в дорогу. Кайлер и я одновременно оглядываемся, как и многие с вечеринки. Я не узнаю парня, стягивающего шлем. Он выглядит как Джеймисон, только старше и его волосы уложены не так как у Джеймисона. Вместо того, чтобы одеть голубые джинсы и поло, как Кайлер и его приятели, он одет в черные джинсы и черную футболку. Мое лицо вспыхивает, глядя на него.

Он зажимает свой шлем под мышкой, идя к дому, оглядываясь на переполненное поле, перед входом. Он не выглядит удивленным от такой компании.

— Кто... это? — спрашиваю я Кайлера.

— Брат Джеймисона, Джерон.

— Не знала, что у него есть брат.

— Сводный брат, — добавляет он. Я слышу отвращение в его голосе. Видимо, ему не нравится сводный брат Джеймисона. — Он старше на несколько лет и здесь только на лето.

— Понятно.

— И он — дурные вести.

Я снова сконцентрировалась на Кайлере, который смотрел на меня с беспокойством.

— Глянь на это, — говорю я, пытаюсь не показать, что кто-то как Джерон мог заинтересовать меня.

Поднеся красный стаканчик к своим губам, я смотрела туда, где Доун строила глазки Джеймисону. Не говоря ни слова Кайлеру, я пошла к ней. Он потянул меня за руку, его губы

оказались возле моего уха.

— Ты думаешь, что тебе удастся уйти?

Его голос суров, но я знаю, что на его лице улыбка, которая заставляет всех на вечеринке думать о нем только хорошие вещи.

— Я возвращаюсь к Доун.

Я тяну свою руку из его хватки, зная, что он не остановит меня. Когда-то я расплачусь за все это сполна. Его смущает, когда я не слушаюсь, но иногда трудно делать вид, даже зная последствия.

Когда я приближаюсь к компании, в которой находится Доун, она тянет меня за руку ото всех.

— У меня начались месячные, — она кусает губы от досады. — Они не должны были начаться до следующей недели. Это выводит из себя.

— Лучше раньше, чем позже, да? — спрашиваю я.

Я думаю, со всем тем, что я знаю о сексе и тем, что она предохраняется — лучше раньше, чем позже.

Она стонет.

— Конечно, я думаю. Просто я действительно надеялась, что эту ночь я проведу с Джеймисоном.

— Оу, правда?

— О, да. Ты видела его, Равин. Он определенно шикарен, и ты знаешь это.

Проигнорировав ее замечание, потому что я знаю, что он милый, говорю ей:

— Он пьян, так что, вероятно, он ничего и не заметит.

— Это грубо.

Я вижу, что она думает об этом. Я только шутила, хотя она бы не удивила меня, если бы сделала это.

— Ну и что. Я вижу, ты пьешь.

Она заглядывает в мой стакан, который почти полон.

Наш разговор был недолгим, и мы вернулись назад к толпе. Я почувствовала разочарованный взгляд Кайлера на себе, но полностью игнорировала его. Ещё немного и я буду далеко отсюда, далеко от него, и наконец, свободна.

Три напитка гудели во мне. Я даже не заметила, как выпила их. На вечеринке стало больше людей, музыка звучала куда громче, и довольно много припаркованных машин было с запотевшими окнами изнутри. Я едва замечала Кайлера, к счастью, каждый раз, когда я видела его, его рот был занят выпивкой. Так что я уверена, что он где-то напился.

Пробираясь к сортиру за домом, я могла бы сказать, что придется постоять в очереди с другими девушками. Быть парнем, когда ты на улице и тебе нужно в ванную, куда приятнее. Глянув на дом, я заметила, что все огни выключены. Может быть, я смогу пробраться внутрь незамеченной.

Передняя дверь была незапертая. Я со скрипом открыла дверь и осмотрелась. В моем поле зрения никого не было. Используя свой телефон, я осветила себе дорогу, надеялась, что найду правильную комнату, а не спальню его отца или еще что-то. Последняя дверь в коридоре была открыта и, посветив туда телефоном, я заметила, что фарфоровый божок сидел там, в ожидании меня.

Торопясь, я закрыла дверь и включила свет, вздыхая с облегчением. Я не заметила, как сдерживала свое дыхание, ища туалет. После того, как я сделала свои дела, вымыла руки, я

посмотрела в зеркало и поняла, что мои лицо и шея покрылись пятнами. Я действительно выпила слишком много этой ночью. Я должна была сдать после второго стакана. Хуже всего то, что я действительно *хочу* выпить еще. Мой разум и тело чувствовали себя свободно, но определенно не я.

Намочив полотенце холодной водой, я приложила его к моей шее, это охладило мою кожу. На улице не было жарко, но здесь я вся вспотела. Глотнув воды из под крана, я выключила ее и погасила свет, прежде чем открыть дверь.

Я громко вздыхаю в то же время, когда чья-то рука прижимается к моим губам.

— Тсс, — старшая версия Джеймисона говорит мне.

От маленького света, исходящего из спальни, я могу видеть его глаза, которые предупреждают меня слушаться – я давно знала, как подчиняться противоположному полу.

Я медленно киваю под его рукой. Он позволяет ей упасть, пока медленно кивает головой назад и вперед. Его лицо показывает, что он веселится, но еще больше оно показывает раздражение. Я не должна была заходить внутрь. Я совершенно забыла о старшем сводном брате Джеймисона, который ранее приехал на мотоцикле. Он больше был не в узких джинсах и футболке, он переделался в майку и баскетбольные шорты.

— Извини, — быстро прошептала я.

— Просто уходи, пока отец не проснулся. Джеймисон должен был сказать тебе.

Я нервно покусываю губу, представляя, что случилось бы, разбуди я его отца. Это последнее чего бы мне хотелось. Может, я и покину город через несколько месяцев, но мне не нужно наделать бед накануне.

— Я ухожу, — сказала я ему.

Продвинувшись мимо него, я на цыпочках пошла через темную прихожую.

Что-то разворачивается и прыгает по моей коже. Я прилагаю все мои усилия, чтобы не закричать. Обернувшись, я сконфужено смотрю на брата Джеймисона. Он смотрит на что-то на моей руке.

— Давай сюда, — приказывает он беззвучно.

Мой разум говорит мне не слушаться, но мои ноги каким-то образом сами идут за ним – не то чтобы у меня был выбор, он тянул меня за руку. Он затащил меня обратно в ванную, закрыв за собой дверь и включив свет. Он крутит мою руку, чтобы лучше увидеть что это.

— На тебе клещ, — отмечает он.

Я смотрю вниз, и меня сразу же пронимает дрожь. Я начинаю ныть. Я никогда раньше не сталкивалась с клещами, но я слышала, что это опасно.

— Просто сядь и сиди на унитазе. Я возьму пинцет.

— Ты точно знаешь, что делаешь? — спросила я, все еще слушая его. Закрыв крышку, я села и стала смотреть, как он роется в тумбочке в поисках пинцета. Я могла чувствовать, как клещ шевелится под моей кожей, и требовалось много терпения, чтобы не схватиться за него. Я знаю, что если я попытаюсь это сделать, то могут быть плохие последствия.

Он посмотрел на меня как на какую-то идиотку.

— Да, я знаю, что я делаю. А теперь сиди и будь спокойной.

Вместо того чтобы смотреть на него, я оглядываю маленькую ванную. Можно сказать, что в этом доме живут одни мужчины – здесь нет никакого декора, если не считать белой занавески для душа, покрытой коричневым осадком.

— Я нанесу мазь с антибиотиком, потом вытрешь ее. Не дергайся.

Я кивнула головой, чтобы ответить ему, затем я отвернулась, когда почувствовала, что он трогает мою кожу. Его рука теплее моей, в отличие от его голоса, который звучал грубо и раздраженно. Я думаю нет ничего удивительного, одни и те же гены — он такой же высокомерный как и его брат.

Перед моими глазами появляются черные пятна, и в то же время в моей голове свет. Цвета мешаются, я чувствую пульсирующую боль в голове, потом... ничего.

Глава 2

— Что случилось? — спросила я.

Когда я говорила, я чувствовала острую боль за ухом. Подняв свои пальцы и потрогав там, я поняла, что это бинт.

Я встретила с кривоватой усмешкой.

— Ты упала в обморок.

— Что?

Я собиралась сесть, но он уложил меня обратно на матрас. Я пыталась вспомнить его имя, которое мне говорил Кайлер, но мне бы и за всю жизнь это не удалось.

— Полежи еще несколько минут, с тобой все будет в порядке.

Слушая, я оглядывала комнату, которая была такой же голой, как и ванная.

Даже не было плакатов на стенах.

— Как давно ты здесь? — спросила я, осознавая, что это вообще не мое дело. Я не любопытная, но что-то в нем заинтриговало меня. Возможно, потому что он выглядит отдаленным и старомодным, как я себя чувствую.

— Ты была в обмороке, наверное, три или четыре минуты.

Его ответ заставил меня немного улыбнуться.

— Нет, я имела в виду в Арлингтоне. Я не видела тебя раньше.

Он посмотрел в сторону и вздохнул. Что-то привело его сюда, и мне сейчас это было очень любопытно.

— Почти две недели.

— Ты остановился здесь?

— Ненадолго, — его голос стал монотонным. Я могла бы сказать, что ему не нравилось здесь. Я не виню его.

Я продолжала оглядываться вокруг. У него было несколько чемоданов возле стены, один из них был открыт, в нем была куча одежды. В комнате был один комод, на нем был старый телевизор, какая-то игровая приставка. Кроме этого, ничто здесь не указывало, что здесь кто-то есть.

Не знаю, почему я почувствовала необходимость сказать ему это, но я выпалила ему свое имя.

— Я Равин, кстати. Равин Грэхем.

Он опять сфокусировался на мне и снова с той же кривой улыбкой, что и несколько мгновений назад.

— Джерон.

Как только он сказал мне свое имя, я вспомнила, что Кайлер говорил мне его.

— Откуда ты? — спросила я в этот раз.

По странной причине я хотела узнать о нем больше.

— Отсюда, оттуда, отовсюду. Моя мама не была тем человеком, который застревал в

одном месте надолго. Совсем недавно я жил в Детройте.

— Мне бы это понравилось. Так путешествовать по стране.

— Нет, это не так, — тут же заключает он. — Это отстой.

— Лучше, чем застрять здесь.

Я не должна была говорить этого. Опять же, не каждый верит в то, что мне нравится в этом городе. Разница лишь в том, что никто не спрашивает меня, *почему* я так сильно ненавижу быть здесь. Мне не нужно, чтобы он копался в моих делах, так что мне необходимо перестать копаться в его.

Вместо того чтобы спросить меня, как я того ожидала, он убирает тряпку с моего лица.

— Чувствуешь себя лучше? Снова упадешь в обморок?

— Я так не думаю, — говорю ему стыдливо.

Он помог мне медленно сесть, как будто я ребенок. Меня удивило, что он готов так заботиться о ком-то, кого даже не знает. Может, он не так похож на своего брата, как я изначально подумала.

— Хорошо, тогда возвращайся назад к Кайлеру. Он, наверное, весь в догадках, куда же ты подевалась.

Не могу удержать горький смешок.

— Да, представляю.

— Вкус недели?

— Извини? — мое лицо покраснело, я не была уверена, от смущения или от злости. — Я не какая-то шлюха.

— Я не называл тебя так, — стоя у кровати, Джерон взял приставку и включил ее, прежде чем сесть на кровать.

Я тот час встаю с неё, глядя на этого парня, ожидая, что он скажет больше. Объяснит свое поведение. Внезапно, я стала не важна для него.

— Тогда что это значит? — спрашиваю я после нескольких минут тишины, говоря немного громче рядом с его отцом.

Он смотрит на меня равнодушно.

— Я не знаю тебя, я не знаю со сколькими парнями ты была. Я не называл тебя шлюхой, и даже если ты была ею, это не мое дело.

Джерон обернулся назад к телевизору, переключая кнопки на пульте. Я чувствовала себя переполненной безумием, по какой-то одному Богу известной причине. Этот парень... он сумел завладеть мною, а я даже не знаю его.

— Хорошо, я не являюсь таковой, — рявкнула я.

— Хорошо, для тебя.

Он все еще не смотрел на меня. Я нулевое значение в его жизни.

После нескольких минут ступора, я бросила полотенце и направилась к двери, не заботясь о том, шумлю я или нет.

— Ты прав, это не твое дело!

Открыв дверь, я захлопнула ее за собой и направилась к передней части дома.

Когда я шла обратно, Доун находилась рядом с грузовиком вместе с Джеллой, танцуя под какую-то кантри хип-хоп песню.

— Равин! — крикнула она, когда увидела меня.

Ее руки вздымались в воздух, пока она покачивала бедрами вперед и назад.

— Давай, потанцуй со мной.

— Нет, не хочу, — ответила я ей.

Я подошла к тому же грузовику, но вместо того, чтобы присоединиться к ней в танцах, я села на заднее сиденье и стала наблюдать.

Я почувствовала небольшой укол ревности от того, что я не могу позволить себе такую же свободу и веселиться так же как все они. Это не значит, что я никогда не хотела веселья, но я не хочу платить за последствия. Я даже не часто провожу ночь где-то, за исключением у Доун в голубую луну. Это больно, что у меня нет того опыта старшей школы, о котором стыдно будет рассказывать детям и смеяться с друзьями через двадцать лет. Друзей вы заводите в старшей школе, потому что были в одной спортивной секции или каком-то клубе. Единственный клуб, в котором я была, был школьный совет, и то, чтобы занять время и держаться подальше от своей жизни.

Спрыгнув вниз с грузовика, я пошла к машине Доун. Она всегда не заперта, возможно, из-за того, что в ней никогда не было ничего ценного. Я забралась на заднее сиденье и прилегла. Мои глаза наполнились не пролитыми слезами, когда я думала о том, как одинока моя жизнь. Я не часто жалею себя — я и не должна. Я с нетерпением ждала окончания школы в течение последних трех лет, когда он сделал мне больно впервые. Теперь я здесь, готовая расправить крылья и взлететь — причина, по которой мой отец захотел назвать меня Равин — так что последняя вещь, которую я должна чувствовать — это жалость. К сожалению, это то, что я не могу контролировать, и я виню выпивку.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь?

Голос напугал меня, но я не открыла своих глаз. Я не шелохнулась, ничего. Вместо этого я лежала так, как будто он меня не разбудил, так, будто я все еще мирно спала, может, таким образом, он уйдет.

Когда он заговорил снова, я поняла, что это не тот голос, который я ожидала услышать.

— Равин, просыпайся, черт возьми.

Скрипнув открытой дверью, я поняла, что я все еще в машине Доун. Когда я села и осмотрела поле, то увидела, что огонь все еще тлеет, а солнце уже готово взойти на небо. Я, должно быть, пришла сюда несколько часов назад. Оглянувшись, я увидела, как Джерон склонился над задним сиденьем автомобиля, глядя на меня с любопытством.

— Что ты здесь делаешь?

— Я не знаю, думаю, я спала.

— Давай.

— Что? Куда?

Он отступил назад, открыв дверь шире. Он был полностью одет, на этот раз в темно-синие джинсы и белую футболку с карманом. Мне кажется, что у него не такой уж и большой гардероб. Я выскользнула из автомобиля, понимая, что мне нужно пописать, так что хорошо, что я проснулась сейчас.

Я понятия не имела где Доун, наверное, в одной из многочисленных палаток поблизости. Я понятия не имела, как они все пьяные, установили эти палатки, ну что ж, по-видимому, им это удалось. Некоторые, как и я, уснули в машине, а кто-то проснулся и сидел у костра с выпивкой или сигаретами.

— Ты могла спать в моей комнате, — бросил мне Джерон.

— Нет, я точно не могла.

Я достала свой телефон из кармана, было всего пять тридцать утра. Мне нужно было

возвращаться домой.

Он поставил под сомнение меня своим взглядом и своими словами.

— Я уйду на работу, так что я не могу остаться здесь с тобой...

Он растягивал слова, кажется, это и есть причина, почему я не могу спать в его постели.

Потирая свои глаза, я вспомнила, что на мне макияж. Я совершенно забыла об этом. Я точно выглядела как какой-то енот с торчащими волосами. Я снова унизилась перед Джероном.

— Спасибо, мне нужно домой, — сказала я ему. — Хотя сначала, мне необходимо найти Доун.

Я вытащила себя из машины, моя спина хрустнула, когда я вставала. Мое тело болело от заднего автомобильного сиденья.

Джерон уставился на меня с весельем в глазах, в этот раз в них не было раздражения. Я уверена, что он смеялся над моим размазанным макияжем.

— Хватит на меня смотреть, — сказала я ему.

— Это куда сложнее, чем кажется.

— Достаточно.

Мое замечание заставило его захихикать.

— Хорошо, что разбудил меня. Мне нужно отыскать мою подругу.

Как только я начала вертеть головой, высматривая Доун, Джерон остановил меня с предложением.

— Если ты не боишься мотоциклов, то я мог бы подбросить тебя домой, прежде чем с головой уйду в работу.

Я засомневалась на минуту. Я действительно не должна ехать на мотоцикле с ним, но это всего лишь поездка домой, и это также означает, что мне не придется ходить от палатки к палатке в поисках Доун или Кайлера.

— Где ты работаешь?

Я задала свой вопрос, не отвечая на его.

- McDube's.

Я знала, что это одно из наибольших хозяйств в Форте Колхуна, городке в получасе езды от нас. Он ездит на своем мотоцикле каждое утро на ферму, чтобы пробыть там шесть часов. Кажется... странным, по меньшей мере.

Я медленно закивала головой, глядя на его мотоцикл, который был матово-черным и хромированным. На нем было слово "Honda". Он был красивым, что и так понятно, но мне было страшно, смогу ли я поехать на нем. Не потому что у меня есть страх смерти, а потому что я боюсь наказания.

В какой-то странной альтернативной вселенной, идея быть пойманной вызывает трепет во мне. Не потому что, мне нравится то, что делает Кайлер, когда я не слушаюсь его, но чтобы доказать свою точку зрения. Что я *могу* сделать лучше, чем он, в отличие от тысяч раз, когда он твердил мне, что я не смогу.

Не сомневаясь ни секунды, я выпалила:

— Конечно, поехали.

Схватив свой шлем, он передал его мне.

— Где ты живешь?

— Кристенсен Парк.

Это печально известный трейлер-парк в городе. Я не стыжусь жизни в парке трейлеров,

я стыжусь того, что мой дом на колесах. В любом случае, я не позволю ему проводить меня до дома, так что прямо сейчас это не имеет значения.

Я посмотрела на мотоцикл еще раз, когда он садился на него.

— Я могу просто пройти пешком, — решаю я вслух.

Он выглядит куда больше, когда я совсем рядом с ним, и мое сердце колотится так, как никогда прежде.

Он кивнул мне головой, не позволяя избежать этого.

— Давай же, взбирайся на этот чертов мотоцикл. Я езжу на этом малыше уже три года, и ни разу не было никаких инцидентов.

Сделав глубокий ободряющий вдох, я натянула шлем на свою голову, выдыхая горячий воздух из легких. Закинув ногу, я оседлала мотоцикл за Джероном. После того, как я заблокировала ремень, сказала ему, что готова ехать, в то время, когда мой разум говорил мне, что дороги в ад нет, и я должна ехать на этом.

— Положи свои руки здесь, — Джерон поправил мои руки, убедившись, что я надежно держусь за его талию. От него пахло перцем, свежим воздухом и чистой мужественностью. Это почти сразу расслабило меня. То есть, до тех пор, пока он не завел мотоцикл. Я втиснулась в него сильнее, что заставило его засмеяться.

Прежде чем я поняла это, мы съехали вниз по дороге, деревья проплывали мимо нас. Это чувство освобождения. К сожалению, мы доехали слишком быстро и втянулись в грязь Кристенсен Парка. Он замедлил скорость, чтобы спросить, какой мой. Я крикнула:

— Этот хорошенький, прямо здесь.

Он свернул на обочину, резко глуша двигатель. Опираясь слева, он поставил свою ногу и помог мне слезть с мотоцикла. Я поднялась и, сняв шлем с головы, отдала его ему.

— Спасибо.

— Который твой? — снова спросил он.

— Вон тот, внизу и в конце, — лгу я. Я не хочу, чтобы он знал, который.

— Ну что, ты пристрастилась к езде на мотоцикле? — он расплылся в улыбке при этих словах. Он заигрывает, я уже могу сказать это. Он также немного удивлен, я не уверена, из-за меня или в целом.

Сузив глаза, я решила развлечь его.

— Что-то вроде того. Спасибо за поездку. Я ценю это.

Прежде чем разговор может перейти во что-то большее, я разворачиваюсь на пятках и начинаю уходить. Я слышу, как он заводит двигатель, и через мгновение до меня доносится шум камней, звук все больше отдаляется и исчезает на расстоянии. Я не могу перестать улыбаться от уха до уха, пока иду вниз по дороге, думая о встрече с кем-то как Джерон, с кем-то кто не оттолкнул меня сразу же, с кем-то кто был дерзким, но не был мудаком.

Эта улыбка сразу же исчезает, когда я замечаю старый, поржавевший грузовик на моем пути.

Глава 3

Я должна бежать, но я не делаю этого. В этом нет смысла. Он не в грузовике, так что он должен быть на улице. Подойдя к двери, я делаю глубокий вдох, прежде чем войти. Он один из самых хороших питбулей, которого я когда-либо видела. Ему не нравятся незнакомцы, Брюс научил его этому. Кажется, что он на самом деле думает, будто у нас есть драгоценности, и люди хотят ворваться в дом, когда это абсолютно не правда. Я вижу, как

люди смотрят на этот дом и проходят мимо. Люди хотят избегать подобных мест, а не вламываться в них.

Он не лает, но и не ведет себя тихо. Я не хочу, чтобы он разбудил кого-то, так что я наклоняюсь и чешу его за ухом.

— Я иду в свою комнату, приятель. Ты пойдешь со мной?

Он ответил мне, помахав хвостом, тогда он пошел со мной в мою комнату, где Декстер сразу прыгнул на кровать, занимая ее нижнюю часть. Мне предстояло занять другую часть на матрасе. Я смотрела, решая, хочу спать здесь или нет. Но если меня найдут спящей на диване, то будет не лучше. Прежде чем залезть в постель, я спрятала одежду, в которой была, и надела шорты и свободную майку.

Теплая рука погладила меня по шортам, залезая под них. Мое тело вздрогнуло от его прикосновений – я не чувствовала ничего, кроме этого тепла. Когда его пальцы залезли в мое нижнее белье, я взмолилась, чтобы это не заняло много времени. Его губы прикоснулись ко мне в поцелуе, чтобы утешить меня или еще для чего-то...

— Доброе утро, принцесса, — прошептал он.

— Мм, утро, — пробормотала я.

Мои глаза остаются закрытыми. Я бы хотела найти в себе силы, чтобы отказать ему, дать ему уйти по доброму, не подпустить его к причинению вреда мне.

Когда мы только начали встречаться, он был идеален. Я сохраняла дистанцию и была скромной, какой всегда и являлась, думаю, что это его во мне и привлекло. Он шептал мне в ухо милые ничего не значащие слова, говорил мне, какая я красивая, как я отличаюсь от других девушек и, что ему нравится это. Это не заняло много времени, чтобы я запала на него, но тогда, он изменился.

Я не хотела лишаться девственности, я хотела, чтобы все шло без спешки, но он хотел двигаться быстрее. Он подождал пока я начала испытывать к нему доверие, тогда он разорвал его на части в одну ночь. Он говорил мне, что я хотела этого, что я просила об этом, что я дразнила его и заслужила все, что было сделано в ту ужасную ночь.

Чем больше я спорила с ним, чем больше я защищала себя, тем хуже становились наши отношения. Он угрожал моей семье, и хотя я не близка с ними, я все еще любила их, это пугало меня, что он мог с ними сделать. Он угрожал навредить Доун. Он заставил меня поверить в то, что я ничего не стою, что никто никогда меня не полюбит. И хоть в глубине души я знаю, что он лжет мне, чтобы держать меня под контролем, я не могу быть абсолютно уверенной в этом. Если он может утверждать, что любит меня и заставляет при этом страдать, то только Богу известно, что он сделает с людьми, которые не подчиняются ему.

Я знаю, что я слабачка, я знаю, что я идиотка, но не могу найти в себе силы, чтобы обратиться за помощью. Я не могу представить никого, кто поверил бы мне. Его семья хорошо известна, у них есть деньги и власть, в то время как моя семья полный... отстой. Моя мама алкоголичка, ее дружок подсел на разные препараты, и мой брат не лучше. Я вижу, как люди смотрят на нас, на меня.

— Я искал тебя прошлой ночью, — шепчет он.

Я слышу обвинение в его голосе. Он знает, что я избегала его. Он утверждает это, в то время как его пальцы проделывают свой путь между моих ног. Он хочет *наказать* меня за то, что я не была рядом с ним всю ночь. Не то, чтобы я могла найти его через некоторое время.

— Я... я была с Доун.

Мой голос дрожит от страха и отвращения. Я не хочу, чтобы он знал, что я вернулась домой с Джероном и о том, что я была у него в спальне прошлой ночью. Я знаю, какие последствия это может повлечь за собой.

Его рука останавливается на мне, я могу чувствовать, что он уставился на меня. Открыв свои глаза, я смотрю на него, прикидывая, что он может знать... или какие выводы он сделал.

— Нет, не была, — говорит мне он. — Не все время.

— Я уходила от нее только для того, чтобы зайти в ванную, и когда я пошла спать.

— И где же ты спала? — его голос обвинял меня.

— В ее машине.

Его глаза сфокусировались на мне на несколько минут, прежде чем он коснулся меня губами.

— Скажи мне, как ты сильно любишь меня, Равин.

Вынужденно, я говорю ему, что люблю его до луны и обратно. Все это время желая закатить глаза. Он продолжает атаковать меня своими пальцами, пока я не имитирую оргазм, который я научилась искусно показывать. Когда он верит мне, то полностью раздевает меня. Я лежу здесь, желая оказаться на другом конце света. Черт, я бы лучше сейчас стояла возле кратера вулкана, чем находилась здесь с Кайлером.

Ему может принадлежать любая, и они готовы были раздеваться для него и делать все, что он хочет, но он предпочитал овладевать мною без моего согласия. Нет, я не говорю ему об этом, но он знает, так же как и я, что я презираю в нем все.

Однажды я сказала ему, что не хочу, и тогда я ходила с разбитой губой. Я пыталась придумывать отмазки: месячные, судороги, головная боль, но ничего из этого не сработало. Он отвратительное существо.

Когда Кайлер заканчивает со мной, то встает с кровати и начинает надевать свою одежду.

— Ты работаешь сегодня? — спрашивает он.

Я киваю головой, чтобы ответить. Я работаю в ресторане два или три дня в неделю, чтобы заработать денег на колледж. Мне не пришлось бы работать, если бы мою мать не лишили государственной помощи. Она не разрешала мне работать больше, а я не смела работать меньше, ведь тогда мне пришлось бы быть с Кайлером. Я надеюсь, что этим летом я смогу работать на несколько часов больше.

— Хорошо, я вернусь после работы. О, в следующую субботу папа устраивает банкет. Убедись, что у тебя есть хорошенькое платье, которое ты прежде не надевала.

— Тогда и увидимся, — отвечаю ему.

Он улыбается теми самими губами, которыми однажды покорила меня, пытаюсь сделать вид, что действительно люблю меня, он говорит:

— Удачи сегодня, крошка, я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — лгу я.

После того, как приняла душ, я сделала пучок, прежде чем надеть шорты и футболку. Доун не ответила ни на один мой звонок или смс, но, насколько мне известно, она работает сегодня, так что я направилась туда. Туда всего две мили пешком. Даже не смотря на палящее солнце, я определенно не хочу находиться здесь весь день.

Как только мои ноги коснулись парковки, я услышала рев двигателя за собой, который спешно тормозил.

— Я так и думал, что это ты, — его голос прозвучал эхом в моих ушах.

Я не хотела оборачиваться. Я не хотела, чтобы он видел в каком физическом и эмоциональном беспорядке я находилась. Я потела всю дорогу, не говоря уже о том, как Кайлер возмутил меня.

Не слушая свой внутренний монолог, я оборачиваюсь, пока не замечаю Джерона, пьющего воду. Вода никогда не выглядела так вкусно.

Но я не могу думать об этом. Я никогда не должна думать об этом.

Проглотив комок в горле, я отвечаю:

— Да, это... я.

Я не знаю, что сказать ему... или что сделать. Это все в новинку для меня. Что бы *это* ни было.

— Куда направляешься? — спрашивает он.

— О, хм, — я поворачиваюсь к месту работы Доун.

Когда я снова оборачиваюсь к нему, он с любопытством вскинул брови.

— Страхование, да?

— Ага, моя подруга работает здесь, — отвечаю я.

Не знаю, зачем мне понадобилось уточнять это. Также мне непонятно, почему он остановился, чтобы поболтать со мной. Мы не знаем друг друга, он просто подвез меня утром, и это все. Я не хочу привязываться к нему, потому что потом связи сложно разрывать, мне это больше не нужно в моей жизни.

Джерон медленно кивает головой, прежде чем снова заговорить.

— Какие еще планы на сегодня?

Он оглядел меня сверху вниз, но не так, как это делает Кайлер. Он не смотрит на меня так, как будто я лакомый кусочек, он считывает информацию с меня. Я так думаю. Пытается выяснить, почему я одета в такую мешковатую одежду в жаркий день, вместо того, чтобы надеть шорты, из которых вываливается задница, как это делает большинство цыпочек моего возраста.

Я сжала свои губы вместе, не желая думать о том, что мне предстоит увидеться сегодня позже с Кайлером.

— Никаких, — был мой ответ.

Я действительно не знала, что ему сказать, ведь когда Кайлер увидит его возле моего дома, со мной произойдет немислимое наказание. Что бы он сказал в ответ на это? Может быть, скажет мне несколько паршивых словечек, уедет, больше никогда не заговорив со мной.

Я бы никогда не причинила неудобств людям, которых я ценю.

— Никаких, да? Звучит... весело.

Он тихо засмеялся. Я смотрела, как он наклонился, чтобы слезть с мотоцикла и встал прямо передо мной.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Мой голос кидается в панику. Достаточно для того, чтобы Джерон остановился и странно посмотрел на меня, он нахмурил свои брови, еще больше оценивая меня.

Он пожал плечами и сказал:

— Что ж, я собирался приехать встретить твою подругу и тебя, но... — Он остановился, все еще ожидая какой-либо реакции от меня.

Единственная вещь, о которой я могла думать это... почему? Почему я?

Я не могу спросить его об этом.

Так что вместо этого я, не осознавая того, медленно киваю головой, тем самым, отвечая на вопрос. Я просто дала ему разрешение приехать и встретить Доун, мою лучшую подругу, но я ничего не знаю об этом парне, только то, что он не местный, ездит на мотоцикле и работает на ферме. Если бы я рассказала Доун о нем, то она бы смеялась, говоря мне, что я думаю о каком-то случайном парне. Но ничего не имеет смысла в Джероне Спилнере.

— Ну что ж, иди, — говорит он мне.

Развернувшись на своих каблуках, в сторону работы Доун, я пошла, вероятно, с большей скоростью. Мои нервы были на пределе, и я была сконфужена. Почему у меня такое чувство, будто бы все в моей жизни собирается перевернуться с ног на голову и вывернуться наизнанку?

Звенят колокольчики, когда я вхожу на работу к Доун, оповещая о том, что кто-то зашел. Через мгновение, она выходит из своего офиса, сладко улыбаясь. Когда она видит меня, то опускает свою улыбку — я не являюсь потенциальным клиентом.

— Ты выглядишь усталой, — утверждает она. — Разве ты не... О, привет?

Ее голова оборачивается к человеку позади меня. Ей так же любопытно, как и мне.

Джерон задел меня своим телом, когда сделал шаг к Доун, чтобы пожать ее руку. Добавляю профессиональность и вежливость в список его случайных качеств.

— Я, Джерон, а ты должно быть лучшая подруга, — сказал он.

— Да, это, несомненно, я.

Доун взглянула на меня, широко распахнутыми глазами, она как будто задавала мне миллион вопросов. Я бы хотела ответить, но не могла. Я была так же заинтригована, как и она сама.

— Приятно познакомиться, — сказал он ей.

— Ага, с тобой тоже.

— Как работаете в страховке? — он окинул взглядом комнату, мы обе сосредоточились на нем. — Выглядит... скучно.

Через мгновение, она отошла от шока и начала говорить с ним, как и со всеми — с шармом. Чего я хотела бы иметь больше.

— Возможно, — ответила она. — Когда босса здесь нет, я, как правило, смотрю Нэтфликс или захожу на Фэйсбук, но когда она здесь, я должна действительно работать, и из-за этого дни тянутся очень медленно. В любом случае, мне здесь платят, так что оно того стоит. Книги моя зависимость.

Она говорила с ним больше чем я когда-либо. Я чувствую укол ревности, но я знаю, что кто-то как Доун больше подходит такому как Джерон. Кто угодно с глазами мог бы сказать это. Я же достойна такого, как Кайлер.

— Работа есть работа, — ответил Джерон Доун. — По крайней мере, у вас на работе весь день работает кондиционер.

— Это правда, — сказала она, при этом кивнув головой.

Ее улыбка становится шире, когда я не смотрю на нее, и так же она исчезает, когда Доун замечает мой взгляд. У нее есть что-то для него, и я хочу, чтобы она знала, что все нормально. Он не для меня, во всяком случае, она может быть с ним. Даже одна мысль о них, вызывает где-то в глубине меня панику.

— Хорошо, ты готова? — Джерон спрашивает, глядя на меня.

— К чему?

— Поесть. Я умираю с голоду, — он потирает рукой живот, как будто тем самым пытается показать, насколько он голоден.

— Я не... — я не могу закончить свое предложение. Доун толкает меня в плечо, отправляя пообедать с ним, не говоря при этом ни слова.

Джерон улыбается, будто бы что-то выиграл.

— Ты голодна, пойдем.

— Да, а мне в любом случае нужно возвращаться к работе, — объявила Доун, но я знала, что она лжет. Она даже подмигнула мне, перед тем как повернулась к своему офису. Я бы придушила ее прямо сейчас.

После того как мы вышли на улицу, я подумала о последствиях, которые могут быть. Кайлер проведет весь день со мной, вероятно, это будет еще хуже, нежели в тот раз, когда он поймал меня за разговором о задании по психологии с Бентли Джейкобсом. До того дня я не знала, какой Кайлер ревнивый и опасный, но он смог убедить меня в этом.

— Я в порядке, честно говоря, я не голодна.

Джерон останавливается, чтобы взглянуть на меня. Я могу сказать, что ему интересно, почему же. Он заметил Кайлера прошлой ночью, он должен знать, что мы вместе. Тогда же он предположил, что я какая-то шлюха. Он так и заявил прошлой ночью.

— Не пускает? — он спросил голосом, который был полон юмора, пройдя немного вперед. — Ты собираешься разрешать таким мудакам как Кайлер Портер запрещать тебе иметь друзей?

Я начала защищаться:

— У меня есть друзья.

Джерон продолжил идти, проигнорировав мое замечание. Видимо, он хорош в этом. Типичный парень, могла бы сказать я ... если бы я знала типичных парней.

Он идет быстрее, я догоняю его, когда он берет шлем со своего мотоцикла. Он не надевает его на свою голову, как думала я, он делает движение, как будто собирается надеть его на меня. Я мотаю головой, давая ему понять, что не могу присоединиться.

— Я не могу. Во всяком случае, мне нужно домой.

— Ты говоришь мне, что прошла пару миль в восьмидесятиградусную жару, чтобы сказать своей подруге привет и вернуться снова домой?

Мои глаза сосредоточены на чем угодно, но не на нем.

— Что-то вроде того.

— Поехали.

— Я сказала...

— Да, да, я слышал. Ты не можешь. Я подвезу тебя домой. Тебе не нужен тепловой удар.

Понимая, что он не сдастся, я тяну от него шлем, показывая недовольство, но я не могу попросить его помочь мне застегнуть шлем. Он обрадовался, но, не сказав ни слова, взобрался на мотоцикл и завел двигатель. Парень ждал, когда я залезу, пока мне нужна была минута сказать моим нервам, чтобы они успокоились.

Когда он начинает ехать, то сворачивает в абсолютно другую сторону от моего дома. Я хлопаю его по животу, чтобы сказать ему, чтобы он развернулся, но, конечно же, он не делает этого. Он полностью обманул меня. Я должна знать о последствиях. Я читала о них.

Сильвия является популярной закусочной в городе для людей постарше. Джерон, припарковавшись, не задумываясь тянет меня туда. Мужчина, вероятно восьмидесяти лет, паркует свой автомобиль рядом с нами. Его глаза скосились на Джерона — он осуждает его,

совершенно не зная. Мы все что-то делаем сами того не замечая. Джерон, кажется, не заметил этого, но если бы и заметил, то это не взволновало бы его.

Я улыбаюсь старику, когда он смотрит на меня. Я думаю, что он тоже меня осуждает, вероятно, думает, что такая цыпочка как я делает с каким-то хипстером, как Джерон.

Осознавая, что я не пойду пять миль назад в такую жару, я разрешаю Джерону вести себя за ним. Зайдя внутрь, мы садимся в углу, он берет меню и смотрит его, потом кладет его на стол. Проходит некоторое время, прежде чем я справилась с шоком.

— Как ты думаешь, что ты делаешь? — спросила я.

— Жду официанта.

Его ответ не впечатлил меня.

— Могу ли я получить свое меню обратно? — я протянула свою руку в ожидании, что он отдаст мне его.

Он даже не шелохнулся.

— Я уже посмотрел его, — ответил он.

Я сузила свои глаза. Он напомнил мне Кайлера, все это мне не нравилось.

— Все равно.

Я пробормотала эти слова, глядя в окно закусочной на тянущуюся пробку прямо за ним.

После того, как официант обслужил шестерых человек, я почувствовала, что Джерон смотрит на меня. Я вообще не понимаю его интереса ко мне, но не могу спросить об этом. На самом деле, я продолжаю смотреть в окно, пытаюсь таким образом избежать его взгляда. За дорогами и машинами большое поле. Оно выглядит так, как будто тянется на много миль без конца, но я знаю, что за ним будет лесистая местность.

Я хочу встать и обежать через это поле. Я хочу выбраться отсюда. Я чувствую, что хочу бежать, но что-то держит мою задницу на месте. Я должна помнить, что день подходит к концу, и я должна уйти отсюда для всех. Кайлера, моей мамы, Брюса, всех.

— Расскажи свою историю? — просит Джерон.

Оглянувшись на него, я увидела, что он вертит в руках обертку, с любопытством глядя на меня.

— Мою... историю?

Он кивает головой в ответ.

— Вчера я закончила старшую школу. Я собираюсь отправиться в Техас, в колледж. В то же время, это просто я. Как насчет тебя, какая история у тебя?

Улыбка, скользнувшая по его лицу, могла бы стянуть трусики с любой девушки во всем мире. Я знаю, как ребята делают это. Он собирается притворно заботиться, быть тем, кем он не является, он будет очаровашкой, будет развлекать меня, и как только он стянет мои трусики, то сразу же уйдет. И поэтому, я не ведусь на это. Я не позволю ему соблазнить себя.

— Это не твоя история.

Он говорит это таким образом, что мне так и хочется спросить, как же это он может знать лучше меня.

Снова... высокомерность.

— Да, тогда какая же моя история? Ты знаешь, ты же так хорошо меня знаешь.

С небольшим смешком, он обдумывает мгновение, затем продолжает, я и подумать не могла, что он считал это с меня настолько хорошо.

— Ты отталкиваешь людей, но на самом деле ты хочешь кого-то в своей жизни, кто

поддерживал бы тебя. Ты чувствуешь себя неловко перед людьми, которых не подпускаешь к себе. У тебя есть тайна, или даже несколько, и ты боишься даже лучшей подруге довериться в них. Ты была слишком долго встревожена и одинока, и ты жаждешь избавиться от этого, но боишься.

Даже то, что все, что он говорит, попадает прямо в точку, он невероятно бесит меня. Может быть, потому что я не хочу, чтобы кто-то знал меня так же как он. Я не *хочу*, чтобы люди знали мои тайны или пытались понять их. Они мои, и мне неловко и обидно, и ... Так невероятно неправильно. Я ненавижу себя даже за то, что скрываю все это. Что я ненавижу даже больше чем это, так это то, что кто-то как Джерон может с легкостью выяснить все о моей жизни.

Не раздумывая ни секунды, я выскользнула из-за стола и направилась к двери. Я слышала, что Джерон что-то мне кричал, но я не слушала. Выйдя на улицу, я взглянула на поле через дорогу. Когда мои ноги коснулись травы, я вскакиваю, не давая шанса какому-то дерьму, как клещам или змеям.

Горячий воздух ударил меня по щекам, когда я начала бежать, слезы текли из моих глаз. Джерон достиг той отметки, на которой никто прежде не был со мной, и он даже ничего не делал для этого.

Лесная полоса исчезает из моего поля зрения, я чувствую, что меня тянут за руку. Мое тело разворачивается, меня окутывают объятия, в которых и утешительно и страшно. Я не могу позволить этому случиться. Я была такой сильной, а он ломает меня, меньше чем за двадцать четыре часа после знакомства.

Я не могу позволить этому случиться.

Сжимая мои плечи руками, он отводит меня от себя на расстояние, в результате чего, я смотрю ему прямо в глаза. Его взгляд пристален.

— Не отталкивай меня, Равин.

Серьезность в его голосе заставляет меня вздохнуть несколько раз. *Вдох, выдох*, напоминаю я себе. Вытирая слезы, я киваю ему, как будто тем самым собираюсь сказать ему, что не буду убегать. По крайней мере, не сейчас.

— Извини, если я расстроил тебя.

— Ты не расстроил, — быстро отвечаю ему.

— Чушь.

Мы оба уставились друг на друга. Как я оказалась в этой ситуации с ним? Почему он так заикнулся на мне? Почему?

— Ты не сделал этого, — повторяю я после нескольких минут тишины. На этот раз, мой голос не так суров, как раньше. Я уже отказалась от этого, ведь я слаба.

Джерон опускает свои руки и смотрит мимо меня.

— Куда бы ты отправилась? В плаванье?

— Нет.

— Тогда ты бы не убежала далеко.

— Я не планировала побег, я планировала...

Я не могла ответить на это, так как у меня не было никакого плана. Я не знала, куда я бегу. У меня нет ни накопленных денег, ни автомобиля, чтобы сбежать. У меня не было с собой ни еды, ни одежды. Вообще, я убегала только от обеда, чтобы почувствовать себя свободной, только на один момент.

— Я должен был думать о том, что делаю. Извини.

Извинение Джерона удивляет меня. Я могу сказать, что он искренен в своих словах, не так как Кайлер, когда извиняется за набитый мне синяк под глазом. Он говорит, что он сожалеет, да и я не злюсь на него, но я не могу найти слов, чтобы сказать что-то. Я не знаю, что говорить.

Когда я и дальше молчу, он продолжает.

— У меня тоже есть хреновое прошлое. Черт, я не хочу делиться этим с миром. Так что, давай мы оставим свои секреты при себе и продолжим быть друзьями?

— Друзьями? Мы не друзья.

Мои слова полны негодования, но, кажется, они не производят впечатления на Джерона.

Запуская свою руку в волосы, он поворачивается в сторону рестораника. Он едва виден оттуда, где мы стоим.

— Мы можем быть.

— Я... я не буду друзьями с тобой.

Пройдя мимо Джерона, я снова направляюсь в ресторан. Этот обед будет неловким, но я знаю, что мне не избежать его. Не больше чем в нескольких шагах от меня, он говорит:

— Это будет нашим маленьким секретом.

Впервые это секрет, который я и не думаю хранить. Я молюсь только о том, чтобы последствия были не слишком серьезными.

Глава 4

— Еда была невероятной, спасибо, — говорю я Джерону, когда он оплачивает счет. Я чувствую себя виноватой из-за того, что он платит и за мою еду тоже, но ведь это он все заказывал. Я сомневаюсь, правильно ли это. Я чувствую себя еще более виноватой из-за того, что он практически не прикасался к своей порции.

— Мой дедушка возил меня сюда, когда я был ребенком. Я не ел здесь уже лет шестнадцать.

— Ты же жил здесь?

Он улыбается так, как будто скрывает один из своих секретов, и я понимаю, что хочу знать всю его историю и даже больше.

— Я же говорил тебе, что жил везде понемногу. И мне же нужно было иногда навещать отца.

Он протянул мне шлем, когда мы вернулись обратно к мотоциклу. Я смотрела на него несколько минут, прежде чем надеть его на голову. Конечно, есть нечто большее, чем он говорит, но это не мое дело. Я должна напоминать себе об этом снова и снова. Обычно я не любопытна, но Джерон заинтересовал меня.

Когда уже становится виден Кристенсен Парк, меня охватывает волнение. Я не хочу домой. Я не хочу торчать там до пяти часов. Я ничего не хочу. Чем ближе мы подъезжаем, тем больше мне хочется исчезнуть.

Джерон останавливает свой мотоцикл на обочине. Я встаю и возвращаю ему его шлем.

— Еще раз спасибо, — говорю я ему, в этот раз с небольшой улыбкой.

Мне понравилось вот так вот пропасть ненадолго, хоть я и знаю, что меня будет ждать наказание.

— Я завтра свободен.

В его глазах горит огонек надежды, что и завтра я проведу с ним, но рисковать не стоит.

Даже если я работаю только утром, я говорю ему:

— Я работаю весь день.

Вместо того чтобы показать разочарование, он мягко улыбается.

— Хорошо, Равин, если ты так говоришь.

— Что это значит? — спрашиваю я.

Он ничего не отвечает, надевает свой шлем и уезжает, оставив меня в облаке пыли. Я смотрю на него, пока он не сворачивает с дороги и не исчезает из поля зрения. Сразу начинаю чувствовать себя одинокой, закрываюсь, как обычно и делаю.

Когда я возвращаюсь, Брюс на кухне. Он смотрит на меня своими налитыми кровью глазами, когда я прохожу мимо.

— Голодна?

— Только поела, спасибо.

— Рад, что ты можешь себе позволить где-то питаться, — говорит он мне жестким тоном. Он ненавидит всех, кто что-то делает для себя, в основном, потому что он наркоман, который живет за счет государственных льгот, пока моя мать работает пять дней в неделю, чтобы содержать нас. Точнее его.

Я всегда ненавидела свою маму за то, что она согласна сгубить свою жизнь ради такого как Брюс — ради того, кто только напоминает человека. Кто контролирует, навязывается и пользуется ею. Он манипулирует ее эмоциями, соблазняет наркотиками, я бы никогда не смогла представить в детстве, что моя мама будет такой.

Если мой папа мог видеть все, что произошло после его кончины, он бы был в ярости. Я бы так хотела, чтобы он вернулся хотя бы на один день, чтобы вернуть мою маму. Чтобы показать ей, как она опустилась, и как все это повлияло на нас.

Это определенно никогда не произойдет, не важно как сильно я надеюсь и молюсь, точно как и ситуация с Кайлером, я просто позволю этому случиться. Я знаю, что в один прекрасный день это все разрушится, по крайней мере, для меня. Этот день близок, но все еще так далек.

— Почему бы тебе не заняться уборкой? В этом доме чертовский беспорядок, — говорит мне Брюс, в то время как я сижу на коричневом диване из восьмидесятых. В доме всегда беспорядок, никто не следит за собой, кроме меня.

Впервые, когда Кайлер попросился приехать ко мне, то было ужасно неловко. Кроме Доун я никому не разрешала навещать меня. Ее нога не ступала в этот дом с пятнадцати лет, и она никогда не оставалась с ночевкой. Кайлер кривит губы, когда заходит в мой дом. Но иногда мне кажется, что ему здесь нравится, так как тут он появляется чаще, чем я в его доме.

Вставая с дивана, я иду на кухню и наполняю раковину теплой водой с мылом.

— Даже не можешь ответить мне? — спрашивает Брюс.

— Извини, — бормочу я.

Он смотрит на меня, качая головой вперед и назад.

— Тебе повезло, что ты не моя дочь. Я бы заехал тебе рукой за неуважение.

— Я не была неуважительной.

Я оборачиваюсь к нему, ожидая удара. Он никогда не бил меня прежде, но сейчас это бы меня не удивило. Я знаю, что это не было бы так больно как от ударов Кайлера, он тощий и слабый из-за всего того, что он вводит в свой организм.

Когда он только встретился с моей мамой, на его теле были мышцы, но они уже давно

исчезли.

Видимо, мои слова задели его еще сильнее, но вместо того, чтобы ударить меня, он берет тарелку и разбивает ее об пол. Декстер вскакивает со своего спального места и бежит в гостиную. Я смотрю на беспорядок на полу, зная, что мне нужно будет все это убирать.

Выходя из кухни, Брюс ворчит себе под нос кучу слов, в том числе шлюха и влагалище. Я могу предположить, что утром он не принимал ничего, если бы он это сделал, то был бы более терпимым. Когда дверь его спальни захлопывается, я беру метлу и убираю осколки.

Мой телефон вибрирует в кармане, я достаю его, чтобы прочитать сообщение от Доун.

Доун: *Так чтооо... как все прошло?*

Я: *Что?*

Доун: *Не играй со мной в молчанку. Обед. Как это было?*

Я: *Вкусно.*

Доун: *Боже мой, девочка! Просто скажи мне, как это было? Как прошла встреча с этим парнем? Он чертовски горяч! Что с Кайлером?..*

Я благодарна, что Кайлера нет здесь, когда я получаю такие сообщения. У него появилась бы возможность повеселиться со мной.

Я даже не знаю, как реагировать. Доун может и моя лучшая подруга, но она сплетница. Все происходит таким образом, чтобы разрушить меня. Я должна была лучше осознавать это прежде чем позволить ему следовать за мной. Я должна была иметь больше силы воли и оттолкнуть Джерона. Он затишье перед моей бурей, я чувствую это.

Я: *Просто встретила с кем-то. Мы больше не увидимся, не волнуйся. Я по-прежнему с Кайлером. Пожалуйста, пусть это будет между нами.*

Доун: *Я обещаю. Но ты всегда можешь поделиться. Да? ;)*

Я: *Если я увижу его снова...*

Я ненавижу то, что в основном лгу Доун. Я хранила секреты от нее, но я никогда не лгала прямо ей. Более того, я думаю, что я вру себе. Увижу ли я Джерона снова? Я знаю, что не должна, я знаю, что у меня нет на то причин, но я не могу подавить в себе это *желание*.

Может быть, потому что он уже завладел мной и это доводит меня до ужаса. Никто не должен был так забираться под мою кожу, как это сделал он.

Перестав думать о Джероне, я сгребла остатки фарфора, затем продолжила убирать на столе. После того, как я вынесла мусор и убралась вокруг дома, увидела маму, бредущую от дороги.

Пройдя через дверь, она кинула свои ключи на стол. Своей свободной рукой она достала изо рта сигарету, оглянулась вокруг дома.

— Впечатляет. Захвати продукты из багажника?

Она даже не смотрит на меня, по крайней мере, на этот раз она высказала хоть какую-то благодарность.

— Конечно, — отвечаю я.

Дверь в спальню скрипнула.

— Ты купила мне мой стейк? — спросил Брюс злым тоном.

— Да, я купила два.

— Хорошо. Я хочу стейк на ужин, с картошкой и тем жареным дерьмом, которое ты готовишь с ней.

Мама вздыхает.

— Я начну, когда Равин вернется из бакалеи.

Я вижу снаружи, как Кайлер едет по дороге на своем пикапе. Он выпрыгивает из водительского сиденья и помогает донести мне все пакеты за один раз.

— Как твой день, красотка? — спрашивает он, прижимая свои губы к моей щеке.

Кто угодно с двумя глазами мог бы подумать, что мы счастливая, любящая пара. Он хорошо играет на публику, даже если она на моем газоне.

Иногда мне кажется, что он действительно заботливый, но потом я понимаю, что заботится он только о том, как выглядит со стороны.

Улыбнувшись ему, я говорю, что все в порядке. Я не упоминаю ни о чем, что делала сегодня, кроме уборки в доме. Я удалила все сообщения с Доун, чтобы он не увидел их. Затем он продолжает говорить о своем дне. Он работает у своего отца в бредовом управлении.

Они в основном работают в сфере питания. Я не открываю рот, предпочитая слушать о его рабочем дне, пока мы все это убираем.

Мама выходит и достает стейк, несколько картофелин и овощи, так что она может приготовить ужин.

— Нужна какая-то помощь? — спрашиваю я, зная, что она откажет мне.

— Просто дай мне сигарету, — говорит она.

После того, как я вручаю ей пачку, она берет ее губами, поджигает и только потом начинает нарезать еду.

Полуживая, я лезу в постель с Кайлером. Он хочет посмотреть кино сегодня вечером, и хоть мы оба работаем завтра утром, он настоял, чтобы я осталась на ночь. Обычно он делал так только по выходным, слушаясь своего отца, но теперь со школой было покончено, и он мог делать все, что ему заблагорассудится. Шел только первый день каникул, и я могла сказать, что они будут чертовски длинными.

— Во сколько ты заканчиваешь работать завтра? — спрашивает он, садясь рядом со мной.

Он стягивает с себя рубашку, обнажая свое тело, я ненавижу то, как хорошо он выглядит. Я помню, как впервые увидела его на баскетболе, мои слюни чуть не на скамейку капали. Я и не думала, что когда-нибудь заговорю с ним, но он заметил мой взгляд на себе и после одной из тренировок подошел и заговорил со мной.

Мое сердце трепетало. Он сказал мне, что был влюблен в меня и рад, что я наконец-то заметила его. Это было невероятно. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я боялась даже ущипнуть себя, чтобы не проснуться. Все связанное с Кайлером Портером делало меня счастливой, особенно то, когда он спросил, может ли он стать моим.

Тогда я узнала, что он никогда не был моим. Тем не менее, я была его. Он овладел мною практически во всем. И всегда будет, а я навсегда возненавижу его.

— Я думаю в четыре, — ответила я на его вопрос. Это полный восьмичасовой рабочий день, но я попрошусь остаться, если будет большая загрузка. Моя менеджер Ребекка хорошо относится к тому, что я остаюсь подольше, если мне нужно. Она виделась с моей мамой и Брюсом, так что она думает это из-за того, что я не хочу возвращаться домой к ним. Хотя, я не против, когда Кайлера там нет.

Он убирает прядь волос с моего лица, заправляя ее за ухо. Я пытаюсь сконцентрироваться на нем вместо телевизора, так как знаю, что он хочет этого.

— Я тоже. Почему бы мне не забрать тебя?

— Если ты хочешь. Я собиралась попросить несколько дополнительных часов.

Он смотрит на меня растерянно. Он не понимает, как мне может нравиться так много работать, в то время, когда он ненавидит это. Он не признает этого, кроме его отца в его семье никто не способен к работе. Может, там его утешат. Папочкины проблемы или что-то типа того.

— Ты знаешь, что когда мы поженимся ты не должна будешь работать. Можешь бросить прямо сейчас, я буду заботиться о тебе.

Мое сердце бешено забилося. О каком браке он говорит? Разве он забыл, что я собиралась в Техас осенью?

— Мне нужны деньги на колледж, — напоминаю ему.

Надеюсь, у него нет в планах отправиться за мной туда.

— Ты смешная, Равин. Я знаю, что это фантазия в твоей голове, но ты никогда не отправишься в Техас одна и даже ради колледжа. Ты заработала стипендию, ты должна поддерживать свои оценки, но все мы знаем, что ты не так умна.

Это новость для меня, я обдумываю это. Я должна была быть готовой к тому, что он станет отговаривать меня ехать, но он не делал этого, и я думала, что не будет.

Опять же, я думала о многом, что было далеко от истины.

Я хочу заметить, что получить стипендию было нелегко. Вместо этого я пытаюсь как можно лучше улыбнуться и говорю ему:

— Хорошо, я попробую.

— Это чертовски тупо, — продолжает он свой аргумент. Я вижу, как от этой идеи он становится только злее. Я не знаю, почему именно сейчас, а не тогда, когда я только собиралась или когда я уже буду там.

— Ты получила эту гребанную поддержку, только потому, что написала эссе о смерти своего отца и тех условиях жизни, в которых живешь сейчас. Они пожалели тебя. Ты всегда давишь людям на жалость, вот почему Доун слоняется с тобой. Сейчас самое время взять ответственность за свою жизнь, а не искать жалость по всюду все чертово время.

Отбросив одеяло в сторону, Кайлер встает и поднимает футболку с пола. Я не могу ничего сделать, кроме как смотреть на него. Он действительно верит в это? Это... правда? Из-за этого Доун рядом? Она сплетница, так что я не удивлюсь, если она говорила об этом кому-то раньше. Впервые мне хочется плакать перед Кайлером из-за всего того, что он сказал мне. Но я не сделаю этого сейчас.

Так что я просто молчу. Скользя взглядом то по его джинсам, то по ботинкам. Он ворчит себе под нос, что я смешна и зачем вообще начала все это. Когда кажется, что он готов уйти, парень поворачивается ко мне, в его глазах чистый гнев.

— Я заберу тебя завтра с работы, и это будет твой последний рабочий день. Я поговорю с отцом о том, где мы могли бы с тобой жить. Может быть, в гостевом доме.

Миллион слов роится в моей голове, я потеряна, я ненавижу его. Защищая полностью себя. Я слаба и напугана его настроением, так что я только киваю.

— Я поговорю с Ребеккой. Возможно, нужно будет поработать пока она не найдет мне замены.

Он закатывает глаза, но на удивление, не спорит.

— Ладно. Увидимся. Я собираюсь к Джеймисону, мне нужно к черту выпить после всего этого.

Когда я слышу, что его пикап на дороге, я хватаю одеяло и падаю на подушки на

кровати. Слезы текут по моим щекам, когда я думаю, что мне нужно бежать отсюда, но это только мои фантазии, поэтому, в конечном итоге я засыпаю думая о том, что прошлое может также стать и моим будущим.

Глава 5

Работа у Ребекки – мое убежище. Это моя жизнь вне жизни. Это место где я могу заработать денег и думать о чем-то другом. Я люблю своего менеджера, я люблю свою униформу, и я даже люблю весь персонал. Я самый молодой сотрудник здесь за последние пять лет и все загружены работой, так что общение ограничено. Когда нам удается поболтать, то, как правило, мы не говорим о наших семьях, мы говорим о клиентах, поездках, в которые хотим отправиться, вещах, которые хотим сделать или увидеть.

Жизнь на среднем западе скучна. У нас есть все времена года, и мы можем наслаждаться такими вещами как плаванье, походы, но это быстро надоедает. Все одно и то же. Я считаю, что такое может быть где угодно, но мы стараемся не задумываться над этим. Приятно представить себя на пляже во Флориде, или на серфинге в Калифорнии, или на шоппинге в Нью-Йорке. Просто в любом месте лучше, чем здесь.

Кортни проработала здесь двадцать семь лет и прожила в Арлингтоне всю свою жизнь. Она даже не выезжала из штата Небраска, и сейчас она ждет, когда родится ее первая внучка. Она часто говорит, что завидует мне, потому что я уеду в колледж в Гальвестоун. Она умоляла меня делать там все, для чего у меня не было возможностей здесь. Я говорила ей снова и снова, что планирую сделать все это.

Но теперь у меня есть опасения, что я не уеду. Я боюсь, что если попытаюсь, но он найдет меня и заставит вернуться к нему. Он знает, где мой колледж и он может заставить меня делать все, что он скажет.

Если бы я только могла найти больше сил внутри себя.

— У тебя новый клиент, — говорит мне Джесси.

Я на кухне, чищу последнюю тарелку за этот день, у меня не должно быть больше клиентов, уже без пяти четыре.

— Не могу, извини, время уже выходит.

— Он просит тебя.

— Он? — я оборачиваюсь, а Джесси улыбается, у нее румянец на щеках. Судя по румянцу, я могу только представлять, кто же там сидит за столом.

— Скажи ему, что я уже закончила. Ты можешь взять мой столик.

— Уже сказала, но он просит тебя.

Она подмигивает мне, когда проходит через дверь. В ее тридцать она в разводе, так что ей приятно внимание молодых мужчин.

Поставив последний стакан в раковину, я беру поднос и иду в зал. Он там, такой красивый, сидит за моим столом, глядя в меню. Мои губы хотят улыбнуться, но я не делаю этого, я быстрым шагом направляюсь к нему. Кайлер должен быть здесь меньше, чем через десять минут.

— Что ты тут делаешь? Как ты узнал, что я здесь работаю? — спрашиваю я достаточно тихо, чтобы только Джерон мог меня услышать.

Он так улыбается мне, что я почти что хочу его ударить. Ему нужно прекратить это. Может мы и собирались хранить секреты. Но мы не друзья, мы не можем ими быть. Я думала, что достаточно ясно показала это вчера, но оказалось, что нет.

Опуская меню, он говорит:

— Я голоден, я закажу...

— Я скажу Джесси принять твой заказ. Она работает до девяти, так что у нее есть куча времени, чтобы быть твоим официантом. Я уйду с минуты на минуту.

— Тогда я возьму просто колу.

— Серьезно, — шепчу я, оглядываясь, чтобы посмотреть, нет ли еще Кайлера. — Тебе нужно уйти. Перестань преследовать меня.

— Боишься не подчиниться своему парню, конфетка? — его взгляд говорит о том, что ему *что-то* известно. Мне это совсем не нравится.

Я не показываю этого. Вместо этого я качаю головой.

— Просто уходи, Джерон, пожалуйста.

Удивительно, но он выскользывает со скамейки. Он кажется выше, чем мне казалось прежде, может быть, это потому что я запрещала себе изучать его до сих пор. Его глаза, сегодня более зеленые, пристально смотрят на меня, пока он стоит рядом со мной и никуда не уходит.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я через минуту.

Он пожимает плечами.

— Я мог бы спросить то же самое.

— Что ты имеешь в виду?

Моя оборона на высоте. Он не должен больше спрашивать меня о моей жизни.

— Что ты с ним делаешь?

Опуская глаза, я отталкиваю его руками в грудь немного назад. И в прямом, и в переносном смысле. Прямо сейчас я не могу справиться еще и с этим стрессом в моей жизни.

— Не думаю, что это твое дело.

Он испускает саркастический смешок.

— Нет, определенно не мое.

Обернувшись, он уходит от меня. Я хочу пойти за ним и извиниться за то, что я такая сучка. Я хочу объяснить ему, что это мой страх заставляет меня быть такой, но я не могу этого сделать без каких-либо объяснений. Кроме того, если я догоню его, и Кайлер увидит, то это станет адом для меня. Но это желание остается во мне даже тогда, когда он толкает стеклянную дверь.

— Что это было? — спрашивает Джесси, стоя рядом со мной.

Я продолжаю смотреть на стеклянную дверь, желая, чтобы все было немного иначе. Если бы я встретила Джерона несколько лет назад, то все было бы по-другому. Я хочу представить нас друзьями. Возможно даже больше. Он хорош... я думаю.

— Ничего, — наконец отвечаю я ей. — Мне нужно уходить.

Проходя мимо нее, я оборачиваюсь на часы.

Когда я поворачиваюсь назад, то Кайлер стоит там и говорит с Авой, хозяйкой вечерней смены. Он мило улыбается, когда видит меня. После того как я подхожу к нему, он обнимает меня и оставляет поцелуй на моих губах.

— Я скучал по тебе, красотка.

Ава впечатлена его милыми жестами, как и все, кто видит нас на публике вместе.

— Я тоже, — говорю я ему, натягивая улыбку.

— Увидимся, — говорит он Аве, когда мы направляемся к двери. Я чувствую себя

просто, не смотря на все его слова. Я часто думала, изменяет ли он мне. Меня бы это не удивило.

Мысль об этом не заставляет меня ревновать, но все же оскорбляет. Как если бы он говорил людям, что я недостаточно хороша.

Когда мы подходим к его машине, он оборачивается лицом ко мне, наклоняясь близко, чтобы никто не услышал его.

— Почему я видел здесь Джерона?

Я симулирую невинность.

— Кого?

— Джерона, брата Джеймисона. Ты знаешь, я однажды говорил тебе, что он это плохие новости.

— Я даже не заметила. Понятия не имею. Я думаю, чтобы поесть.

Я молюсь о том, что мои слова прозвучали беззаботно, какими я пытаюсь их сделать.

Он изучает меня минуту. Его челюсть шевелится, могу сказать, что он скрипит зубами. Он явно раздражен, интересно чем, тем, что я лгу ему или чем-то другим. Наконец, он вздыхает и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Надеюсь, что все так.

Улыбаясь, он указывает мне на пассажирское сиденье.

— Садись. Мы поужинаем с моим отцом.

— Я думала, что это будет в следующую субботу?

— Его банкет. Это просто ужин.

— О, хорошо. Мне сперва нужно переодеться?

Он смотрит на мою одежду, прежде чем обойти машину на свою сторону.

— Тебе нужно быть быстрой.

Приехав ко мне домой, Кайлер остался ждать меня в своей машине. Я быстро сняла свою форму и надела леггинсы и мешковатую футболку с коротким рукавом. Он, наверное, разозлится, что это недостаточно хорошо для ужина с его отцом, но у меня не так уж много нарядной одежды. В основном вся моя одежда из благотворительного магазинчика. Ему повезло, что я еще ношу леггинсы, хоть я и не их фанатка. Единственная причина, почему я их надела, это то, что моя футболка прикрывает мою задницу.

Мой телефон вибрирует на моем столе, когда я собираюсь выходить. Я вижу номер Доун на экране.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Привет?

— Привет, что ты делаешь?

— Просто иду на ужин к семье Кайлера. А ты?

— Ох. Провожу время с Серенити. Мы думаем пойти к Джеймисону, чтобы выпить, все-таки это вечер пятницы. Мы не говорили с ним еще, так что я хотела попросить, не могла бы ты Кайлера спросить об этом.

— Не думаю, что это хорошая идея, — говорю ей, думая о том, там ли Джерон.

Он наверняка где-то внутри, как в среду ночью, но одна мысль, что он где-то там, скручивает мой живот.

— Почему? Другие говорили о том, что у него будет вечеринка. Я просто прошу удостовериться в этом. Я не о многом прошу.

То, как она говорит со мной, напоминает мне о том, что Кайлер сказал мне вчера

вечером. Она мой единственный друг и переживает за меня. Может то, что я с Кайлером поможет свести ее с парнем ее мечты. Разочарование накатывает на меня, я не могу подвести её, человека, который, кажется, всегда был рядом, даже если ее намерения и не были чистыми.

С громким вздохом, я говорю ей:

— Хорошо. Я перезвоню тебе, когда поговорю с ним.

— Ура, хорошо, спасибо. Ох, и ты должна узнать о брате Джеймисона, будет ли он там, — замечает она нараспев.

— Зачем? — я не могу контролировать свой голос.

— Эй, у тебя же есть глаза! Разве что...

— Хорошо, я спрошу, — я лгу. Я не хочу. Не после того как Кайлер спрашивал меня, что он делал в закускойной.

— Спасибо, я люблю тебя.

Я отключаюсь и иду в гостиную, чтобы взять свою обувь, но Кайлер почему-то там, сидит на диване. Он гладит Декстера и говорит с моей мамой, которая, наверное, вернулась домой, пока я была в комнате.

— Готов? — спрашиваю его.

Он улыбается, глядя на меня.

— Да, я только что говорил с твоей мамой о наших планах и о том, что пора выбирать свадебное платье.

Мой желудок опускается. Он был серьезен прошлой ночью. Точнее, я знала, что он был серьезен, но надеялась, что он сказал это сгоряча.

— Ох, — отвечаю я, глядя на него широко раскрытыми глазами. Я даже не могу претендовать на то, чтобы быть взволнованной этим.

— Ты не говорила мне этого, — мама говорит с усмешкой. — Я всегда знала, что вы оба поженитесь. Вы просто не видите любовь, которая излучается от вас двоих.

Ага, такая же любовь, как между тобой и Брюсом.

— Мы говорили об этом только прошлой ночью, — добавляет Кайлер. — Да, малышка?

Он смотрит на меня, голубизна его глаз темна и опасна. Мне нужно просто согласиться с ним.

— Да, — отвечаю я. — Я думала, что мы еще обсудим это, прежде чем говорить кому-то.

Он склоняет голову, так будто бы обсуждать что-то является абсурдным.

— Я думал, что мы достаточно поговорили об этом прошлой ночью, но если ты хочешь построить более глубокие планы, хорошо, мы можем сделать это на выходных.

— Ну, мне нужно позвонить твоей бабушке и рассказать ей интереснейшие новости.

Мама встает с дивана, при этом хватая сигарету, и идет в свою спальню.

Кайлер встает как только дверь закрывается.

— Ты идешь?

— Да.

По пути к дому его отца, я спрашиваю его о сегодняшней ночи.

— Доун звонила и спрашивала, будет ли вечеринка у Джеймисона сегодня ночью?

— Да, и что? — он смотрит на меня подозрительно.

— Так... мы идем?

— Я да. А о тебе я не знаю.

Я должна сказать нет, я должна сказать, что хочу отправиться домой, но видимо, я мазохистка.

— Я бы хотела пойти.

— Зачем? Ты даже не пьешь.

Он сворачивает на подъездную дорожку своего отца, но пока не заглушает двигатель. Он смотрит на меня в ожидании ответа. Он ждет ответа, которого я не могу ему дать.

— Потому что, — отвечаю я. — Это было бы не плохо. К тому же, Доун будет там.

Прошло несколько секунд, прежде чем он, наконец, ответил:

— Конечно, как угодно.

Очевидно, он не *хочет*, чтобы я была там. Мои мысли все о том, почему это его так бесит. Обычно, он напивается, а мне не хочется находиться с ним таким рядом.

Выйдя из машины, он не сказал ни слова. Он не берет меня за руку, как делает это обычно, и даже не смотрит в мою сторону. Я бездумно иду за ним в дом королевской семьи. Опять же, его отец мог бы быть кем-то вроде короля. Он не губернатор, но делает очень многое не только для нашего города, но и для государства в целом. Он хочет сделать наш мир лучше для следующих поколений, в отличие от Кайлера. Он известен в нашем городе и любим всеми.

Их горничная улыбается, когда я вхожу.

— Миссис Грэхам, как вы сегодня вечером?

— Я великолепно, Гвинет, а ты как?

— Прекрасно, мэм.

Она пошла в столовую и продолжила накрывать на стол.

— Она прислуга, — выплюнул Кайлер. Видимо я сильно задела его, он никогда прежде не раздражался из-за моих разговоров с Гвинет. — Имей какое-то самоуважение.

— У меня оно есть, — ответила я с горечью, осознавая, что ждет меня за это.

— Извини? — он развернулся на своих каблуках к моему лицу, но я была спасена, его отец вышел из офиса.

— Кайлер, Равин, рад, что вы присоединитесь к нам этим вечером. Как вы, детки? Как твоя мама?

Его отец, Кевин, может быть загружен все время, но он всегда уважителен, или только делает такой вид. Я не понимала, действительно он является таким, или он такой же, как и его сын. Он не давал мне никаких оснований думать о нем подобным образом, но у меня есть такие мысли.

Я улыбаюсь его отцу.

— Все хорошо, спасибо, что спросили. Как вы?

— О, ты знаешь, загружен как всегда. Увидимся за столом в десять. Хорошо? — спрашивает он Кайлера.

— Да, сэр.

Мы вдвоем идем в его спальню, которая в два раза больше моей гостиной и кухни вместе взятых. У него есть кровать и гардеробная, там собраны лучшие из лучших вещей. Я вижу, что несколько его ящиков открыты, я смотрю на них вопросительно.

— Что это?

Он подходит к радио и включает его, остановившись на какой-то песне. Я сижу на кровати и смотрю, как он снимает свою рабочую одежду и надевает что-то более удобное.

— Те? — он указывает на ящики. — Я начал паковать. Папа сказал, что хотел бы,

чтобы мы переехали в гостевой дом.

— Ты уже говорил с ним об этом?

— Да, на работе сегодня. Я звонил Гвинет и сказал, чтобы она начала собирать мои вещи. Я хочу убраться отсюда на следующей неделе.

Когда его рубашка оказывается на месте, он подходит к кровати и мои ноги оказывается с двух сторон от него. Он стоит в нескольких дюймах от меня и ласково на меня смотрит. Я не понимаю, что делает его таким неуравновешенным. Иногда, я действительно готова поклясться в том, что он любит меня, но потом он доказывает обратное. Это повторяющаяся проблема и мне стыдно быть частью этого.

Его рука поднимается и мягко гладит мою щеку, его ладонь держит мое лицо. Это тепло и утешительно, это часть Кайлера, которая проявляется не слишком часто. Когда я получаю такую его любовь, я хочу большего. Мне потребуется многих усилий, чтобы не попросить его любить меня так, как прямо сейчас. Если бы он относился ко мне так, как сейчас, то я любила бы его больше жизни, потому что у нас *есть* и хорошие моменты. Их немного и они бывают очень редко.

— Детка, — говорит он любезно. — Не накручивай себя. Я позабочусь обо всем для нас двоих. Если ты хочешь на следующей неделе пойти и выбрать мебель с Кристал, это сделает меня счастливым, но ты не должна делать этого. В любом случае, об этом позаботятся. Я говорил тебе, что ты моя на всю оставшуюся жизнь. Я всегда буду заботиться о тебе.

Он прижимается своими губами к моим. Мне нравится это, и в некотором смысле, я хочу раствориться в нем, но затем я вспоминаю, что он пытается отобрать мой колледж, мое будущее, мой шанс уехать и я забываю о комфорте. Я немного отталкиваю его. Я так же улыбаюсь, не показывая ему своего отвращения.

— Какая мебель? — я думаю, что перемена темы лучшее, что я могу сделать.

Я не против пройтись по магазинам с Кристал, даже за мебелью, но я против жить с человеком, с которым я не хочу никакого будущего. Кристал является подругой его отца. Они вместе пять лет. Она всего на несколько лет старше меня и для меня это неловко. Она одна из самых приятных людей, которых я когда-либо встречала.

— Диван, покрывало, шторы и все то дерьмо, что с этим связано. Только ничего девчачьего.

— Понятно.

— Так что ты скажешь? Хочешь я спрошу ее?

Мой разум кричит нет, но моя голова кивает вперед и назад, соглашаясь с ним.

— Идеально.

Он еще раз прижимается ко мне, прежде чем отступить. Он протягивает мне руки, я вкладываю в них свои, он помогает мне встать. На радио звучит старая песня о горках на пляже, он просит меня потанцевать с ним. Это одна из причин, почему я думаю, что он неуравновешенный, еще пять минут назад он злился, что я говорила с его горничной, а теперь он нежно целует меня и просит с ним потанцевать.

Я кружусь с ним по комнате, делая вид, что у меня легкая жизнь. Это счастье. Такие вещи тоже случаются в моей жизни, однако я не делаю из мухи слона.

Зажав меня в своих руках, мы раскачиваемся, замедляясь, так как песня заканчивается. Он опускает свои руки по моему телу и прочно хватает меня за зад, прижимая меня к себе настолько близко, насколько может. Я чувствую счастье внутри себя. Я не думала, что танцы так могут переменить парня, но это произошло.

— Мы можем пожениться этим летом? — он шепчет мне на ухо.

— Этим... этим летом? Почему? — я знаю почему, это глупый вопрос. Мы оба это знаем, но я все равно спрашиваю.

Он немного теряется.

— Почему нет? Что нас останавливает?

Я надеялась на *что-то* большее, чем это. Что-то вроде, *я так сильно люблю тебя*, или *я не могу дождаться того, чтобы ты стала моей женой*. Это было бы ложью, я знаю, но это лучше, чем сказать, *почему нет*.

Я должна найти способ, чтобы предотвратить это. Любого предлога будет достаточно, если я смогу сдерживать его все это время. Поэтому я говорю ему только разумное оправдание, надеясь, что не рассержу его.

— Я просто не думаю, что нам хватит времени спланировать свадьбу, которую мы заслуживаем.

Он поднимает пальцем мой подбородок, заставляя смотреть на него. Он изучает меня в течение нескольких минут, прежде чем медленно кивнуть головой.

— Сколько, ты думаешь, нам нужно?

— Несколько месяцев, по крайней мере. Может быть, осенняя свадьба. Было бы красиво?

— И холодно, — добавляет он с горечью.

— Нет, если это будет в помещении. Мы могли бы не заботиться о погоде.

— Я поговорю об этом с отцом.

Я победно улыбаюсь, прикидывая, насколько мы ушли от того, как нам предстоит идти к алтарю. Моя единственная вина в том, что, вероятнее всего, его отец будет платить за все.

Глава 6

— Могу ли я украсть ее ненадолго? — спрашивает Доун у Кайлера, когда мы приходим. Она тянет меня за руку, прежде чем кто-то из нас ответит.

Он подмигивает ей и говорит:

— Пожалуйста, только верни её до конца ночи.

Он уходит, даже не попрощавшись, он и не попытался этого сделать. Доун тянет меня от толпы, чтобы никто не смог нас услышать.

— О, Господи, Равин, ты даже не представляешь, что я узнала о Джероне?

— Что же?

— Он убил кого-то.

Ее глаза расширились, но я не могу сказать от веселья или испуга.

То, что она верит кому-то, очень веселит меня.

— Да, конечно, — отвечаю я с сарказмом.

— Нет, серьезно. Джеймисон сказал Катерине, а она сказала Серенити, и она сказала мне. Вот почему он дома, он должен посещать какие-то общественные работы или что-то типа того. Перестань таскаться с ним.

Я не могу сдержаться, чтобы не закатить глаза.

— Ты думаешь, что если он убил кого-то, то он станет посещать общественные работы?

Ее рот захлопывается, но потом она продолжает.

— Хорошо. Нет. Я... Я не знаю.

— Это все слухи. Если Джеймисон сказал об этом Катерине, то вероятно, чтобы

задержать ее, как-то заинтересовать или что-то вроде того.

Медленно губы Доун растягиваются в улыбке, но я знаю, где ее мысли.

— Хорошо. Я рада, что он никого не убивал. Он слишком горяч. Ты действительно должна упомянуть меня, когда вы будете говорить в следующий раз.

— Следующего раза не будет, Доун, — говорю ей снова. — Мы с ним не друзья. Если он тебе так нравится, то иди и повторно представься.

Я смотрю, как она думает над этим. Я знаю, что она не стесняется, когда дело доходит до парней, но она не пойдет первой. Безусловно, у нее много уверенности в себе, и я завидую ей. Я не могу помочь ей, но чувствую себя обиженной. Возможно, я не хочу его, но я не хочу, чтобы она была с ним. Он моя личная тайная жемчужина, и я хочу сохранить ее для себя.

— Если он выйдет, то думаю, что я подойду.

Она окидывает взглядом дом. Свет в его спальне горит, так что он должен быть там. Я не заметила, здесь ли его мотоцикл.

— Я думаю это его спальня.

Когда Доун закусывает губу, я выпаливаю:

— Нет, я думаю, это спальня их отца.

Я не уверена, почему я лгу. Я должна была держать свои эмоции под контролем. Я не должна ревновать кого-то, кто не является моим и никогда таковым не будет.

Она теряет надежду.

— Облом. Хорошо, давай выпьем.

— Звучит отлично.

На этот раз я чувствую, что мне необходимо выпить. Ярываюсь между Кайлером, который пытается разрушить мои мечты и планирует свадьбу, Джероном, вошедшим в мою жизнь неожиданно, и Доун, пытающейся увести его, поэтому мне нужно отпустить все это этой ночью. Жаль, что я слишком боюсь действительно напиться. Особенно здесь, рядом с Кайлером.

Доун и я заполняем по очереди стаканы пивом из бочонка и подходим к толпе. Серенити болтает о своей новой машине, которую родители купили ей на выпускной — красный кабриолет. Все разговоры проходят мимо меня, я слушаю их в одно ухо, думая совершенно о других вещах.

— Я слышала, что ты больше не собираешься в А&М, Равин?

Я смотрю на Джеллу по меньшей мере подозрительно.

— Кто сказал?

Вся толпа замолкает, они пристально смотрят на меня, только Доун смотрит на меня так же озадаченно, как я себя чувствую. Я уверена, что Кайлер сказал об этом некоторым из них, но мой вопрос в том, как Джелла из всех людей так быстро узнала.

— Ох, эм, Кайлер сказал мне. Он сказал, что вы поженитесь.

Она поднимает руки, как будто убирает с себя путаницу.

Я даже не знаю, как реагировать. Я скажу да, и это будет значить, что я следую планам Кайлера и выгляжу как какая-то девка? Я скажу нет, и это будет значить, что я не хочу ничего из этого? Должна ли я ей отвечать, потому что от этого зависит мое будущее? В любом случае, я получу негативную реакцию, или от Кайлера, которому неловко из-за меня, или от этой толпы, которая думает, что я пустышка и вешаюсь на своего парня, который может позаботиться обо мне.

Я и так получаю достаточно взглядов и перешептываний из-за своей семьи. Я не хочу

еще больше боли, особенно если это не моральная боль.

— Я не знала, что он говорил это кому-то, — отвечаю я, пытаюсь убрать ее смущение.

Доун выталкивает меня за плечо из толпы.

— Пройдемся, — приказывает она.

Повернувшись на своих каблуках, я иду подальше от толпы. Я слышу несколько шокированных и множество приглушенных голосов. Новости распространяются быстро в этом городе.

— Что? — спрашиваю я, когда мы отходим достаточно далеко.

— Ты больше не собираешься в Техас?

— Я не знаю, что я вообще буду делать.

— Я люблю тебя, я люблю тебя и Кайлера, но не пойми меня неправильно, я думаю, что ты невероятно умна, но серьезно? Это глупое решение. Ты все еще можешь посещать колледж, затем вернуться домой и будешь с ним. Ты не должна бросать все это из-за него.

Как мне объяснить, что у меня нет выбора? Она бы не поняла. Совершенно ясно.

— Я сказала, что не знаю, что я делаю.

Медленно вздыхая, Доун кладет свою руку мне на плечо и кивает головой вперед и назад. Ее глаза умоляли меня, как и много раз прежде.

— Не позволяй ему принимать решения за тебя, Равин. Я знаю, что ты привыкла позволять людям использовать тебя и брать опеку над тобой, но не опускайся. Делай то, что *ты* хочешь, а не то, что хочет он. Все пойдет так как нужно.

— Это поэтому мы с тобой лучшие друзья, потому что ты взяла опеку надо мной? — добавляю я.

После того, как Кайлер сказал мне, что Доун не настоящий друг, это заставило меня задуматься. Теперь, когда она говорит эти обидные слова, это как подтверждение его слов.

— Что, нет. Равин, все, что я сказала это...

— Неважно, — заключаю я. — Ты высказала свою точку зрения. Я делаю то, что я *хочу*, так что просто... не твое дело.

Лицо Доун краснеет от гнева.

— Равин.

— Просто остановись, — говорю я громким голосом. — Прекрати говорить ему, чтобы он не опекал меня, когда ты сама это делаешь!

— Ты смешна.

— Спасибо. Ценю это.

Мой сарказм выходит с небольшой долей эмоций. Я никогда не спорила с Доун, но я и никогда не заступалась за себя. Без единого слова я уйду, готовая найти Кайлера и спросить, можем ли мы уехать отсюда. Хотя, я даже не хочу уезжать с ним. Я просто хочу домой.

После десяти минут хождения вокруг, я нигде не вижу Кайлера, и моя злость только нарастает. Я готова закончить этот день, поэтому иду в сторону дороги, настраиваясь на ночную прогулку. Проходя мимо гаража, я слышу робкий голос Кайлера и девичье хихиканье.

Зайдя за угол гаража, я застаю Робин напротив стройки, ее юбка задрана на бедрах. Тело Кайлера размещено между ее ног, одной рукой он держит ее ногу. Он еще говорит ей что-то, стон срывается с ее губ.

Я не чувствую ревности или злости глядя на них прямо перед собой, вместо этого я

чувствую победу. Я отдала ему так много, я думаю, что сказать или сделать, чтобы обломать его, и после всех тех лет психического и эмоционального насилия, я успокаиваюсь. Они говорят следовать своим инстинктам, так что я должна знать, что он врет. Думая об этом и зная другие вещи, я чувствую тотальное отвращение.

Я думала, что после окончания школы все будет лучше, не хуже. Я знала, что будет проблематично пройти через это лето, но я не ожидала, что все будет так. Подруга, которая видимо и не друг вовсе, и парень, который говорит мне, что собирается жениться и в то же время готов трахать шлюху.

— Пошел ты, — прошипела я.

Спустя столько времени я могу сказать это, и это прекрасно...

Кайлер замирает на секунду, прежде чем обернуться ко мне. Нога Робин падет, и она выглядит шокированной, тем, что оказалось пойманной, она выглядит еще большей идиоткой. Но я не думаю о ней, все мое внимание обращено на эту клизму для влагалищ передо мной.

Контур лица показывали его возбуждение, счастливый подросток, но он просто мудака, каким всегда и был.

— Что ты сказала мне?

— Пошел. Ты.

Эйфория охватила меня, когда я повторила эти слова. Я бы хотела повторить их ему чертового количество раз.

Он зло, насмешливо фыркнул. Наклонив Робин в сторону, он поправляет свои штаны, прежде чем подойти ко мне. Мои ноги словно вросли в землю. Его, кажется, не волнует, что она видит, как он хватает и стискивает мою руку, крепко сжимает мою кожу. Я знаю, что будет синяк. Его голос кипит от возмущения.

— Не говори так со мной. Поняла, сука? Я твой проклятый жених, ты должна уважать меня. Ясно?

Когда я ничего не говорю, он сжимает мою руку сильнее, вызывая хныканье, когда я пытаюсь вырваться.

— Что это было? — он дышит мне в ухо. — Я чертовски плохо тебя слышу.

— Пошел ты, Кайлер. Пошел. Ты.

Мои глаза плотно закрыты, готовясь к тому, что ждет меня дальше. Я точно уверена, что довела его, и его не заботит, есть ли кто-то рядом.

Удар по моему лицу обжигает. Боль распространяется от моей щеки до шеи. Я бы упала назад, если бы он не держал меня за руку изо всех сил. Прежде чем я успеваю среагировать, его рука ударяет меня в челюсть, запрокидывая мое лицо. Ощущаю во рту вкус крови, и сильно сжимаю зубы. У меня нет никакого выбора, кроме как смотреть на это существо передо мной.

— Я не знаю, кем ты себя возомнила..., — он начинает громко говорить мне в ухо, прежде чем его прервал голос, который мгновенно вызывает волнение внутри.

— Да кем *ты* себя возомнил!!! — Джерон повторяет слова Кайлера, но теперь они предназначены не для меня. — Сейчас же дай ей уйти и отвали.

Кайлер не унимается, по крайней мере, пока. На его лице заходили желваки. Он смотрит мимо меня, но его лицо все еще близко. Я чувствую запах несвежего пива, когда он говорит Джерону:

— Это тебя не касается.

— Ох, но все же касается. Ты на моей собственности. Отпусти ее... сейчас же.

— Или что? — спрашивает Кайлер.

— Или я на хрен убью тебя, — Джерон сердито плюет в Кайлера.

Я прилагаю все свои усилия, чтобы сглотнуть, но Епйлер с силой сжимает мою шею и начинает душить меня. Он хватает сильнее, и мне становится трудно дышать. Он что-то говорит Джерону, но я сконцентрирована только на том, чтобы освободить свою шею от его рук. Я цепляюсь ногтями в его руку, но его хватка слишком сильна. Мой взгляд начинает темнеть.

Его рука отпускает меня, и я наконец-то падаю на землю, отчаянно пытаюсь дышать. Я даже не заметила острой боли в коленях, пока не отдышалась. Руки обхватывают меня, отчаянные и слабые. Я понимаю, что это Робин, она продолжает шептать извинения за себя.

Я смотрю вверх, чтобы увидеть Кайлера возле гаража рядом с Джероном. Его кулак вздымается, как будто он собирается ударить Кайлера, но не делает этого. Они смотрят друг на друга говоря так много слов, но не произнося ни единого. Наконец, Кайлер толкает Джерона назад от себя, хотя он и не сдвигается.

— Держись от меня подальше, — Кайлер сплевывает. — Ты чертов педик.

Джерон толкает его, прижимает к стене гаража, но не говорит ни слова. Подойдя ко мне, он опускается, чтобы помочь. Это заняло минуту, чтобы поставить меня на ноги. Я смотрю назад на Кайлера, он посылает мне взгляд-предупреждение. Последствия будут громадными. Он и я, мы оба знаем это.

Часть меня хочет бежать назад к Кайлеру и просить прощения, только ради того, чтобы не страдать еще больше, но я не делаю этого. Я не могу двигаться.

Робин вытаскивает меня из собственных мыслей, ее лицо слишком близко.

— Ты в порядке, Равин? Мне так жаль. Я не думала, что это может произойти.

— Я в порядке, — говорю ей. Мой голос монотонный и безэмоциональный, как обычно.

Ее глаза расширяются, как будто сейчас она все поняла.

— Мне... мне... мне жаль, — шепчет она еще раз.

— Пойдем со мной, — говорит Джерон, протягивая мне руку.

Он перестает тянуть меня, когда мы выходим за угол, но я продолжаю идти за ним, пока мы не оказываемся возле передней двери. Он смотрит на меня, и, взглянув на него, я могу сказать, что он более чем пьяный. Я не уверена, из-за того, что я с Кайлером, или из-за того, что Кайлер делает, или из-за всего понемногу. Это не имеет для меня значения, и не должно иметь.

После секундного молчания он, наконец, спрашивает:

— Как много раз он бил тебя?

Я не отвечаю на это. Я не хочу. Вместо этого я смотрю в сторону дороги. Где-то около часа до моего дома и я могла бы использовать это время, чтобы подумать. Я шепчу, благодарность Джерону, затем иду домой пешком.

Глава 7

Я не успеваю уйти далеко, прежде чем слышу рев мотоцикла позади себя. Он катится рядом со мной, позволяя мотоциклу управлять им.

— Сядешь на мотоцикл? — спрашивает он расстроено.

— Для чего? Чтобы ты сказал мне, что я идиотка, потому что я с ним? — я даже не могу смотреть на Джерона. Я смотрю вперед, чувствуя стыд за то, что я в центре всего этого.

— Равин.

Его голос любезный. Как будто он не хочет расстраиваться вместе со мной. Он просто хочет моего внимания. Проходит довольно много времени, прежде чем я поворачиваюсь к Джерону, показывая ему мои глаза полные слез.

— Сядешь на мотоцикл?

Кивнув головой в ответ, я залезаю на мотоцикл позади Джерона, опираясь на него. В этот раз у него нет шлема, но мне все равно. Мне нравится, чувствовать освобождение, когда мы едем. Я понятия не имею, куда мы едем, но это нормально, я хочу быть где угодно, но не здесь.

Я не знаю, как долго мы едем, должно быть, несколько часов. Мы совершенно в другом регионе. Мои ноги начинают пульсировать от постоянной вибрации. Наконец-то Джерон сворачивает на парковку, и я сразу же прошу его заглушить двигатель, как только мы оказываемся там.

— Что мы здесь делаем? — спрашиваю я, глядя на неоновую вывеску.

— Не беспокойся, у нас будет две кровати, — отвечает он, опираясь на мое колено, чтобы встать.

Он трудный человек для понимания. Он хороший, немного контролирующийся, и он не полный мудака. Я не понимаю его, и не уверена, что когда-либо захочу.

Встав с мотоцикла, я оглядываюсь, знакомясь с местностью. Я не часто уезжаю из Арлингтона, на самом деле у меня нет для этого необходимости. Хотя было несколько случаев с Доун. Ничего не указывает на то, где мы находимся, мне ничто не знакомо.

— Где мы? — спрашиваю я Джерона, когда мы направляемся к холлу мотеля.

— В Вермиллоне.

— Как в ... Южной Дакоте?

— Ага.

Он открывает дверь и пропускает меня вперед. Вместо того чтобы пройти, я вопросительно смотрю на него. Почему мы в совершенно другом штате за два часа от дома? В небольшом мотеле. У него есть жизнь, у меня тоже, мы не можем так просто сбежать.

Подняв бровь, он спрашивает с любопытством:

— Ты заходишь или нет?

— Эм, да, — отвечаю я после секунды, прежде чем я, наконец, прошла через дверь.

Кондиционер делает воздух в холле в два раза холоднее, чем на улице. Леди в темно-бордовом поло приветствует нас с другой стороны стола, с огромной улыбкой на своем лице она замечает Джерона.

— Привет, я могу вам помочь?

Ее взгляд ни разу не падает на меня, её глаза все время прикованы к Джерону, пока он заказывает комнату с двумя кроватями, как он говорил. Клянусь, я видела, как улыбка этой леди стала еще больше, когда он упомянул это.

Получив ключи, мы идем по коридору к комнате один-одиннадцать. Джерон открывает дверь и пропускает меня войти первой. В комнате пахнет несвежим сигаретным дымом, тот же запах, когдаходишь в дверь моего дома. Я сажусь на первую кровать, пока Джерон идет мимо и садится на кровать ближе к окну, он снимает обувь и бросает ее в сторону. Он тянется, и я не могу остановиться и смотрю на него, как рубашка обнажает его живот, показывая под тканью не только точеный живот, но также и намек на татуировки.

Я хочу спросить, что это, но не перехожу границы. Вместо этого я спрашиваю:

— Что мы здесь делаем?

Так как он первый раз не ответил, когда я спрашивала.

— Нужно отдохнуть, — отвечает он небрежно. Потянувшись к краю стола, он берет пульт и включает телевизор, затем ложиться на подушку, чтобы расслабиться. Он делает это слишком часто, игнорируя реальные ответы на вопросы.

Как бы ни хотела игнорировать жизнь, я не могу оставить все вопросы без ответов. Будучи надоедливой, я снова спрашиваю:

— Джерон. Что мы здесь делаем? Как в Вермильоне, так и в нескольких часах от дома?

Со вздохом, Джерон выключает телевизор и садится на своей кровати немного ровнее. Он смотрит на меня с разочарованием.

— Как долго он это делает?

Я смотрю на Джерона, слишком страшно сказать ему правду, но я не хочу лгать. Так что, я не говорю ничего.

— Что ж?

— Я не знаю, — бормочу я, глядя вниз на свои руки. Я нервно мну их, зная, что получу от Джерона что-то вроде лекции.

Когда он не говорит ничего в течение минуты, я смотрю на него с любопытством. Он все еще смотрит на меня, но я не думаю, что он меня *видит*. Что-то играет в его голове, например воспоминания, которые ему совсем не нравятся.

— Джерон, — шепчу я.

Он вскакивает со своего места и моргает несколько раз, пока фокусируется на мне.

Подняв свои губы, он пытается улыбнуться, он не обманывает меня. У него тоже болезненное прошлое.

— Мы не обязаны говорить об этом, но если ты *хочешь*, я здесь для тебя, Равин. Я твой друг.

— Почему ты считаешь себя моим другом? Ты даже не знаешь меня.

— Я не должен знать тебя, чтобы сказать, что ты не заслуживаешь этого дерьма. Я знал, что ты другая, я знал, что тебе больно еще с нашей первой встречи, и у меня были разные мысли, но это... я не ожидал, что кто-то так заставит тебя страдать.

Его слова пронзают меня. Я не знаю, что сказать ему.

— Я идиотка, — признаю я вслух.

Я говорила себе это много раз, но я наконец-то нашла поддержку и могу сказать это кому-то другому.

— Да, может быть, но ты не заслуживаешь подобных страданий. Совсем.

— Я позволила этому случиться, — я использую его слова, чтобы показать ему, что я заслуживаю всего того, что есть в моей жизни.

Джерон встает с кровати и подходит ко мне. Он наклоняется, заставляя упасть на кровать и ставит свои руки по бокам от меня. Его лицо в нескольких дюймах от моего, заставляя мое сердце биться так же, как несколько лет назад, когда Кайлер впервые заговорил со мной.

Его губы расплываются в дерзкой улыбке, честно говоря, меня это не волнует, это только делает его вид красивее. Его глаза, скорее коричневые сегодня, говорят мне больше чем его слова.

— Я понял это. Легко судить, когда ты не в твоей ситуации, — он снова шепчет в мои губы. — Я не буду больше осуждать тебя, Равин, пока ты не вернешься к нему.

Мне удается выдохнуть слово:

— Хорошо, — но, честно говоря, я не уверена как. Не тогда, когда он так близко ко мне.

— Не бойся постоять за себя и следовать за своими мечтами. Ты не заслуживаешь ничего кроме лучшего.

Подняв свой подбородок, я мягко прижимаюсь своими губами к его губам. Он остается холодным пока вовсе не поднимается от меня. Мое сердце разбивается от отторжения. Это больно знать, что он не относится ко мне так, но я и не должна была ждать этого. Он не давал мне оснований полагать, что он относится ко мне в некоем смысле больше, чем к другу.

Проведя своей рукой сквозь густые, темные волосы, он смотрит в окно, закрытое цветочными занавесками. Видимо, он больше заинтересован в этой занавеске, потому что она получает куда больше внимания. Мое тело немного вздрагивает, когда его голос снова заполняет комнату.

— Это не значит, что я не хочу этого, Равин, поверь мне, но ты заслуживаешь лучшего, чем я.

— Все в порядке, — говорю я ему.

— Все не в порядке, — отвечает он с жаром в голосе. Я не могу сказать зол он на себя или на меня, или, вероятно, на обоих. — У меня тоже есть тайны, которые ты, безусловно, не поняла бы, даже если бы я объяснил их тебе. У тебя впереди есть будущее, тебе не нужен кто-то вроде меня, кто будет тебя задерживать. Я не буду возвращать тебя обратно. Я твой друг, да? Просто твой друг.

Все еще с вопросом в голосе, он поворачивается ко мне, чтобы увидеть мою реакцию.

Я просто улыбаюсь ему, кивая головой в ответ.

— Тогда... давай отдохнем, — добавляет он.

— Мы вернемся домой завтра?

— Ты хочешь вернуться домой?

Я пожимаю своими плечами, я действительно не уверена. Я не хочу, но тогда снова... я. Это странное чувство, потому что я думала, что когда я окажусь далеко от дома, то я не упущу этого, но я чувствую, что у меня куча незавершенных дел и слишком много вещей осталось там.

— У меня нет никакой одежды.

— Тогда мы займемся этим утром.

— В любом случае, почему ты привез меня сюда?

Я еще раз оглядываю дешевый декор дешевого мотеля.

— Я знаю людей здесь, — его ответ расплывчатый.

— Как долго мы планируем оставаться?

Пожав плечами, он отвечает:

— Мне нужно вернуться на работу во вторник.

— Я останусь, — говорю я, мой ответ удивляет нас двоих.

Джерон наклоняет голову, с любопытством глядя мне в глаза. Я хочу, чтобы он позволил мне поцеловать его на несколько секунд дольше. Я хочу чувствовать искры и фейерверки. Я чувствую, что если наши губы сольются в полную силу, то я впервые в своей жизни получу это.

Сняв свою футболку, он кидает ее мне.

— Я иду в душ, надень это, так тебе будет удобнее. Я привезу тебе одежду завтра.

Я прикладываю все усилия, чтобы не пялиться на его тело. Вместо этого я пытаюсь

улыбнуться и киваю головой, пискнув тихо:

— Окей.

Пока Джерон в ванной, я достаю свой мобильный из кармана. Он разрывается от сообщений от Доун, интересующейся где я, что случилось, правдивы ли слухи. Я могу только представить, какие слухи распространились, но, честно говоря, меня это не волнует. Меня это ни черта не волнует. Единственное другое сообщение на моей телефоне от Брюса, он интересуется где я и когда буду.

Я выключаю свой телефон, не желая иметь дел с действительностью. Я хочу, чтобы все это исчезло из моей жизни навсегда. Бросив телефон на стол, я полностью раздеваюсь, оставив лишь нижнее белье, и натягиваю футболку Джерона через голову. Она пахнет мужественностью, так же как и он. Я тяну ткань к носу, глубоко вдыхая, в то же мгновение я ощущаю комфорт.

Вода включается в ванной, и я представляю, как Джерон выглядит голым. Я не должна думать об этом. Я узнала, что значит быть с привлекательным, доминирующим мужчиной, который получает меня. При всем этом, честно говоря, я не думаю, что Джерон в чем-то похож с Кайлером, но я не уверена. Я не знаю многого о нем, кроме того, что у него тоже есть скелеты в шкафу.

Когда вода выключается, я переключаю каналы, в поисках чего-то, что поможет отвлечься от видений в моей голове. Он выходит спустя мгновение, окруженный паром из душа, одетый в джинсы и боксеры, которые выглядывают из-под них. Он убирает свои мокрые волосы, смотря телевизор. Я, наконец, вижу татуировку на его боку. Так много деталей в простом изображении падающего ангела одетого в платье, которое развеивается вокруг него. Ветер несет его с темного неба на прекрасные небеса. Я хочу спросить его об этом, но вопрос остается на кончике моего языка. Мы обещали не говорить о тайнах друг друга, так что я закрываю свой рот и пытаюсь сосредоточиться на теле-шоу.

Джерон падает на другую кровать лицом в подушку. Я могу представить, как его измотала езда на мотоцикле, он ехал все это время, сохраняя концентрацию на дороге, пока я просто сидела там, прижавшись, в основном с закрытыми глазами, я снова и снова воображала, что я буду делать, когда вернусь домой.

— Спасибо, — наконец говорю я вслух. Я понимаю, что до сих пор не сказала этого.

Повернувшись лицом ко мне, он немного улыбается, что кажется мне искреннее моих слов.

— Я бы хотел, чтобы кто-то тоже спас меня.

— Мне страшно возвращаться назад, — признаю я. Каким-то образом сейчас я понимаю, что он знает мою тайну, и я могу еще в чем-то довериться ему. Я не уверена, что он хочет слышать это, но, в любом случае, я говорю.

Мы смотрим друг на друга несколько мгновений, и я вижу, что его взгляд смягчается.

— Не бойся. Я убью его, если будет нужно, Равин. Я буду защищать тебя.

Хоть мое сердце и трепещет от мысли, что Джерон мой рыцарь на белом коне, я знаю, что он может защитить меня только так. Потом я вспоминаю его поднявшийся кулак, он не ударил Кайлера, хотя я думала, что он сделает это. Слова Доун эхом звучат у меня в голове.

— Почему ты здесь? Почему ты вернулся в Арлингтон? Я знаю, что мы сказали, что не лезем в дела друг друга, но...

— Но ты слышала что-то, — добавляет он, уже зная, что я собираюсь сказать. Опираясь на локти, он смотрит на подушки, не на меня.

— Я сделал несколько ошибок, Равин. О некоторых я не хочу думать, но я вспоминаю их каждый проклятый день. Вещи, которые я не могу изменить. Я здесь, потому что я должен здесь быть, и когда мои общественные работы закончатся, я снова уйду.

Когда Джерон смотрит на меня в это время, в его внешности все изменилось. Теперь он выглядит... болезненно.

— Именно поэтому я не могу поцеловать тебя.

— Могу я задать тебе один вопрос, прежде чем оставлю в покое?

Медленно кивнув головой, он позволяет мне продолжать.

— Ты убил кого-то?

В ответ он только смотрит на меня, я не уверена, должна я бояться или нет. Мы устраиваем гляделки, но я сдаюсь первой. Падая назад на подушки, я снова сосредотачиваюсь на ночном телевидении, пока мои веки не становятся слишком тяжелыми. Я слышу тихое сопение, прежде чем полностью засыпаю.

Глава 8

Мы должны убраться из мотеля до десяти, даже без бесплатного завтрака, как многие делают. Урчание моего желудка напоминает мне, что у меня нет денег на еду или что-то еще.

— Может, мы должны вернуться, — говорю я Джерону, когда мы идем к его мотоциклу.

— Почему? — спрашивает он, глядя на меня через плечо.

У него мешки под глазами. Он, вероятно, не спал из-за всего этого дерьма прошлой ночью. Мне любопытно, задел ли его мой вопрос. Я чувствую себя тупой ослицей, хотя я думаю, что имею право знать, если я спала меньше чем в четырех футах он кого-то, кто убил другого человека.

— У меня нет денег, — отвечаю я. — У меня нет возможности заплатить за еду или за что-то еще.

— Не волнуйся об этом. У меня есть.

— Я не просила тебя об этом. Я не хочу подачек.

Он полностью останавливается, прежде чем доходит до своего мотоцикла, в результате чего я почти врезаюсь в него.

— Я не даю тебе подачек, но я помогаю тебе. Если тебе это не нравится, то вернешь мне деньги, когда мы вернемся, но если деньги это твоя единственная причина, чтобы вернуться, то мы не возвращаемся.

Я закусываю губу, когда смотрю на Джерона. Честно говоря, я бы хотела остаться. Я думаю, мне нужно это, уйти на время, чтобы сосредоточиться на других вещах в мире, а не на моем дерьмовом доме и людях, которым плевать на меня.

Когда я все еще не говорю ничего в течение минуты, Джерон протяжно вздыхает.

— Тогда мы остаемся. Нам нужно еще прокатиться, так что мы остановимся на время, чтобы немного позавтракать.

— Куда мы едем?

— Бристоль.

Я не спрашиваю почему. Вместо этого я сажусь на мотоцикл сзади. Утренний воздух свежий и прохладный, он хорошо чувствуется на моей коже, даже если он немного холодный. Мы останавливаемся позавтракать у Денни, и все время кажется, что Джерон сохраняет дистанцию, как будто он потерян. Он не ест ничего кроме ломтика бекона и кофе.

Я тоже не ем по утрам много, но я понятия не имею, когда мы будем есть снова, так что я делаю все, чтобы наполниться. В основном я молчу, говорю несколько фраз тут и там. Джерон говорит еще меньше.

Три часа спустя, мы в Бристоле и я снова голодна, но мне слишком страшно сказать ему об этом. Он паркуется за высоким голубым домом в унылой части города. Подъезды соединены лестницами друг с другом. Возле одного из подъездов разбросаны игрушки, одежда висит на веревках на другом крыльце, битое стекло перед одной из дверей и на последнем крыльце старик пьет коньяк прямо из бутылки в кресле-качалке.

Джерон кивает ему головой и затем стучит в дверь перед ним.

— Колин, вероятно, отправился к чертям, — говорит старик.

— Спасибо, Прыщ.

Когда он открывает дверь и входит, я спешу за ним, улыбаясь мужчине, которого он назвал Прыщом.

— Эй, Колин, — кричит Джерон, когда мы входит в холл, покрытый деревянными панелями. Здесь темно и грязно, что скорее напомнило мне дом, кроме того, здесь больше пахнет мусором, чем сигаретами. Последняя дверь в холле открывается и перед нами стоит высокий, долговязый парень, которому, вероятно, около тридцати.

— Черт, не ожидал увидеть тебя здесь, Джей Джей.

Джей Джей? Я не думала, что у него есть прозвище.

Я смотрю, как они обнимают друг друга за плечи, тогда его приятель смотрит на меня через плечи Джерона.

— Кто эта цыпочка?

— Это Равин. Равин, это важнейший для меня человек — Колин.

— Привет, — говорю я спокойно, улыбнувшись ему.

— Поужинаем? — кивает он головой. Проведя по косяку в руке, он спрашивает, — ты куришь?

— Нет, — быстро отвечаю я. Это тоже самое, что выпивка, я не хочу добраться до точки, когда перестаешь себя контролировать, так что я не хочу принимать это на себя. Я не знаю, как яотреагирую, если попробую.

Джерон толкает руку Колина в сторону.

— Чувак, я в любом случае не курю. Ты знаешь это.

— Черт, это правда, сосунок, — Колин засовывает косяк за ухо. — К черту, я выкурю это позже. Так что случилось мужик, что ты здесь делаешь?

Он идет назад в комнату, из которой вышел, Джерон и я идем за ним туда.

Я сажусь рядом с Джероном на диване, на котором три разных одеяла, различных цветов и размеров, пока его друг Колин, садится в компьютерное кресло и включает радио. Какой-то дерьмовый ганста-рэп бухает через колонки. Я понятия не имею, как я решилась на эту авантюру с Джероном.

— Нужно было уехать. Ты не представляешь, каким заключенным я уже себя чувствую.

— Ты был там всего две недели.

— И это уже ад.

— Черт, мужик, слишком плохо, что ты не куришь.

Я считаю, что сейчас самое время включить телефон. Мне наплевать на Джерона, сидящего рядом, на музыку играющую на радио. Доун прислала больше пятнадцати сообщений только прошлой ночью, давая мне знать, как она зла на меня за то, что я ей не

отвечаю.

Я: Я в порядке.

Только спустя секунду я получаю ответ.

Доун: Ты издеваешься надо мной? Почему ты ОТВЕЧАЕШЬ МНЕ ТОЛЬКО СЕЙЧАС?

Я: Мой телефон был отключен...

Доун: Твоя мама собирается дать объявление о пропавшем человеке. Даже твой брат искал тебя. Ты с этим парнем, Джероном?

Я: Нет. Я ушла на долгую прогулку. Я вернусь в следующую пару дней.

Доун: Где ты? Я заберу тебя.

Я: Я в порядке.

Доун: Вау, Равин. Ты бываешь драматичной.

Я: ... Спасибо.

— Кто это? — спрашивает Джерон. Я смотрю вверх, Колина нет в комнате. Я понятия не имею, когда он вышел.

Я смотрю вниз на другое сообщение Доун.

— Мой друг.

— Кайлер? — я могу слышать искреннюю заботу в его голосе.

— Нет. Доун.

На самом деле, Кайлер даже не пытался связаться со мной. Я скорее удивлена, что он не прислал мне ни одного сообщения или не позвонил, вероятно, он не хотел говорить по телефону. Хотя я и была идиоткой так долго, он, скорее всего, знает, что я не одна сбежала.

Джерон медленно кивает головой.

— Она волнуется?

— Думаю да, — отвечаю я, пожав плечами. — Я действительно не уверена. Скорее всего, она делает это, потому что злится.

— Ты знаешь, что он соврал всем, да?

— Что ты имеешь в виду?

— У него больше одного свидетеля. Он побежал к своему папочке, получил семейного адвоката, который будет покрывать его задницу. Когда мы вернемся, все не будет так, как будто ничего не произошло, многое вылезет наружу. Он злится, что его тайны раскрыты.

— Ой, — я смотрю вниз на новое сообщение от Доун, она просит меня, чтобы я позвонила маме. — Что если я не хочу, чтобы люди знали? Это и моя тайна тоже, и это постыдно.

Джерон скользит ближе ко мне, и без каких-либо предупреждений заключает меня в свои объятия. Мое тело автоматически напрягается, но почти мгновенно расслабляется, освобождая мой разум.

— Не стыдись, — шепчет он мне на ухо. — Не бойся, ты можешь злиться или стесняться. Ты имеешь на это полное право.

— Я позволила этому случиться.

Отодвинувшись немного назад, Джерон смотрит вниз на меня, гипнотизируя меня этой мягкостью, цветом его глаз.

— У тебя больше сил, чем ты думаешь. Ты знала, что если ты скажешь ему это, то он выставит тебя душой, может даже разрушит твою жизнь. Черт, в том положении, в котором он находится, он может полностью изменить твою жизнь. Ты сделала все, что тебе нужно было сделать, в смысле, чтобы выдержать, даже если ты не понимаешь этого.

— Как ты можешь знать так много обо всем этом?

— Моя жизнь была...

Дверь распахивается, и врываются Колин с тремя парнями, один из них с дредами и одет в футболку с Бобом Марли. Колин поднимает большую сумку с застегнутой молнией, я верю, что внутри марихуана, он бросает ее одному из парней.

— Свежесобранная.

Парень открывает сумку и глубоко вдыхает.

- Черт, да, Это то, о чем я говорил. Сколько просишь?

Игнорируя их еще раз, я пишу ответ Доун, говоря, что позвоню домой. Джерон гладит мое бедро, перед тем как встать, вероятно, он понимает, что эта компания не по мне.

— Я догоню тебя скоро, мы собираемся пойти поесть чего-нибудь.

Колин только кивает своей головой, продолжая говорить о наркотиках со своими друзьями. Я рада вырваться отсюда, и я не хочу когда-либо возвращаться. Я ненавижу все, что связано с наркотиками, я была связана с этим слишком долго.

Спустившись вниз по дороге, мы останавливаемся у бара. Я чувствую себя разочарованной всей той ерундой, что принес этот день: носить ту же одежду, что и вчера, быть рядом с травкой и громкой рэп музыкой, а сейчас бар. Видимо, Джерон *не тот* человек, каким я его представляла. Тогда я снова поняла, что первое впечатление обманчиво.

— Ты в порядке? — спрашивает Джерон, когда мы проходим через входную дверь.

— Да, я в порядке.

Он тяжело вздыхает позади меня, пока мы входим в бар вместе.

— Перестань мне нести эту чушь, что ты *в порядке*. Поговори со мной, скажи мне, что ты на самом деле чувствуешь.

Я смотрю на него с любопытством, размышляя, почему ему действительно интересно, чтобы я сказала ему, как я себя чувствую, даже если я буду скулить и жаловаться, что большинство парней презирает. Мне действительно слишком сложно объяснить свои чувства, ведь большую часть жизни я скрывала их от людей, так что, вместо этого я пожимаю плечами.

— Я сказала, что в порядке.

Джерон закатывает глаза, когда подходит к бару.

— Спрайт и ...?

Он смотрит на меня с вопросом, что я хочу выпить. Я в шоке, что он не заказал себе алкогольный напиток, мы же в баре и все такое.

— Эм, диетический Dr. Pepper было бы хорошо, спасибо.

— Держите, — отвечает бармен, ставя два стакана и наполняя их. — С вас три доллара.

Ложа двадцатку на стол, Джерон говорит:

— Я бы хотел партию в бильярд, два сыра на гриле и тарелку чипсов.

Он берет двадцатку у Джерона и вместо нее дает поднос с бильярдными шарами.

— Седьмой стол.

Когда он забирает свою сдачу, мы идем к седьмому столу, я несу напитки, а Джерон шары. Здесь, рядом с большим бильярдным столом, есть маленький, квадратный столик, где я ставлю напитки и сажусь в одно из кресел. Джерон занял все это для нас и взял кий возле стены.

— Играла когда-либо раньше? — спрашивает он, когда протягивает мне кий.

— Нет, — честно отвечаю я. — Хотя, я видела как мама и ее парень играли однажды

несколько лет назад.

— Они не позволили тебе попробовать? — он поднимает бровь с любопытством, удивлен, что в моей матери больше от сучки.

Мой ответ это горький смешок, прежде чем я делаю глоток своей содовой.

— Кстати, спасибо, — говорю я ему, поднимая свой стакан к нему.

— Без проблем.

Он берет синий квадратный мел и натирает им конец своего бильярдного кия. Он делает то же самое и с моим. К тому времени как все уже готово, бармен ставит бутерброды и чипсы на наш стол, уходя улыбаясь.

— Как ты узнал об этом месте? — спрашиваю я Джерона, когда он садится напротив меня.

Он хватает кетчуп и выдавливает его на горячую картошку фри.

— Я жил здесь несколько месяцев, пару лет назад.

— Тогда ты познакомился с Колином?

— Он мой кузен.

— Оу.

Я смотрю, как он берет несколько шгук, не спрашивая, хочу ли я, так что я не спокойно беру одну.

— Ты курил раньше?

Я помню, как он говорил, что он не может, находясь на испытательном сроке. Я узнаю о Джероне больше, чем я хочу знать, но в любом случае я задаю вопросы.

Джерон тихо смеется, когда смотрит мне в глаза, как будто кто-то веселит его. Он всегда смотрит в глаза, и когда он делает это, мое сердце подпрыгивает.

— Я делал много вещей, о которых жалею.

— Что заставило тебя остановиться? Испытательный срок?

— В том числе, — в его голосе звучит намек на развлечение.

Очевидно, я задела какой-то нерв, так что я оглядываю бар, не задавая больше вопросов. Здесь темно. Есть два маленьких окна рядом с баром. Стена покрыта различными спортивными трофеями и вырезками из газет. Только трое людей за столом рядом с нами, все остальные сидят в баре и пьют пиво. Я ожидала, что Джерон купит пиво или что-то алкогольное. Может, он не может также из-за испытательного срока.

Я рада, что он ничего не пьет, я бы не хотела ехать с ним, после того как он выпьет. Я ездила несколько раз с Брюсом, когда он был просто или сильно пьян. Это всегда было страшно, особенно, когда один раз он уснул за рулем. Трейлер начал сворачивать с дороги, в сторону, где был большой овраг. Я должна была выровнять грузовик, когда он начал ускоряться. Я кричала и кричала Брюсу, чтобы он проснулся, он отряхнул мои руки в сторону от руля и накричал, что я его отвлекаю. Мне было только двенадцать.

Какой-то запах пробирается в мой нос, вытягивая меня из моих воспоминаний. Я смотрю вниз на сэндвич на своих коленях, а потом на Джерона, который ухмыляется, и он не скрывает своей вины.

— Тупица, — говорю я ему с улыбкой.

— Я думал, что я потерял тебя. Я говорил, а ты была такой замечтавшейся.

— Извини, просто вспомнила кое-что.

Он смотрит с любопытством на меня.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет, все нормально.

— Ты будешь есть свой сэндвич?

Я даже не заметила, что он поставил один из сэндвичей передо мной. Я удивлена больше, чем я думаю.

— О, спасибо.

— Перестань относиться ко мне так, будто я делаю для тебя что-то особенное. Я просто твой друг. Ешь свою еду, затем мы сыграем партию в бильярд и уйдем отсюда.

Необходимость поблагодарить его еще раз возникает на кончике моего языка, но я молчу. Вместо этого, я подношу сыр на гриле к своему рту и откусываю один из лучших сэндвичей в моей жизни, даже включая картошку фри. Он не съел даже ее четверти. Кажется у него не большой аппетит, но он всегда заказывает кучу еды.

Когда мы оба заканчиваем, он спрашивает, готова ли я сыграть. Я безответно соглашаюсь.

— Хорошо, встань здесь вот так.

Джерон показывает мне, как стоять перед бильярдным столом, когда мы готовы. Он регулирует мои руки и пальцы на кие, уверяясь, что я держу его правильно. Его тело прижимается ко мне сзади, окутывая меня теплом. Ко мне никто так деликатно не прикасался раньше.

Держа своей рукой меня за левую руку, он отводит назад мою правую руку, показывая как вытаскивать кий, тогда с толчком он направляет мою руку вперед. Кий сталкивается с белым шаром, направляя его к другим шарам, пока треугольник не разбивается. Они разлетаются в разных направлениях, один из них скользит прямо в лузу.

— Твои полосатые, — говорит он, отходя назад от меня.

— Так что я должна ударить по всем полосатым шарам?

— Ты должна забить их в лузу, — поправляет он меня. Его лицо озаряется, когда он смотрит на меня, как я закусываю губу, пытаюсь понять игру. — Наклони свое тело так же, как я сделал это, тогда ударь кием по белому шару. Ударь его точно здесь, где мой палец, тогда он попадет прямо в лузу.

Он поясняет мне все в попытках сделать это для меня проще.

Я делаю, как он говорит, но бью белый шар неправильно, и он ударяется о голубой шар.

— Гмм, — я сомневаюсь, глядя на Джерона. Мое лицо горит от смущения.

Его попытка не засмеяться очень мила.

— Попробуй еще раз.

Размещая бильярдный шар, он показывает, куда мой кий должен ударить его, затем говорит мне сделать несколько глубоких вдохов. Я делаю все, что он говорит еще раз, на этот раз более внимательно. Кий идеально ударяет в белый шар, сталкивая его, но вместо того, чтобы скатиться в лузу, он катится на середину стола.

— Близко, — говорит он. — Это было намного лучше.

Я выпячиваю свою нижнюю губу, в любом случае, обидно, что я не сделала этого сама. Будучи в своей стихии, Джерон настраивает свой кий, попадая им прямо в мяч, и забивает. Затем второй раз, и третий. На четвертом разе, я уверена, он специально упускает, улыбаясь мне и говоря, что теперь моя очередь.

В конечном счете, мы играем три раунда, и я проигрываю все из них. Я не думала, что что-то вроде бильярда может быть так весело, даже если я полный отстой в этом. Если бы не помощь Джерона, то я забила бы всего один или два шара.

Когда мы возвращаемся на стоянку, он достает телефон и смотрит на него с отвращением. Это первый раз, когда я вижу, что он обратил внимание на свой телефон.

— Подожди, я отвечу.

Он уходит, не оглядываясь, за угол, чтобы поговорить с тем, кто ему звонит.

Я сижу на скамейке возле двери и жду его. Двое сильно пожилых мужчины с длинными, седыми бородами проходят мимо меня, один из них напоминает мне байкера из "Сынов анархии" — любимого шоу Брюса. Он смотрит на меня, его глаза сужаются, и губы расплываются в улыбке.

— Ты выглядишь потерянной, — сообщает он мне.

— Нет, — отвечаю я, глядя в сторону, куда ушел Джерон.

— Разве нет, Мики?

— Разумеется, Билл, — отвечает его друг.

Я не беспокоюсь, глядя вверх. Вместо этого, я молюсь, чтобы Джерон вернулся и помог мне.

— Почему бы тебе не зайти и не присоединиться к нам в выпивке? — его рука трогает мои волосы, как это делает Брюс, и я точно знаю, что он думает.

Я быстро говорю ему:

— Я недостаточно взрослая.

Я не думаю, что это имеет значение для любого из них, особенно когда он ревет от смеха.

— Слышал это, Мики, принцесса поступает так, как будто она никогда не пила.

— Она не знает, что ей не хватает этого, — говорит его друг.

— Я это и говорю. Давай, принцесса, пойдём, повеселишься с нами.

Я быстро смотрю на них, желая убрать руку от моих волос, но не нахожу в себе сил для этого.

— Я посижу, но спасибо. Мой друг вернется через секунду и нам нужно будет уйти.

Мой голос звучит так, как будто я вовсе не нервничаю, хотя внутри меня все трясется от мысли, что эти люди вынуждают меня сделать то, чего я не хочу, в том числе просто выпить. Они огромные мужчины, и у меня нет сил бороться с ними, даже если бы у меня была сила воли, чтобы сделать это.

— Твой друг такой же хорошенький, как и ты? — спрашивает парень по имени Мики, пробежав языком по своей верхней губе

— Я не знаю, это ты мне скажи? — отзывается голос Джерона через парковку.

Парень, который держал свою руку в моих волосах, убирает ее, заламывая суставы. Если он пытается запугать, то у него это хорошо получается. Я нервно сглатываю, предусматривая худший из возможных сценариев.

— А ты, безусловно, хорошенький мальчик, — отвечает один.

Другой смеется.

— Ну же, Билл, пойдём. Эти дети не достойны нашего чертового времени.

Челюсть Билла дергается, он не готов сдвинуться с места. Джерон меньше их в половину, даже если развит не по его возрасту. Я не думаю, что он завалит этих ребят, особенно, когда их здесь двое.

— Ты знаешь, с кем ты говоришь, мальчик? — Билл сплевывает.

— Позволь мне позвать Рэя и спросить, — Джерон говорит уверенно. Что-то происходит, я не уверена что. Я продолжаю смотреть со страхом и очарованием.

Билл поднимает свою голову в сторону, не двигаясь с места, но не продолжает угрожать.

— Рэй, да? Ты знаешь Рэя?

— Я надеюсь, что это чертовски так, он мой...

— Это младший, — напоминает Мики Биллу.

Его злость сменяется чем-то другим, и он не заинтересован больше ни во мне, ни в борьбе с Джероном. Он кивает головой, как будто бы, наконец, понял какую-то шутку.

— Черт, ты вырос, не так ли?

— Ага. Сейчас я предлагаю вам извиниться перед леди, а не то выверну ваши задницы.

Видя Джерона таким требовательным и героическим, это заставляет меня покраснеть, я чувствую тепло на своих щеках, но сдерживаю улыбку.

Оба и Билл, и Мики извиняются, но не совсем хорошо, затем они направляются внутрь, говоря будто бы ничего из этого не было. Когда дверь закрывается, я вопросительно вскидываю голову на Джерона.

— Что все это было?

— Не волнуйся об этом.

Он проходит к мотоциклу, закидывая на него одну ногу, смотрит на меня, пока я смотрю на него.

Мое тело не сдвигается с места. Я все еще сконфужена.

— Нет, серьезно. Что это все значит? Кто такой Рэй? Я была напугана, Джерон, и ты просто...

— Ничего не было, Равин, не беспокойся об этом.

Что-то в его голосе изменилось, и он не действует как дерзкий, героический мужчина, каким был несколько секунд назад. Вместо этого он... обезумевший или что-то в этом роде.

Спустя секунду я отвожу взгляд, подхожу и поднимаюсь сзади на мотоцикл. Он не сказал мне ни слова, завел двигатель и покинул это место. Мы проносимся вниз по дороге, но мое воображение рисует мне лучшее. В моей голове сотни сценариев, один из них — я в его байкерской банде. Я не думаю, что такое возможно, но в голове проскакивает, что он спас меня еще раз, я не могу, но улыбаюсь.

Глава 9

Я чуть ли не засыпаю через некоторое время. У меня отнимает много сил, просто держаться за Джерона. Чтобы привлечь его внимание, я постукиваю его по груди. Он поворачивает свою голову так, что я могу кричать в его ухо.

— Я устала. Я не смогу больше продержаться.

— Десять минут, — кричит он назад, набирая скорость.

Мы пресекли границу штата Миннесота еще на рассвете. Сейчас солнце садится перед моими глазами. В этом случае, хотела бы я знать, как он собирается вернуться до вторника, если мы продолжаем ехать в противоположную сторону от Небраски.

Эти десять минут тянулись вечность, но, в конце концов, он подкатывает к шикарному белому дому. По двум его сторонам поля. Яркий красный Audi припаркован перед гаражом и мотоцикл, такой же, как у Джерона, припаркован рядом. Кто бы здесь ни жил, у него достаточно денег.

Когда он заглушает мотор, он смотрит вверх на парадную дверь. Привлекательная девушка, вероятно, такого же возраста, как и Джерон, стоит на крыльце широко улыбаясь,

вытирая свои руки о край фартука. Я поднимаюсь сзади, чтобы Джерон тоже мог встать.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спрашивает он, глядя на меня еще раз. Кажется, он не раздражен больше, это хорошо.

— Да.

Он приподнимает бровь, зная, что я не достаточно честна.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь, Равин?

— Да, я в порядке.

С глубоким вздохом, он напоминает мне:

— Будь честна со мной. Я знаю, что ты вымоталась. И ты голодна, чувствуешь себя плохо или что-то еще?

Мое упрямство хочет еще раз сказать, что *я в порядке*, но вместо этого я киваю головой.

— Все это.

— Я не ждала вас, — говорит девушка, приближаясь к нам. — Что ты здесь делаешь?

Она хватает Джерона и сжимает его в крепких объятиях, чему я на самом деле завидую.

Он тоже обнимает ее, улыбаясь. Я осматриваю окрестности, или это то, что я говорю себе. Я убеждаю себя, что Джерон не более чем друг, и никогда не будет.

В поле большой зеленый трактор с какими-то приспособлениями. Я думаю, что это для всех тех тюков сена, но я не уверена в этом. Возможно, я и выросла в деревенской местности, но я никогда не обращала внимания на то, что мне не нужно. Также на дереве далее от дома есть качели, их еле видно оттуда, где я стою. У нее должны быть дети.

Мой желудок сжимается при мысли о ее детях... с Джероном.

Почему он привез меня сюда? Да, может быть, мы и друзья, но он должен был бы знать, что это было бы для всех неудобно.

— Ты собираешься представить меня? — говорит женщина.

Я поворачиваюсь к ним лицом еще раз. Они недолго обнимались, я замечаю, что у нее игристое кольцо с бриллиантом, что указывает на то, что у них абсолютно точно есть деньги, не то, чтобы я не могла сказать это, судя по дому.

— Да, да, да, — говорит он с румянцем на щеках. Впервые я вижу его покрасневшим. Он должно быть действительно любит ее. Теперь я определенно чувствую неуместность. — Это моя подруга, Равин. Равин, это моя сестра, Джастис.

Миллион бабочек я чувствую у себя в животе, когда слышу, как он говорит слово сестра. Я думаю, его щеки покраснели из-за меня.

Я рада, что она не его любовница, но мне нужно быть уверенной, чтобы сохранить то чувство, которое мне дали эти слова. С глубоким вдохом, я говорю ей:

— Очень приятно встретиться с тобой.

— С тобой тоже, милая.

Она тянет меня в свои объятия, похожие на те, которые были для Джерона. Это... приятно.

— Так или иначе, что вы вдвоем делаете в наших краях? — спрашивает она, отстраняясь, чтобы посмотреть на Джерона.

Он пожимает плечами.

— Захотелось прокатиться, а получились длинные выходные.

— У тебя не будет из-за этого кучи неприятностей, так ведь?

— К черту, — говорит он небрежно. Я надеюсь, у него не будет проблем, это была бы моя вина, если бы это случилось. Он привез нас сюда, так что я могла бы вернуться от этой

драмы домой.

Она гладит его плечо, так как я хотела сделать это прямо сейчас.

— Отдохнете или ты поедешь назад прямо сейчас в ...

— Что готовишь? — перебивает он, я слышу спешность в его голосе и мне любопытно, что он не дал ей сказать. Моя первая мысль была о тюрьме, но мне ненавистна сама мысль об этом, даже если сейчас он на испытательном сроке.

Может быть, пребывая у его сестры, я смогу получить некоторые ответы о его прошлом.

Я не должна копаться в этом, я знаю, что не должна, но это не останавливает мое любопытство.

С долгим вздохом, она смотрит в сторону двери, из которой вышла.

— Лазанью и чесночный хлеб. Нашла новый рецепт на Pinterest, я думала, что это будет легко, но это просто... я даже не знаю, почему я пытаюсь делать это.

— Потому что ты способная, — заканчивает он за нее. — Не против, если мы присоединимся к тебе?

— О, я не хотела бы навязываться, — говорю я. Я чувствую, что мои глаза расширяются.

Они оба смотрят на меня, как будто я лишилась разума.

— Я бы хотела, чтобы вы оба помогли мне с ужином. Дети скучали по своему дяде Джерону.

Джерон смотрит на меня, когда идет в дом. Он очень игрив, что лучшим образом отвлекает меня. Вы бы не поняли это, судя по его внешнему виду или по пятнам, которые можно увидеть там и здесь. Я думаю, что это одна из многих вещей, которые мне нравятся в нем, различных частей, что составляют пазл, которым является Джерон Спилнер.

Внутри дом больше, чем кажется снаружи. Не только чистый, уютно обустроенный, но и большой. Все большое. Столешница из гранита, кажется длиной с милю, есть лестница с дизайном как для принцессы, и клетчатые полы отполированы, добавляя крутости ко всему этому. Я влюблена.

— У тебя красивый дом, — говорю я, продолжая осматриваться вокруг.

— Спасибо, дорогая. Я обязана всем этим мужу, который работает днями и ночами, чтобы быть уверенным, что у меня есть все, о чем я мечтала и больше. Здесь не много таких людей, так что когда ты найдешь одного, то убедись, что крепко держишься.

Она смотрит на брата, прежде чем подмигнуть мне, затем сворачивает за угол в комнату от кухни.

Секундой позже, она вновь входит, двое детей выбегают, крича своему дяде Джерону. Маленький мальчик со светлыми кучерявыми волосами, тянет свои руки вверх, будучи готовым взобраться. Джерон не разочаровывает, хватает малыша, подкидывает его в воздух, затем удерживает его в теплом объятии. После он поднимает маленькую девочку с коричневыми волосами, мини-версию себя, и проделывает тот же жест. Она сладко хихикает.

— Дядя Джер, я не могу поверить, что ты здесь.

— Дядя Джер, дядя Джер, — повторяет мальчик. Он выглядит на такой же возраст, но девочка говорит намного лучше.

Положив руку на голову девочки, он говорит:

— Это принцесса Алексия.

Затем на голову мальчика:

— Это ковбой Остин.

— Поправка, я не *настоящая* принцесса, — говорит ему Алексия.

Он смеется.

— Ты выставила меня дураком.

Алексия улыбается мне, оттягивая свое платье, она делает реверанс.

— Я рада с тобой познакомиться.

Это, возможно, самая очаровательная вещь, которую я видела.

— Я тоже, с вами двумя. Я Равин.

Остин улыбается, сузив свои большие глаза, показывая свои белоснежные зубы. Алексия спрашивает:

— Как... птица?

— Ага, просто как птица.

— Почему?

Ее мама смеется:

— Извини, это ее любимый вопрос. Ей нужно знать абсолютно все, — она щекочет ей шею. — Вы двое, идите умойтесь, ужин уже готовится.

С несколькими ворчаниями, дети бегут в ближайшую ванную.

— Ужин будет готов в течение десяти минут или около того. Я поставила хлеб печься в духовку. Почему бы вам двоим не помыться и спуститься в столовую? Я буду там, — она говорит в основном Джерону.

Глядя на меня, Джерон указывает вниз по коридору туда, куда ушли дети.

— Ванная комната за углом. Если хочешь пойти умыться, то я буду там.

— Окей.

Я стыдливо улыбаюсь им двоим, идя вниз по коридору, прислушиваясь к смеху детей, чтобы найти свой путь.

Уборная размером с мою спальню, но в ней есть только унитаз и раковина наряду с большим стеллажом. Если бы у меня было единственное желание в мире, то я бы хотела жить в доме как этот. По крайней мере, если я имею дело с людьми как моя мама, Брюс, черт, даже Кайлер, тогда у меня было бы место, куда я могли бы уйти. Я могла бы быть кем-то особенным, кем-то кто что-то стоит в этом мире. Я бы не чувствовала себя отстоем, каким я выросла.

Может быть, в один день я смогу работать так же упорно, чтобы позволить себе место как это. Это все, что я могу сделать. Несмотря на то, что это замечательно иметь такого мужчину, как муж Джастис, я не могу позволить себе зависеть от кого-либо.

— Ты *девушка* Джерса? — спрашивает Алексия с блеском в глазах. В них такие же водовороты коричневого и зеленого как у Джерона, и это заставляет меня улыбнуться. У них красивая семья, даже если Джеймисон в этом всем прославленная клизма.

Встряхивая своей головой, я говорю ей:

— Нет, милая, я не его девушка.

— Почему?

— Ну, мы недавно встретились.

И это единственная правда, которую я могу придумать. Я не могу обидеть ее еще больше, сказав, что этого никогда не случится.

Она громко выдыхает.

— О, нет, так ты... посторонняя?

Ее брат трясет головой.

— Мама бы не впустила постороннюю.

— Правда, — Алексия поджимает губы. — Ну, если бы ты оделась лучше, он бы наверняка полюбил тебя. Тебе также нужно поправить твои волосы, — она смотрит вверх, качая своей красивой головой и волосами назад и вперед. — Это катастрофа!

— Алексия, — голос Джерона ругает ее из-за двери. Попавшись, ее глаза расширяются вдвое обычного. — Попроси прощения.

— Нет, — говорю я ему. — Она не должна просить прощения за то, что она честна.

Замешательство на лице Алексии, вероятно, рассмешило бы меня, если бы я не хотела расстроить Джерона. Он вздыхает.

— Ты красивая, Равин, никогда не позволяй кому-либо говорить тебе обратное.

Опустив свои глаза, я подхожу к раковине и включаю воду. Оба ребенка выбегают из ванной, вероятно, готовые есть.

— Ты красивая, ты же знаешь, — говорит Джерон, подходя ко мне. Раковина оказывается достаточно большой для нас, чтобы вымыть руки. Я чувствую, что он смотрит на меня, но я нахожу больше прелести в проточной воде.

Когда я мою руки все еще без слов, Джерон подходит и закрывает дверь, держа меня в ванной вместе с ним.

— Посмотри на меня, Равин, пожалуйста.

Вы не поверите, сколько нужно усилий, чтобы посмотреть в его великолепные глаза, но я где-то нахожу эти усилия. Его глаза не блестят как обычно, на самом деле, они выглядят печально.

— Не делай этого, — говорит он мне. Его голос не суровый, вместо этого он... успокаивающий. — Ты красива, даже с крысиным гнездом на голове и мешками под глазами.

Он ухмыляется, находя больше развлечения в своих словах чем я. Когда он понимает, что я не нахожу в своей внешности ничего забавного, то хватает меня за руки и притягивает ближе. Мое сердце замирает от любопытства, почему он притянул меня ближе, что он собирается сделать.

Я знаю, он не собирается целовать меня, но моя грудь вздымается так, что вы бы подумали, что он просит меня выйти за него. Господи, я нуждаюсь в передышке, как жалкая школьница.

— Я хочу, чтобы ты видела себя такой, как тебя видят другие. Я уверен, ты знаешь, что ты красивая, я также знаю, что ты пытаешься не смотреть на это. Я не знаю, как ты не понимаешь, как невероятно ты выглядишь. Стальной серый цвет твоих глаз гипнотический и твои губы умоляют о поцелуе, твоя кожа мягкая и притягательная, твои волосы не такие... взъерошенные, — он смотрит на все это, улыбнувшись еще раз.

Смотря снова в мои глаза, я клянусь, он собирается поцеловать меня. Я могу чувствовать притяжение между нами, как два магнита, которым нужно держаться вместе, но он не делает этого. Он смотрит еще несколько секунд, прежде чем просто добавляет:

— Ты самый лучший вид красоты.

Потом кто-то поворачивает магнит, и он отталкивается от меня.

— Мы будем спать здесь этой ночью, если ты не против. Утром я собираюсь помочь моему брату по закону. Когда я справлюсь с этим, то мы можем возвращаться, если ты не слишком устала.

Мои губы дрожат слишком часто, чтобы говорить, так что я выбираю вместо этого

кивок головой. Он пробегает подушечкой своего пальца по моему подбородку и это выглядит так, как будто он *хочет* сказать что-то большее, но сдерживает себя.

Открыв дверь, он придерживает ее, пропуская меня пройти первой, говоря в какую сторону столовая. Все уже сидят за столом, в том числе муж Джастис. Он не выглядит чистым, как все здесь, вообще он выглядит неуместно в этой обстановке. Его жирные пальцы держат в руке посуду, белая рубашка пропиталась различными маслами, и все остальное в нем делает его похожим, как будто он только что пришел из гаража или что-то вроде того.

После знакомства с ним, Джастис обслуживает Джерона и меня, мы начинаем копаться в своих тарелках как все остальные. Еда невероятна, я не знаю, почему она была так неуверенна. На самом деле, это одно из лучших домашних блюд, которое я когда-либо ела, за долгое время.

После ужина, я помогаю Джастис убратся, пока дети поднимаются наверх, чтобы поиграть. Джерон выходит на улицу с мужем Джастис, Крисом, чтобы поговорить несколько минут о делах.

— Так как вы двое познакомились? — спрашивает она, пока загружает посудомоечную машину.

Я сажусь на табурет и смотрю, чувствуя свою вину, что больше не могу ничем помочь, но все уже чисто, взято и спрятано.

— Хм, у Джеймисона была вечеринка, на которой я присутствовала, и он помог мне вытащить клеща из моей руки.

Джастис вспыхивает улыбкой и это чрезвычайно напоминает мне Джерона.

— Так что, он все еще посещает вечеринки? Я имею в виду Джерона, не Джеймисона. Я знаю, что он не прекратил.

— Нет, он постоянно держится один. Я даже не знала о его существовании, пока не пробралась в дом, в ванную, — признаюсь я. — Он заволновался, вдруг я попадусь его отцу, но потом увидел клеща и помог мне. Я столкнулась с ним на следующий день, и я не знаю, думаю, что мы случайно стали друзьями.

Она закрывает дверцу машины и нажимает на кнопку, включая ее, затем облакачивается на другую стойку, скрешивая руки, когда она смотрит на меня.

— Знаешь, он убьет меня за то, что я не дала тебе воспользоваться "пятой поправкой".

— Все нормально, кажется, что ничего не делает его полностью счастливым.

— Ты делаешь его счастливым, — говорит она по секрету.

Мне хотелось бы больше уверенности в этом.

Качая головой, я говорю ей:

— Это не правда. Мы только друзья.

— Может быть так, но ты же знаешь моего брата. Он не позволяет людям войти в его жизнь. Он весь в семье, но не более.

— Я поняла. Почему так?

Выражение ее лица дает мне понять, прежде чем она произносит, что это не ее история. Это не тот ответ, который я ожидала услышать.

— Он расскажет тебе, когда будет готов. Когда вы возвращаетесь?

— Он сказал завтра, после того как он поможет Крису с какой-то работой.

— Только одна ночь?

Я пожимаю своими плечами.

— Это все было с горяча. Ему нужно успеть вернуться до вторника.

Джастис медленно кивает головой, вероятно, придумывая еще больше вопросов в голове. После секунды слишком долгого неловкого молчания, она начинает снова. Теперь я вижу, почему ее дочка задает так много вопросов.

— Так что, ты знаешь Джеймисона? Ты ходила с ним в школу или как?

— Да.

— Ты тоже выпустилась или еще нет?

— Да, — отвечаю я снова.

— Собираешься в колледж? Какие у тебя планы? — ее улыбка не исчезает, так что я уверена, что ей это все нравится больше чем мне.

Хотя я понятия не имею, как все сложится, когда я вернусь домой, видимо я избавилась от Кайлера, и предполагаю, что я *свободна* делать то, что хочется. Так что я, пожалуй, не выйду замуж за Кайлера и пойду в колледж. То есть, если он не попытается разрушить мою жизнь еще больше, чем уже есть. Так что я иду вперед со своими планами, а не тем, что Кайлер спланировал для меня.

— Я буду посещать А&М в Гальвестоуне осенью.

Я не могу сдержаться, и в моем заявлении есть доля хвастовства, хотя я никогда не хвастаюсь, но это то, чем я, несомненно, горжусь, и всегда буду.

— Удивительно. Я была в миллионе мест, но в Техасе ни разу. Какую специальность выбрала?

— Морской биолог.

— Вау, — восклицает Джастис действительно поразившись. — Я бы хотела иметь смелость, чтобы заниматься чем-то подобным.

Оглядывая ее кухню и все те невероятные вещи, которые у нее есть, я кисло смотрю на нее.

— Я бы ничего не меняла в твоей жизни.

Ее улыбка меньше, когда я снова смотрю на нее.

— Не у каждого мир черный и белый.

Так много правды в ее словах, но я позволяю этим словам остаться без ответа. Прочистив горло, она встает и направляется в коридор.

— Мне нужно уложить детей. Хочешь переодеться на ночь?

— Я не могу...

— Стой здесь. Ты нас не стеснишь, не в моем доме. Я покажу тебе дорогу в ванную, и ты сможешь принять душ и переодеться во что-то более удобное. Я даже могу дать тебе зубную щетку.

Она не смотрит на меня, пока вежливо отдает приказы. Я следую за ней по лестнице, которую я видела только в фильмах, такая же потрясающая, как в фильме "Бестолковые".

После, Джастис отводит меня в ванную, дав мне белье, и оставляет одну. Я включаю горячую воду, жду пока она станет нужной температуры, а затем вхожу, позволяя ей стекать с меня каскадами. Я чувствую, как это прекрасно быть в душе, после всего этого времени. Мои волосы – это катастрофа, и мое тело, я уверена, отвратительно пахнет.

У меня уходит несколько больше минут, чем обычно, наслаждаясь ходовыми средствами из салона, а не бюджетным Budget Barn. Я вылезаю, стараясь не капать на безупречный пол. Я ненавижу создавать беспорядок.

Джастис должно быть, немного тяжелее меня, хотя она так не выглядит, но ее спортивные брюки и майка свободно сидят на мне. Мне нравится, и мне они подходят.

После того как мои волосы расчесаны, зубы вычищены, и я воспользовалась одним из дезодорантов, который она дала мне, я чувствую себя абсолютно новым человеком. Мне комфортно и... удовлетворенно.

Когда я хватаюсь за дверь, чтобы открыть ее, звучит стук по дереву. Я тяну ее и ухмыляюсь, когда Джерон смотрит на меня, делая вид, что прикрывает свои глаза руками. Он выглядывает через пальцы, на его лице намек на улыбку.

— Ты все? Я не тороплю тебя.

— Вообще, я уже закончила.

— Я тоже собираюсь в душ, если ты не против.

— Конечно, нет, — говорю я ему. Не уверена, почему бы мне быть против.

Открыв дверь шире, он проходит и бросает какую-то одежду на пол перед шкафом и вытягивает какое-то белье.

— Ты не против разделить комнату, или ты предпочла бы, чтобы я спал в гостиной?

— Эм...

Я закусываю губу, не желая говорить правду. Я *не* хочу делить с ним постель, это было бы слишком неловко, но я бы не хотела спать одна в этом странном доме.

Он, кажется, прочитал мои мысли, когда немного кивнул.

— В гостевой комнате есть раскладная кровать. Я предупреждал Джастис, на случай если ты передумаешь. Она внизу по коридору слева, укладывает детей.

— Спасибо, — пробормотала я, уходя.

Я слышу его крик позади меня:

— Я говорил тебе, перестань меня благодарить.

Продолжая покусывать нижнюю губу, мой рот расплывается в улыбке. Он должен перестать меня заставлять так чувствовать себя.

Глава 10

В комнате темно, только на полу свет от луны. Дедушкины часы внизу в коридоре бьют, подчеркивая пустоту внутри. С глубоким вздохом, я смотрю на звездное небо через гигантское окно. Когда я была ребенком, я любила смотреть вверх на луну, когда мой папа был в отъезде, я надеялась, что он смотрит в это же время на нее. Таким образом, у нас могла быть связь даже на расстоянии. Потом, когда он ушел, я смотрела на нее каждую ночь, надеясь, что *он* на луне, я часто слышала, как люди говорят об этом.

Когда я выросла, то поняла, что все это небылицы, и моя уверенность медленно умерла.

Я не чувствовала подобного комфорта, с тех пор как мне было десять, но будучи с Джероном, я чувствую что-то похожее. Я бы не хотела, чтобы он делал это, но я благодарна за то, что делает.

Он кашляет и потом прочищает горло. Повернув голову к раздвижной кровати, я вижу, что он тоже смотрит в окно.

— Я не понимаю, почему ты не спишь, — шепчу я громко.

Он сосредотачивается на мне, из-за лунного света из окна, я абсолютно уверена, что у него в глазах есть слезы. Прочистив ещё раз горло, он шепчет в ответ:

— Почему ты не спишь?

— Я не могу уснуть, — говорю ему наиболее очевидный ответ.

— Очевидно, — я слышу небольшой смешок в его голосе. Может он, в конце концов, не плачет. — Но почему?

Повернувшись назад к окну, я вижу, что луну начинает закрывать тяжелое, серое облако.

— Искала луну.

— Луну?

— Да, это... помогает.

— Помогает с чем?

— Я думала, мы не задаем всех этих вопросов, — говорю я ему, глядя на него еще раз. Сейчас он скорее смотрит вверх, чем в мою сторону. Сложно понять его выражение лица, находясь в самом темном углу комнаты.

— Почему ты проснулся? — спрашиваю я, когда он ничего не отвечает на мое последнее предложение.

Он немного ерзает на кровати, затем без ответа встает и идет в мою сторону. На нем свободные шорты, но вместе с тем он голый, это заставляет меня смотреть на него, особенно, когда лунный свет освещает его во всех нужных местах.

— Что ты делаешь? — быстро выдавливаю я, когда он сзади стаскивает с меня одеяло, в которое я была укутана.

Без слов, он забирается ко мне в постель, но не трогает меня. Тянет одеяло обратно, укрываясь им на своей стороне, и смотрит в окно еще раз, на этот раз улыбаясь. Я продолжаю смотреть на него, находясь в нескольких дюймах от его лица, загипнотизированная всем в Джероне Спилнере.

Через несколько секунд, его лицо поворачивается к моим глазам, и в этот раз я уверена, что это слезы.

— Расскажи мне свои тайны, — шепчу я.

Его губы медленно складываются в самую грустную улыбку, которую я когда-либо видела, полностью противоречившую самому себе.

— Ты не хочешь слышать их, Равин.

— Почему ты не даешь мне принять решение?

— Почему ты оставалась с Кайлером так долго?

— Не меняй тему.

— Я не делаю этого, — он пытается убедить меня. — Я хочу, чтобы ты ответила мне, в наименьшем количестве слов, которое только возможно, почему ты оставалась с ним так долго.

— Я... я не думаю, что я знаю.

Я не могу придумать этому вескую причину сейчас, когда я так далеко от него, но когда я была с ним, я могла придумать сотню оснований, почему я осталась. Это звучит так пафосно, что я не говорю этого Джерону. Он понимает многое, но я не думаю, что он поймет это.

Кроме того, он отвечает на это за меня.

— Тебе было страшно быть с ним, но ужаснее было уйти.

Его заявление настолько честное и смелое, что мне не нужно соглашаться, мы оба знаем, что так и есть. Он продолжает говорить, не сбиваясь с ритма.

— Моя тайна такая же, только наоборот.

— Тебе было страшно уйти, но страшнее было остаться?

— В точку.

Это не имеет для меня смысла. Я хочу, чтобы он рассказал мне.

Разочаровавшись, я переворачиваюсь, так что я больше не повернута к нему лицом.

Через несколько минут, его руки сплетаются вокруг меня, держа меня как никогда мягко. Я ненавижу то, что нахожу блаженство в этом, я ненавижу то, что хочу, чтобы он обнял меня еще крепче.

За секунду до сна, я слышу, как он шепчет с эмоциональным волнением в глубине его горла:

— Мне очень жаль.

— Просыпайся, просыпайся, просыпайся! — очаровательный маленький голос звучит эхом в моих ушах.

Потирая свои глаза от усталости, я вижу маленькую темноволосую девочку в дюйме от своего лица, с волнением улыбающуюся от уха до уха.

— Она проснулась! — кричит она еще громче.

Ее брат появляется в поле зрения позади нее, нервно улыбаясь.

— Привет, — пищит он.

— Доброе утро, — без усталости ворчу я обоим.

— Вы двое, уходите отсюда. Идите есть свой завтрак! — ругается их мама. Двое маленьких живунов расширяют свои глаза, но уходят прочь из комнаты. Я смотрю на дверь, где в проеме Джастис улыбается мне. — Извини за это, я говорила им не будить тебя.

— Все нормально, — говорю я ей. — В любом случае мне нужно было проснуться.

С искренней улыбкой она дает мне знать, что здесь есть кофе, затем идет вниз по коридору.

Потягиваясь, я понимаю, что я одна в постели. Прошлой ночью Джерон обнял меня так уютно, что я чувствовала комфорт как никогда раньше. Это был комфорт не в духовном смысле, а в смысле ощущения безопасности. Обожаемая. Ценимая.

Любимая.

Слезы проступили при мысли о том, что кто-то любит меня. Я чувствовала такое годами ранее, что-то сильное и требовательное, то было, когда был мой папа. На самом деле, это гораздо больше, чем он дал мне.

Мое тело роится надеждой. Надеюсь, из этого действительно *что-то* выйдет. Мне не нужна романтика и цветы, мне не нужен парень на побегушках. Моя единственная просьба, чтобы он действительно от сердца любил меня и показал это.

Когда я впервые встретила Джерона, он разбудил во мне что-то, чего я не знаю, и с каждым вместе проведенным днем я нахожу новую частичку себя. Он был присланным чудом с небес. Я знаю у нас мало времени, и одна мысль об этом заставляет мое сердце сжиматься. Даже когда мы поедем домой, я здесь только на лето. То есть, если Кайлер не возьмет власть надо мной, и если это так, тогда я действительно больше не буду с Джероном.

Он ускользнет из моих рук, прежде чем станет моим.

Вставая с кровати, я выкидываю мысли из головы, прежде чем направиться в кухню. Джастис здесь, полностью готова ко дню: душ, прическа, макияж. Работа. Я не знаю, как она делает хоть что-то из этого. Я сажусь на табурет и слушаю, как дети говорят о супергероях за кухонным столом. Джастис ставит передо мной кружку с жидким золотом.

— Не знаю, как ты любишь, — говорит она, прежде чем добавить сахар и сливки.

— Спасибо.

Сделав несколько глотков кофе, я смотрю через большую дверь. Уже прекрасный день и

еще нет девяти утра.

— Джерон помогает Крису? — я помню, как он упоминал, что собирается сделать это утром.

— Да, но я не думаю, что это надолго.

— Как долго он отсутствует?

— Ох, вероятно они ушли около четырех.

Я чуть не подавилась своим кофе. Это означает, что Джерон едва ли поспал.

— Этим утром?

Не смотря на то, что я уже знаю ответ, мне все еще нужно было подтверждение, во сколько он встал и пошел работать. Я думаю, что это было давно, я была с людьми, которые рано встают, чтобы заработать свои семейные деньги.

С маленьким смешком, она подтверждает, что это действительно было сегодня утром.

— Мама, я хочу пойти на ярмарку, — громко утверждает Алексия.

— Ярмарка! — кричит Остин.

Со вздохом, Джастис опирается на столешницу.

— Да, да, да, позже.

— Пойдем собираться! — Алексия громко говорит своему брату, и они вместе убегают.

Их мама пытается сказать им, что это будет через несколько часов, но они не слушают, они слишком возбуждены.

— Разве не рано для этого сезона? — спрашиваю я. Я не уверена в том, когда это проходит здесь, я думала, что ярмарка проходит ближе к осени в большинстве штатов. Хотя, что я могу знать, я первый раз уехала из Небраски.

— Не рано, — сообщает она мне. — Это глупое звенящее колесо на карнавале действительно не вызывает доверия, но дети любят ходить туда и я думаю, что лучше сводить их туда, когда ярмарка приезжает в город. Ты и Джерон должны присоединиться к нам, — она оживляется, когда говорит это. У меня ощущение, что она действительно скучает по своему брату, они должно быть не часто видят друг друга.

Пожав плечами, я говорю ей, что это к Джерону. Она понимающе кивает, затем пьет свой кофе. Тишина полностью охватывает дом вокруг нас. Мы даже не слышим детей. Поставив свою кружку, она подходит к одному из шкафов и достает пачку сигарет.

— Не осуждай меня, — она говорит искренне, с ноткой юмора в своем голосе. — Иногда мне нужно это.

— Я не осуждаю.

С улыбкой, она отвечает:

— Хорошо, — затем направляется к заднему крыльцу. — Хочешь присоединиться ко мне?

Так как я все равно привыкла к запаху, я вскакиваю со стула.

— Конечно, — говорю я ей.

На крыльце есть большие качели и стеклянный стол перед ними. Она садится на качели и закидывает ноги на стол, отдыхая. Может быть, ей не нравится быть мамой в идеальном доме, но она почти обманула меня. Ее жизнь такая, какую бы я хотела, я не понимаю ее ненужного стресса.

Делая большую затяжку своей сигареты, она выдыхает дым и закрывает глаза, расслабляясь на подушках.

— Извини, — бормочет она. — Мне не нравится эта привычка, но мне иногда нужно

это, и я думаю, что лучше так, чем быть пьяной от вина весь день.

— Кажется, что ты испытываешь стресс, — я говорю это вслух. Это не мое дело и я не буду настаивать, но я хочу, чтобы она знала, что я здесь и готова ее выслушать. Это не то, что я когда-либо скажу кому-то, но я, вероятно, никогда больше не увижу ее.

Открыв один глаз, она смотрит на меня так, будто я сказала очевидное. Закрыв его снова, она кивает своей головой.

— У кого в жизни нет стресса?

— Туше.

Громкий рев двигателя слышится с другой стороны дома. Джастис быстро оживает, туша свою сигарету об дерево под нашими ногами, затем она прячет окурок в свою пачку, прежде чем войти в дом, не говоря ни слова. Я медленно иду за ней, и смотрю, как она прячет пачку назад в шкаф и моет свои руки. Меня удивляет то, что она так пытается скрыть то, что даже не является таким плохим. Будет ли ее муж злиться за то, что она курит снова и снова?

Я снова напоминаю себе, что это не мое дело.

Она начинает поворачиваться в сторону двери, когда видит и понимает, что я стою там.

— Пожалуйста, не говори Джерону об этом, — просит она.

— Не буду, я обещаю.

С глубоким вздохом она продолжает смотреть на входную дверь, встречая своего мужа, когда он входит. Джерон входит за ним, он весь в каком-то масле. Запах бьет мне в нос и напоминает мне моего папу. Он часто приходил домой пахнувший маслом, поэтому я люблю этот запах. Этот запах больно сжимает мое сердце, заставляя воспоминания играть в моей голове как домашнее видео.

Джастис берет сапоги, ставя их в шкаф рядом со входом, затем протягивает свои руки, чтобы взять их рубашки для стирки. Жесты несколько сладкие, но напоминают мне о моей маме и Брюсе. Это как если она готова делать все для него, и он настолько привык к этому, что больше не ценит того, что она делает. Я полагаю, что в лучших отношениях признательность остается. Думая об этом, мне становится грустно.

Джерон подходит, без рубашки и потный. Грязь на его лице выглядит невероятно на фоне его белоснежной улыбки. Прикусив свою нижнюю губу, я только улыбаюсь.

— Хорошее утро? — спрашиваю я, не уверенная, что еще сказать ему.

Я думаю, что это делает его ухмылку только больше.

— Это было утомительно, но я чувствовал себя хорошо, прежде чем не стало жарко. Я собираюсь прыгнуть в душ, если ты не против.

— Конечно, нет, — говорю ему я.

Он проходит мимо меня, немного задевая, когда идет рядом, я не знаю, почему он это делает. В любом случае, его запах пробуждает много ощущений во мне.

— Мы собираемся позже на карнавал, — говорит ему Джастис. — Хочешь присоединиться? Детям бы это очень понравилось.

Он смотрит, пожимая плечами, сперва на свою сестру, потом на меня.

— Хочешь пойти?

— Ох, хм, да, конечно, — он не должен спрашивать меня. Он контролирует это маленькое приключение, не я. Карнавал — звучит весело, хотя я не могу вспомнить, когда была на нем в последний раз. Это было, когда отец был все еще жив.

С усмешкой, он оглядывается на свою сестру.

— Конечно. Думаю мне нужно сперва поесть?

— Да, я планировала сделать ланч в течение часа. Мы можем отправиться после этого, если вы хотите?

— Звучит хорошо, — Джерон говорит ей, поднимаясь по лестнице, переступая сразу по две ступеньки.

Глава 11

Яркие огни против залитого солнцем неба, возвращают меня в детство. Я становлюсь легкомысленной, проходя через карнавальные ворота, даже если я не принимаю участия в каком-либо развлечении. Я знаю, что для меня будет счастьем просто смотреть на его хорошеньких племянника и племянницу на аттракционах.

Когда мы подходим к кассе, Джастис просит шесть билетов, по одному на каждого из нас.

— Э, нет, это... — я начинаю протестовать, но Джерон останавливает меня шепотом на ухо. Я даже не могу разобрать, что он сказал, потому что я полностью сконцентрировалась на ощущении, которое мне это дало. Я уверена, что это было что-то о том, что она купила его мне.

Когда мне надевают на руку браслет, Джастис комментирует мои волоски на руках.

— Замерзла? — спрашивает она. — Ты вся покрыта мурашками.

Подмигивая, она оборачивается, чтобы поговорить с детьми. Я могу только представить, как мое лицо багровеет от смущения.

Я пробегаю ладонью вверх и вниз по своей руке, чтобы избавиться от гусиной кожи, которая, безусловно, не вызвана температурой воздуха.

— Немного, — говорю вслух. Джерон смотрит вниз на мою руку, но ничего не говорит об этом.

Целой группой мы подходим к аттракционам для детей. На первом аттракционе, супер-горке, в которой, должно быть, сорок футов, Алексия просит меня съехать вместе с ней. Я беру ее за руку, и мы вместе поднимаемся наверх горки, затем спускаемся вниз на грязном коричневом коврике. Она кричит от волнения весь путь вниз. После приземления она просит сделать это еще раз. Ее брат стоит в стороне, смотря на нас снизу, слишком нервничая, чтобы подняться даже с его папой и Джероном, которые оба предлагали ему пойти.

В конце концов, мы обходим все детские аттракционы. Прежде чем мы можем начать второй раунд, дети уже просят еды. Они мгновенно бегут к лавке со сладкой ватой, но я слышу, как Джастис говорит, что им нужно что-то более ощутимое и сладкая вата дождется их, пока они закончат. Джерон толкает меня в плечо, вырывая меня из собственных мыслей. Я бы хотела вырасти в любви как эти дети. Я хочу такое будущее для своих детей. То как Джастис любит своих детей, все дети заслуживают подобной любви.

— Давай пойдем на несколько аттракционов для больших детей, — комично предлагает он.

— Ты уверен? Я не хочу бросать твою сестру.

Он вздымает бровь.

— У тебя что-то с моей сестрой, о чем я не знаю?

— Фу, — я толкаю его в плечо рукой. — Об этом даже шутить противно.

Со смехом, он хватается мою руку, которая только что толкнула его, переплетая свои пальцы с моими. Я перестаю дышать. Все вокруг нас размывается, мы смотрим друг на

друга. Он должен чувствовать то же самое, что и я: учащенное сердцебиение, сбитое дыхание.

Проходит не больше минуты, и я начинаю вновь думать здраво, и единственная причина по которой я могу это делать, потому что он выпустил мою руку. Моя грудь немного болит, когда я понимаю, что он не хочет на самом деле держать меня за руку.

Вырасти, Равин, говорю я себе.

— Колесо обозрения? — спрашивает он.

— Хм, да, конечно, — возмущусь я со своими словами. Все, что только что произошло, заставляет меня чувствовать себя как в тумане.

Он с намеком кладет свою руку мне на талию, ведя меня к колесу обозрения. Поездка абсолютно пугает меня, Бог знает почему, но я позволяю Джерону отвести меня туда.

Дверь закрывается в фиолетовом металлическом пузыре, затем мы медленно поднимаемся в небо. Я должна смотреть прямо, потому что если я посмотрю вниз, я испугаюсь, почувствую это снова. Одурманенность высотой.

— Ты в порядке? — спрашивает Джерон, садясь чуть ближе ко мне.

Кивая головой, я лгу ему в своем ответе.

— Нет, ты не в порядке, — говорит он мне.

Я все равно продолжаю кивать своей головой.

— Посмотри на меня, Равин.

Я быстро оборачиваюсь, чтобы взглянуть в его светящиеся, зеленые, заботливые глаза. Я думала, что он будет смотреть на меня, как на самую большую идиотку на планете, которая испугалась основного карнавального аттракциона, но он выглядит обеспокоенным за меня.

— Ты в порядке? — спрашивает он медленнее, что заставляет меня ответить ему честно.

Я перестаю кивать головой и вместо этого трясу ей.

— Я ненавижу высоту, — отвечаю я быстро.

— Ты должна начать стоять за себя, Равин.

В глубине его глаз начинает гореть нежность. Я не могу понять, он действительно злится или нет. Затем он добавляет сладчайшим тоном:

— Но я горжусь, что ты столкнулась с одним из своих страхов.

— Ты запутался, — говорю я тихо, не в состоянии говорить нормально.

Он забавно поднимает уголок своих губ.

— Просто еще одна общая вещь для нас, я так полагаю.

— Что еще у нас есть общего?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глядя куда-то, он отвечает:

— Слишком много, — затем быстро меняет тему. — Мы собираемся уехать утром. Я хотел сегодня, но мне нужна эта одна ночь здесь.

— Все нормально. В любом случае, я ненавижу заимствование одежды у твоей сестры. Мне нужна моя собственная. Я думаю, что мой босс тоже надерет мне задницу. Я пропустила работу сегодня.

Он быстро крутит своей головой, я знаю, что на его лице негодование.

— Что? Ты не говорила мне, что тебе на работу сегодня.

— Мне было все равно, — я честно говорю ему. — Она знает... многое. Она не забьет панику, если я пропущу один день.

Я надеюсь.

— Когда ты станешь более решительной? — спрашивает он, на этот раз его вопрос полон обвинения. Я могу признать, что это больно. Я полностью понимаю, что я не из тех, кто стоит за себя. Я соглашусь и буду плыть по течению, чем что-то скажу. Он знает меня, так что он не должен был злиться за то, какой я являюсь. Возможно, он *не может* любить меня после всего. Очевидно, я не его тип женщин.

Вместо этого я смотрю за край, даже несмотря на свой страх. Это лучше чем смотреть на разочарованное лицо. Ком образуется у меня глубоко в горле, но я не могу сказать, от паники это или от неприятия.

Когда колесо останавливается на самом верху, мое сердце начинает биться в два раза сильнее. Мои тревоги терзают меня в полностью закрытой дроссельной заслонке, заставляя меня потеть и учащенно дышать. Я не могу остановить его смотреть на эти причуды. Его руки тянут меня, тянут так быстро, что я не успеваю понять этого.

— Шшш, — шепчет он. — Все нормально, Равин. Я здесь. Я здесь с тобой. Дыши Дыши, детка, просто дыши.

Я концентрируюсь на его словах, на его объятиях, на моем дыхании. Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю. Повторяю.

Он продолжает успокаивать меня своими словами.

— Дыши, детка, — говорит он мне. — Шшш, все нормально, я здесь...

Когда тревога исчезает, и я больше не чувствую, как мое сердце ужесточено бьется в груди, я начинаю плакать. Я действительно плачу перед кем-то и даже со смущением от слез, я продолжаю позволять им течь.

— Что не так? Это высота? — громко шепчет он.

Я медленно качаю головой назад и вперед, потому что даже если у меня была паническая атака, я плачу не из-за этого. Именно его слова и поддержка, вещи, которые я жаждала, разрушают меня, потому что я не понимаю, кто *мы*. Что *это*. Почему он, черт возьми, обнимает меня, говоря все эти сладкие вещи, когда мы не больше чем знакомые. Он заставляет страдать меня, показывая мне любовь, которой я так хочу.

Прямо сейчас, я ненавижу это. Это все.

Конечно, я не могу сказать ему это. Как он отметил несколько секунд назад, я нерешительный человек. Я не могу выразить себя и свои чувства. Видимо, я могу показать свои чувства, но высказать все, что пронесится у меня в голове невозможно.

Взяв мое лицо в ладони, он полностью обращает мое внимание на него. На его лице слишком много серьезности. Он стремится быть серьезным так часто, я чувствую, что он на десять лет старше меня.

Я поняла, что на самом деле не знаю, сколько ему лет.

Я все еще так много не знаю о Джероне, но то, что я знаю о нем чертовски рядом с идеальностью, по крайней мере, в моих глазах.

Прежде чем я спрошу его о возрасте, он ворует мое сердце еще немного больше, чем он уже сделал это.

— Я никогда не хотел увидеть слезы, стекающие по твоему лицу, — говорит он.

— Я не могу остановить их, — честно отвечаю я.

Я так часто сдерживала слезы, что сейчас слишком сложно их остановить.

— Я понял. Жизнь ядовита. Этот мудака. У нас всех есть страхи и страдания, ужасы. Это не то почему ты плачешь. Я знаю, что это не то. Скажи мне... почему ты плачешь, Равин?

— Почему ты так говоришь мое имя? — вставляю я.

— Я не понимаю, я сказал твое имя как-то не так?

Я убираю его руки от моего лица, заправляя пряди волос за уши. Когда мне становится тяжело говорить, я играю с кончиками своих волос, нервная привычка. Но ничто не отвлекает меня так, как Джерон Спилнер. Ничего.

— Как ... — я не хочу говорить это.

— Как что? — его голос становится мягким и глубоким.

Я должна дать ему пощечину за такую наивность. Я готовлюсь сказать это вслух.

— Как будто ты на самом деле... заботишься.

Он странно смотрит на меня и без предупреждения его теплые губы с силой прижимаются к моему рту, я удивлена, что колесо не взрывается от искр, летящих от нас. Его губы двигаются медленно, завораживая меня. Он так ласкает меня, я никогда не знала подобного прежде.

Опираясь своим лбом о мой, он прекращает наш поцелуй слишком рано, оставив меня затаившей дыхание и ослабленной, я даже не могу держать глаза открытыми. Нет слов, чтобы описать силу, которую я почувствовала между нами. Все что я знаю, это то, что я хочу большего, и я не хочу, чтобы это закончилось.

— Никогда снова не подвергай сомнению то, насколько я забочусь о тебе.

Колесо внезапно останавливается, покачивая нашу корзину.

— Следующий, — кричит кондуктор.

Взглянув за Джерона, я вижу, что это наша остановка. С ослабленными коленями и светлой головой, я встаю и выхожу из колеса, Джерон в нескольких дюймах позади меня. Я чувствую тепло его тела, впитывая это в себя.

Ступив с колеса, он хватается за руку и прижимает к себе. Наши глаза встречаются и я терпеливо жду, когда наши губы сомкнутся снова, но они, кажется, не намагничены так же, как я думала, потому что Джерон не притягивает меня так близко снова. Вместо этого он смотрит на меня, глаза в глаза, как будто он читает какую-то книгу.

— Я люблю тебя с того момента как встретил, Равин. Каждую секунду после этого я узнавал, что еще *сильнее* влюбляюсь в тебя. Ты особенная больше, чем ты думаешь, и ты определенно достойна большего, чем любовь, которую я могу тебе дать.

— Я думаю, что это мне решать, — я говорю ему требовательным голосом. Я могу почувствовать, что он делает. Он признался мне в любви и забирает это все назад. Ничто никогда не дразнило меня так. У меня есть одна вещь, которую я хочу более всего, и она прямо передо мной, и я не могу говорить, что не могу иметь этого после того, как впервые почувствовала этот вкус.

Все это только заставляет меня чувствовать себя плохо. Мой живот скручивает при мысли о том, что я не могу назвать Джерона своим. Так легко выпустить его из моих рук. Что-то во мне заставляет его уйти, прежде чем мы получим шанс?

Моментально я смотрю на Джерона, я клянусь, что он собирается проронить несколько слез, но после нескольких морганий, он смотрит на меня глазами полными стального холода, я даже не уверена, что смотрю на того же человека.

— Это не просто, — отвечает он твердым голосом.

— Конечно, это не просто. Ничего в жизни не просто, что и делает ее такой особенной. Если бы это было просто, то я была бы в Техасе, или мой отец был бы со мной, или я бы... на самом деле была с тобой, — мой гнев выливается из меня, наконец, говоря ему, что я думаю.

На этот раз без слез. — Это не должно быть просто, но это того стоит, черт возьми.

Со всей наглостью, Джерон ухмыляется, когда я кричу на него.

— Смотри, это одна из тех вещей, которая заставила меня влюбиться в тебя. Ты готова страдать годами ради момента счастья. Хотя я не могу сделать этого для тебя, я не сделаю тебе больно.

— Ты *делаешь* мне больно.

Он не соглашается, но и не противоречит. Мы оба знаем правду. Спустя мгновение, он говорит:

— Все не просто. Мне... мне жаль.

Его голос звучит искреннее, и, может быть, *просто может быть*, он знает это, но от этого так же больно.

— Если тебе действительно жаль, ты был бы честным со мной. Я рассказываю тебе свои тайны, свои страхи, свою жизнь, но ты все возвращаешь обратно. То есть, кроме своих чувств, которые отрицают меня!

Развернувшись на своих каблуках, я начинаю уходить прочь, но Джерон не позволяет мне уйти далеко.

— Мы можем поговорить, — он говорит достаточно громко, чтобы привлечь мое внимание.

Я останавливаюсь, ожидая, добавит ли он еще что-то. Когда он не делает этого, я осторожно поворачиваюсь к нему. Он выглядит растерянным. Может, даже напуганным.

— Если ты хочешь. Я скажу тебе. Ты будешь ненавидеть меня, ты будешь хотеть избавиться от всего этого, но я позволю тебе.

Закусив нижнюю губу, я думаю над этим. Действительно ли я *хочу* знать его секреты? Кажется, они ужасны. Если они не так страшны, то он сказал бы сейчас. Правда? Это мой шанс узнать настоящего Джерона Спилнера, и, черт меня возьми, если я позволю этой возможности выскользнуть и моих рук.

Медленно кивая головой, я делаю несколько шагов к нему.

— Расскажи мне, Джерон, я хочу знать.

Хватая мою руку, он сплетает свои пальцы с моими, плотно сжимая их, прежде чем прижаться губами к тыльной стороне моей ладони. Все это время он смотрит на меня, прося глазами не делать этого, но я не открываю свой рот. Может, я не *хочу* этого, но мне это *нужно*. Это не то, что он должен мне, это то, в чем я в долгу перед самой собой. Если все действительно так плохо, это покажет мне, насколько сильны мои чувства к Джерону.

Через несколько минут рассматривания барахтающихся людей в бассейне, он, наконец, тянет меня за руку, уводя ото всех. Мы идем назад через ворота, где стоит пикап. Он позволяет моей руке выскользнуть из его, затем оборачивается, не в состоянии противостоять мне.

Я могу понять это, я не настаиваю на чем-то большем, чем он может дать мне.

Прислонившись к машине, я с нетерпением жду, когда он скажет что-то, вообще что-нибудь. Тысячи тысяч мыслей в моей голове о его секретах. Действительно ли он убил кого-то? Кого? Почему? Действительно ли он на испытательном сроке или он в бегах? Есть ли у него тайная наркозависимость? Сексуальная зависимость? Так много мыслей зарождается в моей голове, и каждая следующая хуже предыдущей.

Когда я готова отказаться от этого, готова уйти, он тяжело вздыхает не оборачиваясь.

— Моя мама не была самым здоровым человеком. Она уходила от мужчины к мужчине,

потому что не могла жить самостоятельно, поэтому мы путешествовали так много. Это также объясняет, почему моя сестра живет здесь. Ей было пятнадцать, мне было семнадцать. Она забеременела от Криса и сказала, что никогда не бросит его вопреки всему. Я не винил ее, но был зол, потому что она была единственной в этом мире, на кого я мог рассчитывать. Мой отец и брат были в другом штате и оба ни хрена не думали обо мне, и я смотрел, как мою мать избивают, как она принимает наркотики, продает вещи, которые точно ей не принадлежали.

— Я встретил девушку, и она сказала, что заставит исчезнуть все это. Боль, страдание, отчужденность. Она была неправильной, но в то время я не заботился об этом. Я не заботился ни о чем. Я хотел все, что она обещала мне. Когда она рассыпала белый порошок на стол передо мной, я определенно знал, что это было, я знал, что это сделает со мной, но все еще... не парился об этом. Я вдыхал это дерьмо, пока больше не мог чувствовать своего лица.

Когда он остановился, я спросила:

— Так ты зависим от кокаина?

Этот вопрос не имеет смысла, так как я провела с ним несколько дней, и он не ведет себя как зависимый.

— Был. Я *был* зависимым. Я не являюсь таковым больше, — наконец он поворачивается ко мне лицом, его глаза красны от слез, которые он отказывается вытирать. — Мы по-прежнему ездили еще следующих четыре года, мы посетили шестнадцать разных городов в различных штатах. Когда мы добрались до Чикаго, моя мама встретила этого гея по имени Джек.

Гнев в его голосе нарастает. Теперь он выплевывает слова, а не говорит их. Я смотрю, как его челюсть ходит вперед и назад, и хоть он и смотрит на меня — меня он не *видит*. Он наблюдает ужасные воспоминания, разыгрывающиеся перед ним.

— Моя мама застала меня за затяжкой. Ты подумала бы, что она надерет мне задницу за это, но нет. Вместо этого, она села и чертовски затянулась по линии со мной. Затем еще раз. Ее парень вошел и был откровенно зол, не из-за того, что мы принимали наркотики, но потому что мы принимали *его* наркотики. Я видел, как он схватил мою маму за волосы и кинул ее вниз, как какую-то тряпичную куклу, затем он пнул ее в одно из ребер.

Я не думаю задыхаться, но я не могу контролировать это, в то время как Джерон не может сдержать небольшой всхлип, который вырывается у него. Его слезы, наконец, вырываются на свободу. Не только он плачет. Я подхожу, чтобы обнять его, но он отходит, качая своей головой. Он не хочет, чтобы я трогала его, вероятно, потому что он зол. Он стискивает свои кулаки, кожа на костяшках становится белой, но когда он разжимает их, то красной. Он делает все, что в его силах, чтобы остановить свои слезы, поэтому я возвращаюсь назад к машине. Я позволяю ему продолжить, зная, что это вероятно самая тяжелая вещь, которую он когда-либо говорил вслух.

— Я... Я был так чертовски зол на него, когда подошел к нему, он толкнул меня, разбив мне лицо, сломав мой нос. Я знал, что у него есть глок в его комнате, я знал где, так что, когда он схватил мою маму за шею, я побежал в его комнату и вернулся с пистолетом. Я направил его прямо на этого ублюдка, но я... я... *черт*.

С дрожащими губами, я тихо спрашиваю:

— Ты... промахнулся, не так ли?

Плотно закрыв глаза, он кивает головой.

— О, Боже мой, мне так жаль, Джерон.

— После того, как я понял, что убил свою маму, — он говорил разбитым голосом, — я продолжал стрелять, пока смотрел на это, стреляя в его череп. Я повернул пистолет на себя, он был пустым, после того, что сделал, он только щелкал. Он был пуст.

Моя трясущаяся рука поднимается вверх, чтобы прикрыть мой рот, отчаянно пытаюсь закрыть мой вскрик вызванный шоком. Все, что он говорит, кажется неправдоподобным. Как это могло случиться? Как это могло быть в его жизни? У меня было свое дерьмо, но это... это намного хуже всего, что я пережила. Теперь я точно вижу, почему он *думает*, что я не смогу смотреть на него, я не только смотрю на Джерона как на своего спасителя, сейчас я смотрю на него также с печалью. Бедный, милый Джерон. Он не заслуживает этого.

Когда тишина вокруг нас становится оглушительной, я, наконец, нахожу в себе силы, чтобы заговорить снова.

— Мне так жаль, Джерон. Мне так жаль, что ты прошел через это.

Я хочу добавить, что я благодарна, что пуль больше не осталось, но я боюсь расстроить его, так что вместо этого я повторяю это в своей голове, снова и снова.

Сидя рядом, он вытирает текущие вниз по его лицу слезы, пытаюсь заставить их исчезнуть.

— Где-то во всей этой суете, вероятно, когда я схватил его, я как-то сломал одно из своих ребер. Пока я был в больнице, они нашли ее.

— Кто... нашел... что?

— Реальную причину, по которой ты будешь ненавидеть меня.

В это время он смотрит меня, так как видит. Он хочет видеть мою реакцию. Он честно обеспокоен тем, что я подумаю. Я не знаю, как сильно ужасна эта история, но я знаю, что то, что он сказал мне, далеко не конец этого.

— Нашли... что? — повторяю я, мой голос прямой, но я чувствую, как все внутри меня рушится.

— Костные метастазы.

— Это...

— Рак.

Я смотрю на Джерона так же, как он смотрит на меня, с отчаянием, горем. Я жду, что он скажет, что он проходит химиотерапию, или уже прошел, и что все прошло.

Но он не делает этого.

— Как давно это было? — спрашиваю я, не знаю, действительно ли я хочу знать ответ, или нет.

— Пять месяцев назад.

— Поэтому ты живешь с отцом?

Может быть, он оставался в Чикаго, пока это все пройдет, затем приехал в Небраску, чтобы закончить испытательный срок. Это *должно быть* ответом. Он должен сказать не это. Я не могу слышать ничего больше, кроме этого.

— Нет, — говорит он.

Это хорошо? Я не могу понять этого по нему. Я не знаю, что происходит. Он должен объяснить это, но мне страшно спрашивать. Он должен знать это, потому что после нескольких секунд, он, наконец, говорит мне, что я не хочу слышать.

— Я подписал отказ, что они не будут лечить меня. Я должен был сесть в тюрьму, но они послали меня жить к отцу на мой испытательный срок

— Так что, у тебя все еще есть это?

Он медленно кивает.

— Это мое наказание.

— Что ты имеешь в виду? — кричу я, не желая повышать свой голос, но я не могу удержать себя от этого.

Он подходит ближе ко мне, достаточно, чтобы провести своими пальцами по моему подбородку. Его рука трясется, или это, возможно, трясусь я. Вероятно, мы оба.

— Я убил свою маму, я не достоин жить.

С дрожащими губами, я кричу:

— Но ты спас меня, Джерон! Теперь спаси себя. Пожалуйста!

Я прошу, и я буду продолжать просить, пока он не сделает правильный выбор. Умирая. Его смерть неправильная, он должен знать это. Я буду убеждать его каждую минуту каждого дня, пока он не вернется в больницу и не попросит их о помощи.

Его ладонь держит меня, поглаживая мою щеку, пытаюсь согреть меня. Я не могу согреться, пока он не скажет мне, что сделает все, чтобы спасти себя.

— Слишком поздно.

— Это не слишком поздно, — я умоляю. — Ты все еще жив. Ты здесь. Это не слишком поздно.

— Это так, Равин, мне очень жаль.

Он наклоняется и прижимается своими губами к моим, но я отталкиваю его. Я не могу наслаждаться его прикосновениями прямо сейчас, я не могу позволить ему успокаивать меня — это ложь. Он постоянно заставлял меня чувствовать себя любимой, он врал мне, потому что если у него есть какие-либо чувства ко мне, он признает, что это не было слишком поздно.

Я смотрю на Джерона, полная гневом, но не на унцию во мне нет сожаления. Я никогда не буду сожалеть о влюбленности в него, но я всегда буду презирать его за предоставленную возможность. Я благодарна ему за то, что он спас меня, но это временно. Он бросит меня, и я вернусь прямо туда, где была, вероятно, даже все будет хуже, после того, что было с Кайлером.

Толкнув его в грудь еще раз, я уйду от него. Я не знаю, куда я пойду, но я не могу быть здесь больше. Он не останавливает меня, что радует, но также от этого еще больнее. Мне нужно это время для себя, но глубоко внутри я надеялась, что он попросит остаться с ним. Я могла бы показать ему утешение, он мог бы оставить меня в покое, мы могли поговорить об этом, я могла убедить его.

Я давно поняла, что то, чего мы хотим изо всех сил, это не меняет нашу реальность. Я ненавижу это, так сильно, но не могу ничего изменить.

Глава 12

После того, как ушла от Джерона, я снова оказываюсь на карнавале. Я видела его сестру, и в момент ее разглядывания меня, она точно знала, что случилось. Она подошла, заключила меня в приветственные объятия, но не сказала ни слова. Это было то, что мне нужно. Я ходила по карнавалу с ней и ее семьей, пока солнце не село на Западе, затем мы отправились домой без Джерона.

Она пыталась подобраться к своему брату, прежде чем уехать, но не было никакого ответа. Я ненавидела оставлять его, но она заверила меня, что он вернется домой, когда

будет время. Все, что я могла изображать в своей голове, было то, как он затягивает полосу кокаина или делает что-то в равной степени ужасное, только потому, что он рассказал мне об этом. Я не хотела так расстраивать его, чтобы он вернулся к ужасной привычке.

Я три часа пролежала в постели, смотря вверх на луну, немного закрытую облачным небом, дверь наконец со скрипом открывается. Я быстро сажусь на кровати, глядя на дверь. Его тень стоит передо мной, освещенная светом из коридора. Он спотыкается, опьяненный чем-то.

— Они дали мне шесть месяцев, — бормочет он. — Пять месяцев назад.

Я не говорю ничего. Здесь нечего говорить. Мой ответ будет таким же, каждый раз. Он должен *попытаться* получить какую-то помощь. Это не поздно, потому что он не мертв... еще. Однажды будет слишком поздно.

— Это неизлечимо, — добавляет он. — Поддающееся лечению, но неизлечимо. Я знал, что это был знак от Бога, или от кого там, кто ведет нас в этом путешествии.

Говоря сквозь густой комок в моем горле, я говорю ему:

— Пожалуйста, прекрати говорить об этом.

Я слышу его всхлипывание, но я не знаю, плачет ли он. Я так считаю.

Я плачу. Молча.

Я не могу сдержать слезы. Он разбил мое сердце сегодня. Оно будет разбиваться еще долго, после того, как он уйдет.

Натыкаясь на меня, он взбирается на край кровати, приближаясь ко мне на своих руках и коленях. Свет из коридора освещает его лицо, его глаза опухли от слез, очевидно, что он плакал. Он не перестает ползти ко мне, пока его губы не накрывают мои.

Я не уверена, должна ли я позволять ему целовать себя, но я не останавливаю его на этот раз. Он целует меня с такой страстью и яростью, что я хочу только большего. Наши слезы встречаются, скатываясь по нашим щекам, становятся едиными. Его язык ласкает мой, пока он держит меня, не давая передышки, но я не против. Я никогда не буду наслаждаться поцелуем на этой планете, не в оставшейся части жизни. Это Джерон. Он мой, неважно насколько долго или коротко он в моей жизни.

Я не могу сопротивляться ему. Я уже прирастилась. Его прикосновения не такие как у кого-либо.

Без него я не могу концентрироваться, я не могу дышать, я не могу жить. Он мой жизненный путь.

Его тело прижимает мое еще сильнее. Его губы отделяются от меня на мгновение, прежде чем он начинает целовать мою кожу, целовать мои слезы, мою шею, пока он не достигает моего уха. Затем он шепчет, как никогда мягко:

— У меня много сожалений в моей жизни, но мое самое большое, что я не встретил тебя раньше в своей жизни.

Я не могу найти подходящего ответа, так что ничего не говорю. Мне не нужно делать этого, потому что, когда он снова смотрит на меня с огромнейшей любовью в своих глазах, я знаю, что он чувствует то же самое. Мы связаны нашими душами.

— Я должен никогда не позволить тебе пасть со мной, — шепчет он, еще раз целуя меня. — Но я не могу представить еще чью-то любовь.

Обнимая его за шею, я тяну его вниз к себе, снова соединяя наши губы. Его поцелуй соленый и сухой, но это чертовски лучший поцелуй, который можно представить.

Его руки бродят по моему телу, запоминая каждый мой дюйм. Когда его пальцы

скользят мне под шорты, я приподнимаю свое тело, позволяя ему раздеть меня. Он медленно снимает с меня их, после целует меня. Я тоже медленно раздеваю его, готовая соединиться вдвоем душой и телом. Я уже знаю, что он любит меня, и без сомнений, я тоже люблю его, так что, когда наши тела соединяются, я, наконец, занимаюсь любовью, впервые.

Он медленно входит в меня, зажигая в моей душе пожар. В этот момент я чувствую себя наиболее живой. Мое тело не единственное склоняется к его словам, все, что позволяет мне жить и дышать, теперь принадлежит Джерону. Он страстно целует меня на протяжении этого, мое лицо, шею, забирая всю боль, даже если на мгновение.

Когда мое тело начинает содрогаться от оргазма, рыдания вырываются. Джерон закрывает мой рот поцелуем, но не останавливает этот звук полностью. Мои слезы продолжают падать, на этот раз не потому, что я боюсь его потерять, а потому что эмоции переполняют меня. Он привнес в меня больше, чем я знала.

— Я люблю тебя, — шепчу я, когда чувство эйфории спадает.

Он негромко ворчит, сильнее вталкиваясь в меня, пока его тело не обрушивается на меня. Он целует меня за ухом еще раз, когда шепчет мне эти слова.

— Я люблю тебя, так сильно, Равин. Невероятно сильно.

Проснувшись следующим утром, я чувствую боль в своем теле, особенно между ног. Я прикусываю нижнюю губу, пытаюсь удержать улыбку, но в этом нет никакого смысла. Я видела в телевизионных шоу, как женщины улыбаются от уха до уха на утро после секса, но я никогда не понимала этого, я не думала, что что-то, такое как секс, сделает меня счастливой на *следующее* утро, особенно, когда это сделало меня счастливой во время этого. Я думаю, что есть разница между сексом и занятиями любовью, как говорят люди.

Руки Джерона все так же уютно обвиты вокруг меня, как когда мы засыпали этой ночью. Я таю в его руках, что позволяет моему телу слиться с его. Я хочу оставаться с ним рядом столько, сколько будет возможно, потому что в один день я уйду. Джерон не будет ничем кроме воспоминаний. К сожалению, этот день наступит, вероятно, раньше, чем я когда-либо представляла.

Мысль о том, что он скоро уйдет, душит меня эмоциями. Я неохотно убираю его руку с себя, встаю с кровати и бегу по коридору в ванную. Рвота поднимается по горлу в считанные секунды, прежде чем я успеваю склониться над унитазом. У меня даже не было времени включить свет, я просто открыла крышку и меня вырвало. Когда я больше не чувствую тошноты, я падаю на пол рядом с туалетом, обхватываю колени руками и раскачиваюсь, успокаивая нервы.

Это какая-то шутка, что Джерон появился в моей жизни. Разве я до этого не достаточно всего прошла?

Я плотно закрываю глаза и проклиная всех небесных богов, возможно, за такую мучительную предоставленную мне жизнь. Я ненавижу все это. Я родилась в красивом доме с отцом, который обожал меня, матерью, которая бесконечно всем угождала, и братом, который защищал меня так, как он должен. Затем все это было разрушено, и я была брошена в ужасные ситуации и к людям, которым было на меня плевать. Где-то, в прошлой жизни, я должна быть ужасным человеком, мягко говоря, монстром.

— Что ты делаешь?

Открыв свои веки, я смотрю сквозь слезы на Джерона, который смотрит на меня со странным выражением на лице. Он опирается на дверной косяк, скрестив руки на груди, он

не кажется слишком впечатленным этой ситуацией.

— Извини, — бормочу я. Я меняю свое положение, сажусь, и мое лицо вспыхивает, так что он больше не может видеть, что произошло.

Громко выдохнув, он спрашивает:

— Прошлая ночь... ты не хотела этого, не так ли?

— Что? — я задыхаюсь от того ужаса, что он подумал. - Я хотела. Это было невероятно.

Мои губы дрожат, и я боюсь, что расплачусь еще больше. Черт, все эмоции, которые я никогда не показывала, теперь я не могу избавиться от них.

Стоя на коленях передо мной, Джерон пробегает пальцами сквозь мои волосы, сжимая прядь в кулаке, но не сильно. Без предупреждения, он тянет меня к себе, соединяя наши губы. Я тянусь назад, оглядываясь.

— Равин...

— Меня только что вырвало, я не могу поцеловать тебя.

С еще одним небольшим усилием, он ловит мой взгляд, и его губы сливаются с моими снова и снова. Видимо, его не сильно это беспокоит. Я не трачу много времени, думая об этом, вместо этого, я забываюсь в поцелуе с ним. Наслаждаюсь каждой секундой с ним.

Положив одну руку на мою щеку, он медленно отдаляется от моих губ. Я не могу не надуть губы, и когда Джерон замечает это – он улыбается, прежде чем поцеловать меня еще раз.

— Не грусти, красотка. Мы должны вернуться сегодня, нас ждет большая поездка. Никаких слез, или рвоты, или чего угодно из этого. Счастье. Все что я хочу видеть, это счастье. Окей?

— Это будет не просто, — говорю я ему.

Глядя на мое лицо, он мягко улыбается мне и кивает.

— Я знаю, но нам двоим нужно попытаться.

— Хорошо.

Оглядываясь через его плечо, я вижу его сестру, стоящую в дверях, которая вытирает слезинки полотенцем. Она почти мгновенно замечает, что я заметила ее, и ее глаза расширяются.

— Извините, я не подслушивала, клянусь.

Джерон поворачивается к ней.

— Не переживай об этом, сестренка.

Помогая мне подняться, он целует меня в щеку и говорит принять душ, а затем встретиться с ним на кухне. Он закрывает за собой дверь в ванную. Я смотрю на себя в зеркало, пока позволяю воде стекать с меня несколько секунд. Я смотрюсь бледно, но блаженно, несчастна, но еще любима. Это странная комбинация, но идеально описывающая мою ситуацию.

Мне не нравится мысль о возвращении домой. Что для меня дом? Ничего. Я ненавижу его. Я не хочу быть там. Я хочу быть с Джероном, так долго, как я смогу, но я хочу уйти от всего, что я знаю в этом мире. Я хочу быть в мире со своей жизнью. Я должна найти способ, чтобы это произошло. Мне нужно найти силы внутри себя.

После душа я встречаюсь с Джероном и Джастис на кухне. Она наготовила как не праздник. Она, должно быть, встала на рассвете, чтобы приготовить все это. Детские тарелки стоят на столе и в них все еще есть остатки еды, значит, они уже позавтракали этим утром.

Джерон дает мне тарелку, целуя в щеку во время этого.

— Наедайся, мы остановимся, чтобы снова поесть, только через несколько часов.

Я привыкла к многочасовым поездкам без возможности остановиться поесть, но я все еще наполняю свою тарелку всем, от сосисок до яиц и бекона, даже бубликами с фруктами и творогом. Я ем как принцесса, даже когда Джерон смотрит на меня с улыбкой на миллион, я чувствую себя особой королевской семьи.

Джастис ставит свою чашку, когда я сижу и благодарю ее за все, что она сделала. Она с трудом говорит, когда садится с чашкой кофе для себя. У меня такое ощущение, что большинство этой еды пойдет на отходы.

Завтрак заканчивается умеренно тихо. Я замечаю, как Джерон смотрит на меня время от времени, улыбаясь или просто так. Он собирается быть моей смертью, я просто знаю это.

Когда мы заканчиваем, Джастис возвращается в комнату с небольшим рюкзаком, который, вероятно, принадлежит ее дочке. Она протягивает его мне.

— Здесь смена одежды и толстовка, на случай если ночью будет холодно. Я также упаковала несколько перекусов. Джерон не сможет держать это, пока он едет, так что я думаю, ты смогла бы одеть его на спину.

Она уже дала мне больше. Я носила ее одежду, так как я приехала к ней, пользовалась ее душем, ела ее еду, и она даже постирала мою одежду, чтобы я могла надеть ее дома. Она была для меня большей матерью в последние две ночи, чем моя мать была в последнее десятилетие.

Показывая свою благодарность, и удивляя саму себя, я заключаю ее в объятия, держа ее на несколько секунд дольше, чем нужно.

— Спасибо тебе, — шепчу я.

Когда мы отходит друг от друга, она кивает головой с улыбкой.

— Береги себя, Равин. Пожалуйста, позвони мне если я буду нужна тебе для чего бы то ни было. Даже если просто поболтать.

Она смотрит туда, где Джерон обнимает детей на прощание, взлохмачивая их волосы. Так как должен делать это дядя, и, скорее всего, это в последний раз.

— Я сделаю это, — говорю я ей, все еще глядя на Джерона.

Его улыбка освещает комнату. Я представляю наше с ним будущее, как он дает детям ланч-боксы и бутерброды. Это ранит мое сердце, осознание, что этого никогда не будет. Я знаю, что я никогда не найду кого-то как Джерон, но, *вероятно*, в один день в будущем, я найду кого-то, кого смогу любить почти так же.

Он оглядывается, замечая, что мы смотрим на него, и продолжительно качает головой.

— Ладно, детки, мне нужно в дорогу.

— Нет! — скулят они оба одновременно.

Он достает свой бумажник, вытаскивая из него деньги, и держит деньги перед собой. Две двадцатидолларовые купюры сияют на лицах детей словно золото.

— Идите и положите их в свои банки, чтобы купить на них что-то удивительное.

— Ты лучший! — кричит ему Алексия.

— Спасибо, дядя, — говорит ему Остин.

Попутно дети кричат до свидания, они слишком очарованы деньгами, чтобы обнимать меня.

— Я буду скучать по вам двоим, — кричу я им вслед.

Алексия смотрит через плечо и улыбается, затем они оба убегают в коридор так же

быстро, как и появились.

Джастис хлопает Джерона по руке.

— Зачем ты их так портишь?

— Замолчи.

Он смотрит на нее, но больше ничего не говорит. Мы все трое знаем почему.

Со вздохом, она потирает руки, и смотрит на него, как будто пытается запомнить его каждую особенность. Я уверена, что она будет вспоминать этот момент миллион раз.

— Будь осторожен в дороге, позвони мне, когда доберешься до дома.

— Да, мам, — издевается он.

— Ты знаешь, я беспокоюсь о тебе.

— Что еще худшее может случиться, чем то, что я умру в ближайшие несколько недель?

Рука Джастис ударяет по лицу Джерона с такой силой, что кажется, она отскочила от моей кожи. Она задыхается, держа свою руку у рта, когда понимает, что она только что сделала. Я отступаю назад, зная, что им вероятно нужна минута. Дрожащим голосом она говорит ему:

— Не говори таких вещей.

Он склоняет голову от стыда, и это справедливо.

— Мне очень жаль, Джастис, это вырвалось. Я позвоню, когда мы будем там.

Оправляя себя, она гордо встает перед ним, игнорируя то, что только что произошло, но я могу видеть, что она все еще трясется.

— Я люблю тебя, — когда она смотрит на меня, она улыбается, но не так искренне, как она всегда улыбается. — Веселой поездки... если ты сможешь.

— Я попытаюсь.

Знаю, что весь путь назад с Джероном будет с бурчащим животом, головной болью, болящими ногами и усталостью, но это стоит того.

Глава 13

Солнце было высоко на безоблачном небе. Прошел час, как мы уехали из дома Джастис. Он выбрал совершенно иной путь домой, так что я понятия не имею, где мы находимся. По дороге у меня было не то чтобы много подсказок для этого. Я пыталась смотреть на дорожные указатели, но они просто напоминают мне о том, где мы и какой будущее для нас уготовано, когда мы вернемся, так что я перестала обращать ни них внимание. И пусть ветер размахивает моими волосами, собранными в хвост, солнце целует мои щеки, и запах Джерона просачивается в мою память.

Внезапно он съезжает на грунтовую дорогу, глуша двигатель, подкатывает мотоцикл к зеленому столику для пикника. Рядом с ним стоит гриль, и позади него прекрасный вид на озеро. Я смотрю, как птица взлетает в воздух, прежде чем налететь на озеро, пытаюсь захватить рыбу. Я не близка с природой, но в этот момент, я хотела быть с ней ближе. Если бы у меня был вид как этот, я бы все время проводила на улице, лежа на спине и слушая музыку.

— Что мы будем делать? — спрашиваю я, предполагая, что мы здесь, чтобы отдохнуть. Я могу гарантировать, что он устал от вождения мотоцикла. Должно быть, у него болят не только ноги, но и руки тоже. Особенно после помощи Крису вчерашним утром.

Он поднимается с мотоцикла, снимая свою белую футболку и бросая ее позади себя. Он стягивает свои кроссовки, смотрит на меня соблазнительным взглядом, снимает свои штаны.

В моих словах шок, когда я спрашиваю снова:

— Что... ты делаешь?

— Освежаюсь, — отвечает он просто. Сняв свои носки, он остается только в одних боксерах. В это время я нагло смотрю сверху вниз на него. Это вызывает реакцию между моих ног, пульсирующая боль, к которой я не привыкла, но я не буду жаловаться.

— Ох.

Спустив боксеры до щиколоток, он спрашивает:

— Присоединишься?

Я слышу юмор в его голосе, когда он добавляет к этому сексуальный подтекст.

Я даже не знаю, как ему ответить, так что вместо этого, я снова смотрю ему в лицо. Его брови поднимаются вверх с интересом, присоединюсь ли я к нему *поплавать*. Делая глубокий вдох, я встаю с мотоцикла и начинаю снимать с себя одежду. Я никогда не заботилась о том, как я выгляжу голой, и я тот тип девушек, которые стесняются переодеваться в раздевалке, полной других девушек, но что-то в Джероне заставляет меня чувствовать себя комфортно в таком виде. Поэтому, когда я раздеваюсь до минимума, на самом деле я чувствую себя... сексуально.

Особенно, когда его зрачки сужаются и волосы встают дыбом.

Стыдливо улыбаясь, я медленно иду к нему. Он крепко сжимает мои бедра, потянув меня так, что я прыгаю в его объятия, обхватывая его бедра ногами, на несколько дюймов выше того, где я хочу быть. Он держит меня за ягодицы, когда входит в воду. Целуя меня в губы, я думаю, что он будет страстным и романтичным, но он использует этот момент, чтобы бросить меня в воду, создавая большой всплеск.

Когда я встаю, то брызгаю в него водой в ответ, затем вытираю воду со своих глаз. Прежде чем он брызнет в меня, я разворачиваюсь и уплываю от него. Он ныряет за мной, в результате чего, мы оба оказываемся под водой. Между нами начинается борьба, прежде чем я успеваю осознать это: брызги, смех, прыжки в воду.

Когда он глотает слишком много воды и давится ею, все что я могу делать, так это смеяться. Прочистив свое горло, он сверкает на меня глазами.

— Ты просто собираешься позволить мне утонуть, да?

— Может быть.

Я пожимаю своими плечами, достаточно невинно улыбаясь ему.

— Знаешь, в этот раз ты сам напросился.

С визгом я пытаюсь убежать от него, но он хватается меня за руку, прежде чем я успеваю что-либо сделать. Он хватается мою ногу и закидывает ее за себя, на этот раз так, как я этого хочу. Его член упирается в меня. Все наши шутки и веселье мгновенно исчезают, когда я смотрю в глаза Джерону Спилнеру. Солнце светит, создавая ореол вокруг его головы, его лицо выглядит темнее, и что-то в этом делает его еще сексуальнее, чем обычно.

Его губы касаются моих, когда он хватается мою вторую ногу. Обхватив его плечи руками, я прижимаюсь к нему. Он неторопливо входит в меня, полностью заполняя. Я не могу сдержать свой стон, который эхом проносится над озером.

— Мой любимый звук, — шепчет он.

Мы занимаемся любовью в озере. Этого не было в моем списке желаний, даже если бы у меня такой был. Вода плещется о мою грудь, охлаждая кожу. Он пробует на вкус мою шею и плечи, пока я откидываюсь назад, выставляя ему все это. Вскоре он становится грубее, но это делает все только более волнующим. Его пальцы впиваются в мои ягодицы, когда он

становится упорнее.

Удовольствие охватывает мое тело, пальцы на моих ногах сжимаются и все плывет перед моими глазами. Мне все равно, когда я кричу его имя, не забываясь о том, слышит ли нас кто-нибудь, сейчас в моем мире есть только Джерон и я. Он мягко покусывает мое плечо, когда входит так глубоко, как только может, задерживаясь во мне на несколько секунд, а затем заполняет меня. Его тело медленно ослабевает, и я кладу свою голову на его плечо, тяжело дыша, мой пульс начинает замедляться.

Когда он отпускает меня из своих рук, я встаю обратно в воду и смотрю на Джерона. Он усмехается, заставляя меня хотеть большего, но я сдерживаюсь.

— Это было...

— Невероятно, — он закончил предложение за меня.

— Да, — вздохнула я. — Невероятно.

— Будет слишком банально для парня, если я скажу, что голоден? — когда я брызнула на него водой, он захохотал. — Что? Иди сделай мне сэндвич, женщина!

— Я заставлю тебя есть грязь, — съязвила я.

Его глаза смотрят вниз, на воду, где мои ноги. Облизывая губы, он говорит:

— Я съем что-нибудь у тебя.

Мое лицо никогда так не вспыхивало ранее, как сейчас.

— Хм, нет.

Улыбка на его лице вмиг превратилась в шок.

— Тебе никогда не лизали твою киску?

— Фу, не говори ни слова, — говорю я ему, выпячивая губу.

— Серьезно? — он продолжает, игнорируя мои слова. Видимо, он очарован тем, что ни одно лицо мужчины не было между моих ног. — Ох, я должен изменить это.

Кивая головой, я говорю ему:

— Нет. Этого не случится.

Развернувшись, я начинаю возвращаться к берегу. Я могу слышать всплеск воды за мной, так что я знаю, что он идет за мной.

— Ох, но это так.

— Нет, — я продолжаю настаивать.

Когда я поднимаю свою одежду, его рука проходит между моих ног. Его палец снова касается моего клитора. Дрожь проходит через меня. Я замираю на месте. Пульсация возвращается, но на этот раз она какая-то более интенсивная.

— О, я собираюсь ее так чертовски хорошо вылизать.

Его голос стал на октаву ниже. Его глубина заставляет меня дрожать. Я не смею двигаться, потому что все, что я сейчас чувствую, так чертовски хорошо, и все, что он делает, так это просто прикасается ко мне. Даже не шевелит своими пальцами.

Как только эта мысль проносится у меня в голове, он погружает свой палец в меня.

— Ты такая узкая, Равин, — он почти стонет, когда говорит. — И... влажная.

Странный звук вырывается из моего рта. Мне так хорошо и легко, что это не имеет для меня никакого значения.

— Ох, тебе нравится это, да?

— Мм, — я тихо отвечаю.

Он двигает пальцем внутри меня, нажимая своим большим пальцем на мой клитор, делая круговые движения.

— Оооо, — стону я снова.

Когда его руки уже нет там, я смотрю на него спутанным взглядом, но путаница быстро исчезает. Он берет мои бедра, направляясь к столику для пикника.

— Ложись на него, — просит он мягким, умоляющим голосом.

Я киваю своей головой, я не могу говорить. В любом случае, я нахожу себя лежащей на столе, пока он проводит своими руками по внутренней стороне моих бедер.

— Если ты скажешь мне нет, то я остановлюсь.

Он смотрит на меня в ожидании, что я скажу что-то, но я не делаю этого. Вместо этого я откидываю голову и закрываю глаза, не думая о том, что кто-то может нас увидеть.

Тепло его рта обдаёт меня, вызывая во мне чувства снова и снова. Он продолжает атаку своим ртом, пока я снова не раздвигаю ноги. Я думала, что буду чувствовать себя неловко и стесняться, но как только я подхожу к пику, я тяну Джерона за волосы прямо туда, где он мне нужен, чтобы он почувствовал самое невероятное освобождение.

Когда я кончаю, я задыхаюсь и чувствую себя истощенной. Он максимально приближается ко мне с мокрой усмешкой.

— Я должен поцеловать тебя, — смеется он.

Прикрывая свое лицо руками, я выпускаю громкий смешок, который целиком и полностью реален. Это почти не звучит, как я. Видимо, я не привыкла к тому, что счастлива.

— Не могу поверить, что я просто позволила этому случиться, — бормочу я под своими руками.

Моя одежда наброшена на меня сверху. Выглянув сквозь пальцы, я смотрю, как Джерон одевается. Это вкусное зрелище, иначе и не скажешь. Когда он застегивает свои джинсы, я встаю со столика для пикника, немного жалея тех, кто будет в будущем есть за ним, и тоже начинаю одеваться. После того как мы оба одеты и довольны, он подходит и целует меня в лоб, задерживая губы на несколько секунд.

— Ты невероятна, — снова шепчет он в мою кожу.

Закрывая свои глаза, я смягчаюсь рядом с ним. В его словах. Я впитываю каждый отдельный момент, который я могу, эти воспоминания о месте, которое я никогда не хочу забыть. Я держусь за каждую секунду столько, сколько по-человечески возможно.

Мы возвращаемся на дорогу и проезжаем не далеко, как он сворачивает в сторону маленького ресторанчика. Похоже на какую-то закусочную, но я нахожусь в небольшом городке, едва ли не безымянном и он становится моим любимым. Мир, покой и горы еды — главная причина, но то, что я посещаю это место с Джероном, является дополнительным бонусом.

В этот раз я даже не думаю дважды, когда он заказывает за меня, и снова это тонна еды. Я пялюсь на него, когда он делает первый укус от своего сэндвича.

— Что? — говорит он между укусами. — Я все еще парень. По крайней мере, я не заставляю тебя делать это для меня.

В ответ я смотрю на него и кидаюсь в него салатом. Идеально попав в его темные волосы.

Я почти уверена, что ем в два раза больше Джерона, или я была более голодна, когда он заехал сюда. Он не хочет есть много, несмотря на то, сколько он всегда всего заказывает, мне интересно, таков его аппетит, или это рак.

Я ем столько, сколько в меня влезет, и мой желудок может переварить хоть что-то из пищи, прежде чем я смогу двинуться. Потирая живот, я придерживаю его, и говорю

Джерону:

— Посмотрите на мой милый маленький животик.

Даже не смотря на то, что он не такой уж и маленький.

Он смотрит на мой живот в течение нескольких секунд не сказав ни слова. Когда это становится неловким, я спрашиваю:

— О чем ты думаешь?

Джерон выпрыгивает из своей кожи, глядя на меня, он даже не понимал до этого, что смотрел на меня.

— Ты принимаешь противозачаточные средства?

— Ох. — Это было не то, что я ожидала услышать. — Да, принимаю.

— Хорошо, — вздыхает он. Я не могу не признать, что это больно, что он не представляет меня матерью своих детей. Я понимаю это, так что я продолжаю кивать, уставившись куда-то в сторону, а не на него. Я не хочу, чтобы он видел боль в моих глазах. Я эгоистка. Честно говоря, я тоже не хочу детей сейчас, я даже о себе не могу позаботиться.

— Я люблю детей, — говорит он спустя секунду, его голос звучит тише, чем обычно. Он легко захватывает мое внимание, и теперь я не могу не смотреть на него. В основном на морщинки, которые окружают его глаза. Он выглядит истощенным. — Я всегда представлял себе десять бегущих вокруг ребятишек, — его губы поднимаются в задумчивой улыбке. — Лазанье по деревьям, построение фортов, игры в грязи. Я знал, что если бы у меня были дети и собственный дом, то я бы никуда не порывался. Наши корни были бы глубоко врыты в маленьком городке, где все знают твое имя и твои дела. Я бы хотел соседа за белым забором, который бы ненавидел моих детей так же, как мистер Уилсон ненавидел Дениса-мучителя (примечание: Денис-мучитель – фильм про непослушного мальчика 1993 года).

— Что? — смеюсь я. — Ты сумасшедший. Я ненавижу жизнь в небольшом городе.

— Я любил большие города, когда был моложе, потому что мне было намного проще развлекаться, в чем и беда. Это очень просто, чтобы найти что-то, как наркотики или выпивка. Есть проститутки по углам, бездомные семьи в переулках. Это не безопасное место, чтобы растить детей. Кроме того, у меня никогда не было места, которое я мог бы назвать домом. Я хотел этого, — после небольшой паузы, он добавляет с меньшим напряжением в голосе. — Я все еще хочу этого.

Я ненавижу боль, которую он явно чувствует.

— Я хочу жить на побережье, — говорю я ему, принимая во внимание его отсутствующее будущее. — Я не думала о детях, я не знаю, хочу ли я их. Я уверена, что в один день они у меня будут, но мысль о том, как росла я, отклоняет эту мысль.

— Именно поэтому я хочу многого. Я хочу вырастить своих детей. Как мой дед пытался вырастить нас. С уважением и нравственностью, фантазией, трудом. Дети теперь днями сидят перед чертовой PlayStation, пока их родители занимаются тем, что только Богу известно. Я хотел бы вырастить детей так, как они того заслуживают, и я хотел бы, если у одного из них будут проблемы, они бы знали, что у них есть друг.

Я могу видеть боль на его лице, когда он говорит обо всем этом. Я слишком ненавижу, что он вырос так. Я ненавижу то, что мы не нашли друг друга раньше, когда мы могли бы спасти друг друга в более юном возрасте. Таким образом, мы любили бы друг друга дольше. Я ненавижу, что у него нет будущего, которого он на самом деле заслуживает.

Поскольку мы обсуждаем наше воспитание, то я позволяю себе углубиться в это еще немного.

— Ты жил со своим дедушкой?

— Да, несколько лет, — без колебаний отвечает он. Может быть, когда его тайна о раке раскрыта, мы можем обсудить и другие темы, которые раньше были запрещены. — Мои родители развелись, потому что мама узнала о каких-то других цыпочках отца, и одна из них залетела — это была мама Джеймисона. Она взбесилась и сообщила мне, что мой папа был жестоким. Я даже не знал в чем дело, мне было едва ли четыре в то время. Джастис и я были взяты на его содержание, спустя несколько месяцев маму осудили на три года за распространение наркотиков.

— Ох, — вздыхаю я. Я не знаю, что еще сказать.

— Да, — смеется он. — Сучка была сумасшедшей. Люблю ее до смерти, не смотря на то, через что она провела нас.

— Кто этот парень Рэй? Я думала, что это твой папа или кто-то вроде того, но он не... папа?

— Ах, я представлял, когда ты спросишь о нем. Он мой дядя. Дядя Колина, если быть точнее. Он из банды байкеров и я знаю, черт возьми, они слышали о том, что я сделал...

Он умолкает. Нет необходимости повторять о том, что случилось.

— Почему твой папа не позаботился о тебе, вместо этого отправив тебя к твоему дедушке?

Он фыркает, рассмеявшись, как будто я пошутила.

— Он ленивая ослиная задница. Когда Моника была беременна Джеймисоном, он, *наконец*, нашел работу. Затем она бросила его в три месяца после его рождения. Мой дедушка тратил большую часть своего дохода на содержание моего отца и Джемисона, остальное на содержание Джастис и меня. Когда он умер, то у него ни для кого ничего не осталось. Он был лучшим, и я скучаю по этому старику как сумасшедший.

— Мне очень жаль.

Я смотрю вниз на пустую тарелку перед собой. Я не могу прямо сейчас смотреть на него, я не хочу видеть грусть в его чертах. У меня дерьмовое воспитание, но у него еще хуже. Я чувствую себя эгоисткой даже, когда сравниваю это.

Его рука накрывает мою, его пальцы движутся так, что его рука захватывает мою. Неуверенно я позволяю нашим пальцам переплестись.

— Никогда не извиняйся за то, что ты не можешь контролировать. Жизнь идет. Мы живем, мы умираем, мы просто люди в море таких же людей. У одних дерьмовая жизнь, у других весь мир в ладони, — он сжимает мою руку с маленькой усмешкой на губах. Он назвал меня своим миром? — У каждого есть свой собственный ад, как мечта или две, которые знаешь, что никогда не сбудутся. Это... жизнь.

— Как так получилось, что ты такой... — я не могу даже думать о словах, которые собираюсь сказать. Позитивный? Мотивационный? Спокоен, умирая? Я почти закатываю глаза при мысли, чтобы произнести что-то из этого, все или громко, или банально, или грубо.

Я думаю, что Джерон знает обо всех тех словах, что на кончике моего языка, поэтому в любом случае отвечает.

— Я прошел через многое. Через вещи, которые изменили меня, дали мне опыт. У меня был дед, который в юном возрасте меня направлял в путь с миром. Я не знаю. Я думаю, я узнал, что вместо того, чтобы ненавидеть всех и вся, включая себя, мне нужно просто идти с этим.

— Это было бы просто.

— Ничего не просто, даже тебе говорить мне это, но практика делает все проще, — он сжимает мою руку еще раз, глядя с любовью на меня. — Ты готова ехать?

Я честно отвечаю ему:

— Нет.

— Мы остановимся в отеле через несколько городов. По крайней мере, нам нужно попытаться проехать немного дальше. Я должен быть на работе завтра утром.

Я чувствую себя виноватой, он должен работать и он опаздывает. Хотя, я не могу сосредоточиться на работе, когда моя жизнь может закончиться в любую секунду.

— Могу я спросить еще о чем-то?

— О чем угодно.

Я могу сказать по тому, как он говорит, что он полностью сосредоточен. Мне нравится, что он доверяет мне.

— Почему ты не забьешь на стажировку, почему ты ходишь на нее, не смотря ни на что, если ты... ты знаешь... — я позволяю предложению оборваться. Я не хочу говорить этого.

Он поднимает уголок губы в грустной улыбке. Он всегда знает, что я собираюсь сказать. Может быть, потому что я не из тех людей, реакции которых сложно прочесть или, может быть, наша связь действительно глубока, и он чувствует это.

— Мне не нужно быть в бегах последние несколько недель, что у меня есть. Я бы предпочел сделать то, что от меня ожидается и сделать всех счастливыми.

— Это то, что ты делаешь для меня? Пытаешься сделать счастливой?

Он встает со своей стороны стола, все еще держа меня за руку. Стоя передо мной, он тянет меня за руку, поднимая из-за стола. Прокрутив меня, вторую руку он кладет мне на бедро и начинает покачиваться в танце.

Здесь нет музыки, но Джерон начинает напевать мелодию.

Мое лицо краснеет, когда мы танцуем возле нашего столика перед кучкой посетителей. Его, кажется, не волнует пристальное внимание к нам, так что я пытаюсь сделать то же самое. Неловко обнимаю его, это вероятно одна из самых милых вещей, которые человек делал для меня.

— Если ты думаешь, что я делаю это по какой-то благотворительной причине, перестань думать об этом сейчас же, — его голос суров. Он впивается своими глазами в мои. — Да. Я пытаюсь сделать тебя счастливой, но только по той причине, что ты заслуживаешь этого.

— Ты тоже заслуживаешь этого.

— Я счастлив. Я танцую с самой красивой женщиной, которую только видел, и ты знаешь... Я знаю, что когда я умру, я умру самым удачливым сукиным сыном, который был. Я не только полюбил тебя, но и ты полюбила меня в ответ. Нет большего наслаждения, чем это.

Все исчезает вокруг меня. Я не ждала ни этого танца, ни этих слов, ни этих слез. Без сомнения, каждое слово, что он говорит, он верит, что это правда, так что я принимаю то, что он говорит, что я красивая и достойная. Встав на цыпочки, я прижимаюсь своими губами к его губам. Я никогда не хотела целовать другую душу.

Глава 14

Эта ночь была более чем волшебной. Когда Джерон уложил меня на кровать в отеле и

внимательно следил за каждой моей реакцией. Он поцеловал мое тело с ног до головы. Его руки блуждали по моей коже. Я даже не могу назвать это занятием любовью, потому что это было гораздо больше.

Когда я проснулась этим утром, то была так крепко объята его руками, что не хотела будить его. В конце концов, он сам сделал это, незадолго до того, как мы снова отправились в путь.

Мы снова пресекаем границу Арлингтона, и все что меня окружает, так это грусть. Мои пальцы хватаются за его футболку. Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Спускаясь по грунтованной дороге, он не тормозит в начале, как он делал раньше. На этот раз он едет по моей дороге. Я не думала, что он знает, где я живу, но это небольшой городок, так что все может быть. Машина мамы припаркована на краю участка, и там припаркован кто-то еще.

Я поднимаюсь с мотоцикла и удивленно смотрю на Джерона, когда он паркует его.

— Что ты делаешь? — вероятно, в моем голосе более заметна паника, чем мне кажется.

— Встречаюсь с твоей мамой, — говорит он беспечно.

— Что? Нет. Ты не можешь.

Это не останавливает его, он берет мою руку в свою и шепчет.

— Чего ты так боишься, Равин?

Я было открываю рот, но замолкаю. Я не знаю, что ответить на это прямо сейчас, я не знаю, *чего* я боюсь. Он не собирается осуждать меня из-за моего дома, или из-за того какая у меня мама. Ему наверняка не понравится Брюс, но этого и следует ожидать. Может быть масса неловких моментов, но ... ничего из этого не важно. Он показал мне это. Половина вещей, которых я боялась раньше, больше не имеют никакого значения.

— Ничего, — шепчу я. Это вызывает на его лицу такую улыбку, которую я хотела бы запомнить.

— Тебе чертовски нужно объясниться передо мной! — кричит моя мама от входной двери.

Оглянувшись, я вижу, что мой брат стоит перед ней, скрестив руки на груди. Сказать что он пьян, значит преуменьшить. Полагаю, я не должна ждать чего-то другого. Я удивлена, что он здесь.

Джерон настойчиво шагает.

— Я прошу прощения. Она была со мной.

— А ты кто? — мама спрашивает так, как будто это действительно волнует ее. Сейчас она заинтересована моей жизнью как никогда прежде.

— Джерон Спилнер, мэм.

— Это ничего для меня не значит, — обрывает она. Глядя на меня еще раз, она громко вздыхает. — Ну, чего ты ждешь? Иди в дом и скажи своему... другу... уходить.

Она говорит слово "друг" с отвращением.

— Хочешь, чтобы я остался? — Джерон шепчет мне на ухо, так чтобы только я слышала.

Я поворачиваюсь к нему, мое лицо так близко к нему, что мы практически целуемся. Я *хочу*, чтобы он был здесь со мной, но зная Брюса и своего брата, это не лучшая идея. Худшие варианты развития события мелькают в моей голове.

— Могу я позвонить тебе позже?

— Если я не услышу от тебя ничего до девяти, я вернусь назад.

— Спасибо.

— Заходи! — кричит мама. — Я не буду ждать весь день!

Джерон оборачивается к двери еще раз, и, коротко кивая головой, слегка улыбается.

— Было приятно встретиться с вами.

— Да, да, — стонет она.

Она скрещивает руки на груди, как и мой брат. Он не сказал ни слова, но я вижу, что его лицо покраснелось. Добро пожаловать в мою жизнь.

Чувствуя себя провинившимся семилетним ребенком, я склоняю голову и иду в дом, в то время как Джерон отъезжает. Он съезжает вниз по дороге, когда я предстаю перед мамой и Мусом.

Моя мама хватается меня за волосы и тянет к себе. Боль сразу же напоминает мне о Кайлере, о том, что я дома, и он скоро должен прийти, как только узнает, что я вернулась домой.

— Ты так опозорила меня, — кипит она. — Я не могу поверить, что я подала заявление в полицию из-за всего этого. Город шумел, не переставая влезать в наши чертовы проблемы. Я устала от этого. Некоторые люди думают, что это моя вина. Это чушь, Равин, чертова чушь. Я *все* делаю для тебя.

Мои губы трясутся, когда я пытаюсь говорить, но ничего не выходит. Я знаю, что должна извиниться, успокоить ее, сделать еще что-то, но все это ложь. Я не чувствую себя виноватой. Мне все равно. Мне действительно все равно. Больше всего я хотела бы собрать свое дерьмо и уехать с Джероном, но до конца лета еще далеко.

— Есть что сказать? — она сильнее тянет меня за волосы, в этот раз, крича в мое ухо. Это слишком больно.

Используя большую силу, чем я думала у меня есть, я отталкиваю маму. Ее рука отпускает мои волосы, при этом вырывая прядь светлых волос.

— Я хотела бы сказать многое, как то, что оставьте меня в покое! — я кричу, совершенно не заботясь о том, что соседи нас слышат.

— Равин, не говори с мамой таким тоном! — приказывает мне Мус.

— Знаешь что? — я смотрю сперва на брата, потом на маму, в этот момент я больше всего понимаю, что никогда не принадлежала этой семье. — Я устала от вас. От всех вас. Я устала от этой жизни. Я устала от этого дома.

Мой голос постоянно повышается.

Пройдя через дверь, я хватаю рамку с фото, на котором мама и Брюс улыбаются в ложном счастье. Бросив ее через гостиную, я чувствую блаженство, когда она разлетается на сотни кусочков.

— Я устала от всего. От всей этой лжи, наркотиков и зависимости. Я устала от этой семьи.

Брюс со скрипом открывает дверь спальни, с негодованием глядя на меня.

— Что за черт? — кричит он, сперва глядя на меня, затем на маму.

Мама входит, пытаясь держать ситуацию под контролем.

— Ничего. Просто спор. Я успокою ее.

— Нет, — говорю я вслух. — Нет. Ты не успокоишь меня! Тебя никогда не было рядом, так какого черта ты думаешь, что сможешь взять надо мной контроль?

Декстер выходит из комнаты мамы и Брюса, глядя на меня. Его кожа трясется, он боится всего этого шума, он выглядит так, будто его не кормили все время, пока я отсутствовала. Это ранит мое сердце. Я была тем, кто заботится о нем, и я эгоистка.

— Идя сюда, малыш, — шепчу я, похлопывая себя по ноге.

Когда он направляется ко мне, Брюс пинает его ногой в заднюю лапу, от чего он скулит.

— Чертов тупой ублюдок.

Декстер почти падает, но доходит до меня.

Я хватаю еще что-то с края стола и бросаю в Брюса, сильно промахиваясь. Оно попадает в стену рядом с ним.

— Не трогай его, тупой мудака.

Прежде он выглядел пьяным, но теперь я даже не могу сказать, его лицо поменяло свой цвет, стало каким-то фиолетовым.

— Равин, — кричит мне Мус в то же время, когда мама шепчет, — Что ты делаешь?

Я иду в свою комнату с Декстером, но Брюс пресекает меня, хватая за руку так сильно, как он только может, толкая меня в стену.

— Слушай меня, ты, маленькая сучка, никогда впредь не говори со мной так.

— Не трогай когда-либо ее так впредь снова! — голос Джерона эхом проносится по дому.

Стоит мертвая тишина, пока все мы смотрим на Джерона, который отталкивает моего брата и направляется к Брюсу. Он убирает руку Брюса от меня и отталкивает его. Он ударяет его об стену два раза, так же как он сделал это со мной, но сразу же дает отпор Джерону. Я в ужасе смотрю, как они наносят друг другу удары, но в результате Джерон валит Брюса на пол. Мама фоном кричит, умоляя их остановиться, пока Мус стонет, но не делает ничего, чтобы остановить это. Я не могу ни двинуться, ни сказать что-либо. Я оцепенела. То есть, до того момента, пока Джерон валит Брюса на пол и не наносит ему удары один за другим.

Бросившись к ним, я хватаю Джерона за руку.

— Остановись, Джерон, — но прежде чем я делаю это, он успевает ударить меня в глаз.

Падая на пол, я начинаю дышать слишком часто, секунда уходит на то, чтобы прийти в себя. Мус кричит на Джерона, он называет его куском дерьма, за то, что он ударил меня. Мама бежит к Брюсу, наплевав на меня.

Кивая головой, я говорю Мусу:

— Это моя вина.

Джерон смотрит на меня с ужасом в глазах. Я вижу в них вину.

— Мне так жаль детка, я не хотел.

— Все в порядке, — автоматически отвечаю я. В этот раз это действительно в порядке. Это было по моей вине, и я знаю, что это был несчастный случай. Я не много знаю о реальном мире, но я точно знаю, что Джерон никогда не причинил бы мне вреда.

— Нет, это не так, — говорит он.

Вставая передо мной, он опускается, чтобы помочь мне, но прежде чем я беру его за руку, Мус толкает Джерона на пол.

— Оставь мою сестру в покое. Убирайся из этого дома, тебе здесь не рады.

— Ему здесь рады! — кричу я на своего брата.

Он указывает на дверь.

— Убирайся.

Встав твердо на обе ноги, я чувствую быстро нарастающую внутри уверенность, а не гнев.

— Тогда я ухожу с ним.

В этот раз Мус смотрит на меня, сведя брови вместе.

— Я думаю, что у тебя есть жених, и он ищет тебя. Почему бы тебе не направиться к нему и не развеять его мысли о том, где ты.

— Не говори так со мной, — говорю я ему стоя на своем. Так как Джерон учил меня стоять за себя. — Тебя никогда нет рядом, так что не смей думать, что ты знаешь хоть что-нибудь обо мне и Кайлере. Я не люблю его, я не хочу его.

Мус начинает говорить что-то, но мама прерывает его спустя столько времени.

— Позволь ей уйти, если она того хочет.

В ее голосе столько боли и мне интересно, может быть, просто может быть, это было пробуждением для нее.

Брюс мычит в позе эмбриона. Я уверена, что он пытается что-то сказать, но Джерон сделал это невозможным для него. Торопясь, я бегу в свою комнату, убедившись, что избегаю Брюса. Я хватаю рюкзак и начинаю запихивать в него все, что попадется под руку и что может мне понадобиться, чтобы протянуть пару дней. Я понятия не имею, когда вернусь, но надеюсь, что мама не подпустит Брюса к моим вещам.

Возвращаясь обратно в комнату, я вижу, как Мус помогает Брюсу остановить кровотечение. Мама на кухне дала Джерону пакет замороженного гороха. Они оба заметили меня, когда я подошла. Мама смотрит вниз с позором, но не говорит ни слова, проходя мимо меня. Я не знаю, почему я ждала, что она скажет что-то, но я надеялась, что она скажет, что, бросит Брюса, наконец, или что ей жаль, или ... что угодно.

— Извини за это, — с позором говорю я Джерону.

— За что? — спрашивает он. Его бровь с любопытством вздымается. — Ты действительно шутишь? Я надрал ему задницу и спас тебя. Черт, я твой современный принц.

Улыбка расплывается на моем лице даже после того, что только что произошло.

— Ты, без сомнений, и есть он.

Не желая оставаться здесь дольше, я спрашиваю, можем ли мы идти. Куда угодно.

Мы выходим из дома и не оглядываемся назад. Как только мы подходим к мотоциклу, он расплывается в улыбке.

— Что? — спрашиваю я.

— Это не белый конь, но думаю, что подойдет. Что скажешь?

— У меня нет выбора.

Он наклоняется, прикасаясь своими губами к моим.

— У меня тоже.

Я на самом деле удивлена, когда мы едем к отцу Джерона. Я не думаю, что он хотел бы привезти меня сюда, если бы Кайлер был здесь, но, вероятно, что после стычки с Брюсом у него столько адреналина в крови, что он не отказался бы от второго раунда с Кайлером.

Я не думаю, что смогу перенести еще одну драку. Я истощена эмоционально.

— Почему бы тебе не пойти в мою комнату, если ты помнишь, где она.

— Я помню, — говорю я ему, когда мы проходим через главный вход.

Он все равно показывает куда идти, но сам идет в противоположную сторону, на кухню.

— Я буду там через минуту.

Спустя несколько минут он приходит ко мне в спальню. Он ставит большую тарелку с бутербродами с арахисовым маслом и чипсы, бросает мне на кровать бутылку с водой и одну открывает для себя. Я оглядываю его, его владения.

— Что заставило тебя вернуться? — спрашиваю я спустя секунду. У меня нет аппетита, мой желудок стянут.

Он садится, переставляя тарелку так, чтобы оказаться рядом со мной.

— У меня было чувство, что с тобой что-то не хорошо. Я доехал до конца дороги и не мог понять, какого черта я оставил тебя там.

— Он никогда не бил меня прежде, — признаю я. — Хотя, я всегда боялась его.

— Я ненавижу это... — он смотрит вниз. Его руки сцеплены и его взгляд сосредоточен на них. — Ты никогда не должна бояться. Если когда-либо тебе станет страшно, делай что-нибудь с этим. Скажи кому-то, купи пистолет, чтобы защитить себя, что угодно. Я... я не буду здесь, чтобы защищать тебя, но я хочу спасти тебя любым способом, которым только смогу.

Кладя свою руку поверх его, я говорю хоть что-нибудь, но только не о его болезни.

— Я никогда не стреляла из пистолета.

Он оглядывается на меня почти с восторгом от моего ответа.

— Хочешь попробовать?

— Что? Нет!

— Давай. У отца есть несколько, мы можем пострелять прямо здесь.

Я с недоумением смотрю на него. Я думаю о том, что он застрелил свою маму и что что-то подобное может произойти снова. Я медленно качаю своей головой.

— Все нормально, мне не нужно это. Я не хочу.

— Христа ради, ты будешь жить в чертовом Техасе. Ты должна, по крайней мере, попробовать и иметь пистолет.

— Я не хочу.

— Почему?

— Потому что не хочу.

— Почему, Равин?

— Потому что я не хочу этого, я сказала.

— Равин...

— Потому что я не хочу здесь несчастного случая.

Я смотрю вниз, избегая его лица.

Спустя мгновение, когда он не говорит ничего, я смотрю на него. Он смотрит на меня, но не со злостью. И не со смехом. Безразлично. Я бы сказала так. Я не знаю, что он думает. Это пугает меня.

Наконец, спустя минуту неловкого молчания, он говорит снова.

— Если бы я был обучен до этого инцидента, то, скорее всего, этого бы не случилось. Позже я узнал, по крайней мере, основы. Я не профессионал, но я чертовски хорошо знаю, как обращаться с оружием должным образом. Когда будешь в Техасе, сходи на стрельбище и узнай все. Я хочу, чтобы ты сделала это. Пожалуйста?

— Я... подумаю.

Он улыбается победной улыбкой, которая так легко ему досталась.

— Хорошо. Помни. Я буду наблюдать за тобой, и буду знать, лжешь ты или нет.

Я бью себя в грудь, утверждая это.

— Прекрати делать это. Я не хочу думать об этом больше чем нужно.

Его лицо полностью смягчается, когда улыбка исчезает. Он полон беспокойства обо всем, я ненавижу это. Прежде чем он успевает сказать все, что думает, я хватаю бутерброд и направляюсь к двери.

— Ты идешь?

Он подпрыгивает с кровати, хватая свою воду.

— Пойдем.

Глава 15

Я и понятия не имела, что получу столько острых ощущений, просто держа в руках пистолет, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него. Мы были на заднем дворе дома около двух или трех часов, стреляя по банкам, которые валялись по полю, после вечеринок Джеймисона. У его отца огромная коллекция оружия, я не знаю многих названий из нее. За исключением того пистолета, из которого мы стреляли.

Джерон научил меня стрелять из Springfield, и когда я выстреливала, то он шлепал меня по заднице в первый раз, когда это случилось. Да и во второй раз тоже. А также еще из двух пистолетов: кольта Mustang и Smith & Wesson M&P, который стал моим личным фаворитом. Я чувствую себя настоящей бунтаркой, держа пистолет в руках, а это говорит о многом, ведь никогда прежде в своей жизни, я не чувствовала себя так.

Он сидит на земле, оперевшись на свои руки, и смотрит на меня с восторгом. Он тоже стрелял несколько раз, и я думаю, что он немного устал. Когда час спустя, мы отправлялись обратно к дому, он сказал, что вполне хорошо себя чувствует. Убирая M&P, я смотрю на него еще раз.

— Готов?

Окинув взглядом дом, он пожимает плечами.

— Конечно. Если ты готова.

— Я уже чувствую усталость в плечах. Но мы же можем повторить это завтра, не так ли?

Он оборачивается ко мне, лучи солнца переливаются на его идеальной коже. Я люблю смотреть на него, когда его лицо расплывается в улыбке.

— Если моего отца не будет рядом.

— Ох, он может быть сильно зол?

Он еще раз пожимает плечами.

— Он тот, кто научил меня стрелять, но и они тоже его дети, так что он может быть немного раздражен.

— Ты не должен был разрешать мне стрелять из них, — отвечаю я.

Он продолжает ухмыляться.

— И пропустить это? Сейчас! Я не совру, если скажу, что это так сильно завело меня. смотреть на тебя, стреляющую из них.

Мое лицо становится пунцовым.

— Что? — мое дыхание сбивается. — Как *это* могло завести тебя?

Он смеется, потом берет два других пистолета, и мы идем к дому.

— Ты шутишь, да? Самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, стреляющая из пистолета! И ты еще спрашиваешь, как это могло возбудить меня? Черт, ты ничего не знаешь о парнях, верно?

Я толкаю его в плечо, засмутившись и совершенно не зная, что на это сказать.

Он начинает хихикать, но зевок прерывает его.

— Я истощен, — говорит он. — Вероятно, из-за всех путешествий. Хочешь вздремнуть со мной? — он смотрит с надеждой.

Сжимаю свои губы, пытаюсь сдержать свой собственный смех, я даю ему знать.

— Я знаю достаточно о парнях, чтобы точно знать, что это код.

Я жду его смех, но он не приходит, намек на улыбку начинает появляться на его лице, но она быстро исчезает. Он действительно истощен. Могу себе представить, пробыть за рулем весь этот промежуток времени действительно тяжело.

— Да, — говорю я. — Я могла бы реально вздремнуть.

После того, как он убирает оружие прочь, идет к холодильнику, чтобы взять две бутылки воды, и мы направляемся в спальню. Его кровать мала, но она идеально подходит для двух, прижимающихся друг к другу. Он дает мне майку и шорты, надев которые, чувствую себя комфортно. Запах Джерона, на самом деле, приносит комфорт.

— Спасибо, Джерон, за эти приключения, — я шепчу напротив него.

— Я рад, что тебе понравилось, — шепчет он.

— Я бы этого не имела, если бы не ты.

— Я люблю тебя. Сладких снов, красавица, — через секунду говорит он.

— Я тоже тебя люблю, — я зеваю.

Я не уверена, когда заснула, все, что знаю, я спала мирно и спокойно. Я проснулась от громкого треска. Мне понадобилась секунда на то, чтобы понять, где я. Вокруг темно, я измучена и Джерон еще спит, так что, я тянусь к его руке и становится немного лучше. Надеюсь, что мне удастся опять заснуть.

Дверь открывается, дерево раскалывается, когда Кайлер ударяет ногой по ней.

— Ты чертова шлюха, — кричит он на меня.

— Джерон, — кричу я.

Толкаю его руку, но он даже не шевельнулся. Схватив одеяло, я тяну его до подбородка, пытаюсь держать себя в безопасности за телом Джерона. Я знаю, что это не будет хорошо работать, но я, кажется, не имею выбора.

— Иди сюда, сейчас же, — вопит Кайлер. — Мы уходим.

— Нет, — говорю я, качая головой.

Ударяю ногой ногу Джерона, я снова кричу его имя, но он ничего не делает. Это начинает меня пугать, что ничего не разбудило его.

— Я сказал, иди сюда, — Кайлер скрипит зубами. — Мы обсудим эту ерунду, когда вернемся домой. Ты сделала достаточно, чтобы смутить себя и меня, так что давай пошли, прежде чем станет хуже.

Я ударяю Джерона еще раз, на этот раз гораздо сильнее.

— Джерон, — я шепчу, игнорируя Кайлера. Когда он ничего не делает, я хватаю его за плечо, поворачиваю его лицом ко мне, на кровати. Его лицо бледно-белого цвета с голубоватыми мешками под глазами. Он холодный. Он ...

Кожа головы горит огнем, когда Кайлер тянет меня за волосы, увлекая меня с моего места на кровати.

— Ублюдок не сможет позаботиться о тебе. Никто не сможет, кроме меня. Никто не будет любить тебя, как я, так что перестань спать с ним, Равин.

— Джерон, — я кричу.

Борьба с Кайлером не дает результатов, но я продолжаю пытаться, безуспешно. Боль вспыхивает в моей голове, но это меня не касается. Что означает, что Джерон как холодный лед и не двигается. Я отталкиваюсь сквозь боль, зная, что у него в руке несколько моих волос. Я хочу быть с Джероном.

Я с трудом вырываюсь, и, как только я это делаю, сразу начинаю трясти за плечи Джерона. Он вялый. В нем не осталось жизни.

— Нет, — я задыхаюсь. — Этого не может быть.

Кайлер пытается тянуть меня за руку, но я оттолкнула его и начала кричать в надежде, что Джеймисон здесь.

— Джеймисон, кто-нибудь, помогите! Это Джерон, пожалуйста! Помогите! — я даже не понимала, что плакала, пока не почувствовала слезы во рту.

Джеймисон отталкивает Кайлера и бросается на пол рядом со мной, вытаскивая свой мобильный телефон, прежде чем я успеваю сказать что-нибудь.

— Да, это Джеймисон Спилнер, — говорит он в трубку. Он говорит диспетчеру на другом конце, где они живут и что Джерон лежит здесь ... безжизненный.

Я схватила его за рубашку так, как будто это все, что у меня есть. Я кричу на него, желая, чтобы его руки были вокруг меня. Я не чувствую его тепло, я не чувствую его комфорт. Я не могу слышать его мягкий храп, в который влюбилась в минувшие выходные. Я не могу представить, как его глаза смотрят на меня, как будто я картина в музее. Я не могу... я не могу... Я просто не могу это сделать.

— Нет, — крикнула я еще раз. — Джерон, пожалуйста, малыш, вернись ко мне. Пожалуйста. Я люблю тебя. Я люблю тебя так сильно.

Нет никакого ответа. Ничего.

Джеймисон держит меня за плечо, пока сидит рядом со мной, ожидая скорой помощи. Я даже не понимаю, что Кайлер все еще находится здесь, глядя на ситуацию в ужасе из угла, пока парамедики не заходят в спальню. Они убирают меня с пути, потому что я не хочу отпускать его, но я отпускаю.

Я наблюдаю, как они положили его тело на носилки. Я слушаю, все, что они говорят Джеймисону, но все это влетает в одно ухо и вылетает в другое. Офицер начинает задавать мне вопросы, и, проклятье, я делаю все возможное, чтобы ответить на них, но это не так просто. И хотя я знаю, что это все происходит, но я не чувствую вообще ничего. Я не чувствую, что я здесь. Как будто я покинула тело. Я ненавижу это. Я хочу существовать в мире с Джероном. Где мы можем жить долго и счастливо.

Вслед за парамедиками, его отец поспешно бросается в дорогу. Он бежит к машине скорой помощи, его пикап все еще работает, и дверь широко открыта. У него нет забот кроме своего сына — я чувствую тоже самое.

— Могу я поехать с вами? — спрашивает он раньше меня. Я в любом случае не ожидаю, что они впустят меня.

Когда они закрывают дверь в машине скорой помощи, они уезжают с сиренами вниз по дороге. Автомобили прижимаются к обочине, и я вижу, как поворачиваются головы, они задаются вопросом, кто там и почему. Все происходит в замедленном движении. Время останавливается.

Оглядываясь, я понимаю, что Джеймисон все еще здесь. Он даже держал меня за руку. Я как будто онемела, даже не понимала ничего из этого.

Он утешает меня так, как должен был бы его брат, но он не может.

— Хочешь поехать? — шепчет он, наблюдая, как скорая уезжает.

Я даже не отвечаю. Мы уже шли к машине. Я поднимаюсь на пассажирское сиденье, когда он прыгает за руль пикапа его отца.

У него не занимает много времени, чтобы догнать машину скорой помощи. Мы следуем

за ней до больницы. Джеймисон разговаривает с персоналом, и, в конце концов, нас поместили в комнату ожидания, где стоит его отец, обхватив голову руками, расхаживая взад и вперед.

Он смотрит на нас, слезы текут по его лицу, когда он качает головой взад и вперед. Я уже знала ужасную правду, но это не было подтверждено, до этого момента. Я падаю на землю на колени, крича от боли и страданий. Он еще не должен был оставить меня. Я должна была иметь больше времени с ним. Он заслуживает больше времени. Он не должен был умереть. Не сейчас.

Самая большая радость, что когда-либо была в жизни, в моем мире испаряется в воздухе, как будто он никогда не существовал. Пропал. Полностью вне досягаемости. Я не могу насладиться больше никакими моментами с Джероном, я не могу упасть более глубоко в любви. Он не может спасти меня больше, и я, конечно, не могу спасти его. Это закончилось... именно так. Как будто этого даже не было. Как будто я не влюблялась в него, но я все помню.

Я не помню, следующие несколько минут... или это был час? — я не уверена. Все происходит так быстро, но так медленно. Все, что я помню, люди из зоны ожидания, врачи, медсестры, люди, которых я не знаю. Я даже что-то делаю. Джеймисон добр ко мне, он держит меня, говорит со мной, говорит мне, что все будет в порядке. Я сейчас не существую. Я не могу сказать что-либо, даже когда я пытаюсь.

Я знаю, он говорит, что может меня утешить, но это не работает. Ничего не работает. Я пустышка.

Его отец, в конце концов, засыпает на одном из стульев. Я смотрю на него. Я не понимала, насколько Джерон похож на него. Если бы он старел, то был бы похож на него.

Джеймисон накрывает теплым, толстым, белым одеялом мои плечи.

— Медсестра дала его мне, — говорит он.

Я киваю головой, чтобы ответить и наклоняюсь к его плечу, когда он сидит рядом со мной. Он кладет руку на мое плечо.

— Почему ты так добр ко мне? — шепчу я через минуту. Это первое, что я сказала, с момента, как скорая помощь забрала Джерона прочь. Я должна спросить. Джеймисон лучше дружил с Кайлером, хотя он брат Джерона, они едва знали друг друга. Они не были близки, или так казалось.

Проходит не больше минуты, прежде чем он снова заговорил со мной. Его голос хриплый и скрипучий, очевидно, сдерживает больше слез.

— Он писал мне текстовые сообщения все время, когда ты ушла, — признает он.

Я смотрю на него, меня сбивает с толку его заявление.

— Даже, по справедливости, сделал это несколько раз. Он любил тебя. Сильно.

Я улыбаюсь в ответ, не уверена, что еще сказать. Простого «*Спасибо тебе*», кажется, не хватает.

— Я ... Я знал, что Кайлер был мудаком с тобой. Он не относиться к тебе хорошо. Я пытался сказать ему, чтобы оставил тебя в покое, но он всегда говорил, что любит тебя слишком сильно.

Джеймисон взрывается полномасштабными слезами, и теперь я прижимаю его к себе. Он наклоняется в мои объятия и бесконтрольно рыдает.

— Мне очень жаль, Равин, — он всхлипывает между рыданиями. — Мне очень жаль. Я должен был помочь тебе. Я хотел бы сделать больше, чтобы остановить его. Я не знал, что он

был придурком с тобой, я просто знал, что он осел. Мне очень жаль.

— Шшш, — говорю я ему. — Это не твоя вина. Ничего из этого не твоя вина.

Я закрываю глаза и продолжаю держать его, пока мы оба плачем. Плачем за Джерона, за Джеймисона, за меня. За всю ту боль, которую прятали, и воспоминания, за любовь, которую мы все имеем.

Они говорят, что время залечит все раны, но я не верю в это ни одной проклятой секунды. Я не знаю, как я преодолею любую из этой боли и пыток.

Проснувшись, я чувствую боль и усталость. Все еще темно, так что я знаю, что мы не спали долго. Мое тело болит оттого, что плакала. Джеймисон и я лежим на больничном полу, рядом с креслами. Медсестра стоит в отдалении, разговаривая с отцом и сестрой Джерона – Джастис. Я не ожидала ее увидеть. По крайней мере, не сейчас. Она должно быть прилетела, раз уже здесь. Я сажусь, и растягиваю свое тело, чувствуя трещины и боли. Мое сердце сужается, зная, что я никогда не смогу снова увидеть его сияющее, красивое лицо.

Я подхожу, надеясь, что не помешала. Джастис видит меня, прежде чем я делаю это, и она отталкивает сиделку в сторону, чтобы обнять меня. Я прижимала ее близко ко мне, не в состоянии сдержать слезы.

— Хотела бы я сказать, что прошло много времени, когда я видела тебя в последний раз, — шепчет она. — Как дела?

Это слово, *хорошо*, сидит на краю моего языка, но я знаю, что Джерон бы был злой, если бы я сказал эти слова. Он ненавидел, когда я так делала, потому что это всегда была ложь. Закрыв глаза, я говорю ей правду.

— Это больно... очень сильно.

— Я знаю, девочка, я знаю, — шепчет она. — Это причиняет мне боль тоже. Мы пройдем через это. Вместе.

— Как я уже говорила... — говорит медсестра достаточно громко, чтобы мы обе услышали. — Организация похорон была сделана. У нас есть только несколько вопросов, и мы можем закончить все.

Папа Джерона наклоняет голову.

— Все, что вам нужно, — отвечает он.

— Тогда пойдете со мной, — она ему приказывает абсолютно без сочувствия в голосе.

— Могу я тоже пойти? — спрашиваю я. — Я хочу увидеть его в последний раз.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, не зная, как ответить. Через секунду она кивает.

— На мгновение.

Когда мы идем вниз по коридору, она говорит мне несколько вещей.

— Пожалуйста, помните, что он будет выглядеть голубоватого цвета. Прямо сейчас его тело распухло, и он может выглядеть немного неузнаваемым. Есть провода и трубки, прикрепленные к нему. Это не легко, увидеть его таким образом, — она останавливается перед занавесом возле станции медсестры. — Ты уверена?

— Да, — я отвечаю, глядя ей прямо в лицо.

— Он находится прямо здесь. Медсестра будет там с вами. Ее зовут Джейми. Если вам нужно что-нибудь, дайте ей знать.

— Спасибо, — я шепчу прежде, чем пройти через завесу.

Он находится на столе точно так, как она объяснила, но это по-прежнему берет меня

врасплох. Это не должен быть Джерон. Он не должен быть здесь. Сажусь на холодный металлический стул рядом со столом, на котором лежит один человек, которого я люблю больше, чем саму жизнь, и в этот момент я ненавижу всех и всё за этих двух людей, о которых я заботилась больше всего в жизни, а они оказались далеко от меня слишком рано. Сначала мой папа, теперь Джерон.

Я закрываю глаза, и стараюсь почувствовать какой-то комфорт в его присутствии, но я не могу. Это невозможно.

— Джерон, — я начинаю шептать, задыхаясь от моих слов мгновенно. — Я ненавижу тебя, — говорю я ему.

Я не ненавижу, и я даже не могу понять, почему эти слова выскользнули из моего рта. Может быть, потому что прямо сейчас, я чувствую так много гнева. Гнев, который вызван смертью.

— Я имею право, ты научил меня этому.

Я схватила его за руку, ненавидя холод по моей коже, как слишком сложно для его пальцев обхватить мои, его кожа чувствуется почти как подделка. Я ненавижу так много прямо сейчас.

— Ты научил меня говорить честно. Так что в последний раз, Джерон, я собираюсь сказать тебе точно, как я себя чувствую.

Целуя его висок, я остаюсь близко только для того, чтобы он услышал. Я успела набраться достаточно сил, чтобы шепнуть ему все, что *нужно*, чтобы сказать ему, прежде чем я оставлю его здесь.

— Я ненавижу тебя, Джерон. Я ненавижу тебя, потому что ты тот, кто должен был держать меня крепче, когда я плачу. Я ненавижу тебя, потому что ты не должен был вызывать их, и вот они, текут по моему лицу, и все из-за *тебя*. Я ненавижу тебя, потому что ты должен был спасти меня от моих демонов, поставить меня на другой путь, чем мое прошлое, и не позволять этому повториться. Я ненавижу тебя, потому что ты должен был меня любить, как никто никогда раньше, и ты этого не сделаешь, и ты не будешь... и ты не можешь.

Моя рука сжимает крепче. Я хочу почувствовать его сжатие в ответ. Я хочу, чтобы он сказал, что все будет в порядке. То, что это кошмар, что я проснусь, и он будет там. Я буду видеть его светлое, удивительное лицо. Я услышу его ободряющие слова. Он будет держать меня крепко, скажет мне, что он любит меня, и мы будем жить. Вместе. Навсегда.

Этого не происходит.

Этого не может быть.

— Это не должно быть больно, мне это не нравится. Ты научил меня этому. Я ненавижу тебя за то, что влюбилась в тебя. Я ненавижу тебя за эту боль. Это не порядок. Я не в порядке. Я ненавижу тебя, потому что даже со всем, что произошло, Джерон, я не могу ненавидеть тебя вообще. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. У меня нет сил, чтобы любить себя большинство дней, поэтому я просто люблю тебя в два раза больше.

Закрыв глаза, я отчаянно пытаюсь услышать что-то. Может быть, он как-то может послать мне сообщение. Когда проходит время, и нет намека на что-нибудь от Джерона, я смотрю вниз еще раз. Его веки закрыты. Я не могу увидеть завитки зеленого и коричневого в последний раз. Из рта точит трубка, свисающая вниз и его губы темно-фиолетового цвета. Он не выглядит огорченным... свободным. Свободный от всего, что убивает его. Свободный от страданий, которые он имел в голове, воображая, что его мама умирает на его руках. Там не может быть рай или ад, но я могу только надеяться, что есть *что-то*. То, что он смотрит

на меня сверху вниз, шепча, насколько он заботится. Насколько он хочет быть здесь со мной.

— Я ... Я люблю тебя, Джерон, — убираю волосы со лба, я целую его, оставляя мои губы там на дополнительную секунду прежде, чем я уйду. Я не могу оглянуться назад.

Эпилог

Не каждая история должна закончиться счастливо. Иногда им нужно просто иметь окончание, которое останется с вами навсегда. История должна направлять вас, исцелить вас, поможет вам лучше расти. Мир внутри вас, который никто не должен знать, секреты и возможности похоронены глубоко внутри, словно жемчужина, чтобы назвать своим собственным. Хотя моя история не близка к концу, и с Джероном все слишком быстро закончилось.

Наше время, проведенное вместе, было недолгим. Ничем больше, чем несколько глав из книги. Это было, жизнь меняется, тем не менее. Он создал новые характеристики и чувства внутри меня, о которых я никогда не знала, что могут существовать.

После его похорон, которые были небольшими и милыми – я знаю, ему бы понравилось – Джеймисон показал мне все текстовые сообщения. Их было тяжело читать, но я сделала это не ради слез. Он рассказывал о наших приключениях, он жаловался Джеймисону на дружбу с Кайлером, он рассказал о своей любви и как обожает меня. Он был ближе к своему брату, чем я думала.

Больше, чем я думала.

Самое последнее сообщение, которое я прочитала: *"Если бы я встретил ее раньше, я бы сделал все, что возможно, чтобы вылечить себя от этой болезни. Я не знал, что любовь существует. Когда ты найдешь кого-то, кого ты любишь, приятель, держись. Не позволяй ей уйти. Борись за нее каждый день. Она будет этого стоить. Равин стоит. Я ненавижу себя за то, что не имею сил идти гораздо дальше. Пожалуйста, скажи ей, что я люблю ее, когда уйду. Охраняй ее счастье и безопасность. Пусть она расправит крылья и летит. Пожалуйста"*.

Я попросила, чтобы он распечатал, и он с радостью согласился.

Самая болезненная часть в его последнем сообщении это то, что он знал, его время еще более ограничено, чем он представлял. Я вспоминаю наш последний день вместе и интересно, знал ли он, что не проснется после сна.

Я ругаю себя снова и снова, хотела бы я знать, это я подтолкнула его к смерти гораздо раньше. Со всеми путешествия, что мы сделали, должно быть, это отняло у него много сил.

Джеймисон и Доун оба заверили меня, что даже если бы это было правдой, Джерону бы не хотелось, чтобы было иначе. Я помогла ему жить, прежде чем он умер.

Это может быть и так, но чувство вины до сих пор грызет меня снова и снова.

Когда похороны закончились, я ушла в бесконечных слезах, и прежде чем я осознала, оказалась на пороге Доун. Она бросила мимолетный взгляд на меня, затем обняла и держала меня столько, сколько мне было нужно. Я объяснила ей все, и я имею в виду все. Затем я извинилась за то, что была плохим другом все эти годы. Она слушала все, что я сказала, а затем крепко обняла меня.

Я решила остаться в ее доме, перевезя все из моего дома. Дома, в котором мама *по-прежнему* совместно живет с Брюсом. Я не жду от нее, что она изменит свое мышление или наберется мужества, и все потому, что у меня получилось, но в глубине души я этого хочу.

Доун помогла мне накопить достаточно сил, чтобы выдвинуть обвинения против

Кайлера. Из-за того, кто его отец, он не получил ничего больше, чем шлепок по запястью и минимальное количество общественных работ, но, по крайней мере, хотя бы это. Он снял большой груз с моей груди.

Он попытался связаться со мной один раз, извинялся за свое поведение, но так как его извинения больше ничего не значили для меня, я полностью проигнорировала его.

На самом деле, я в конечном итоге изменила свой номер, и дала его только тем людям, которые значили много для меня.

Я не спрашиваю Доун, как дела у всех остальных, только как дела у нее самой. Иногда, я еще разговариваю с Джеймисоном, но эти разговоры короткие и все реже и реже. Я часто говорю Доун, что я скучаю и люблю её, так же как она меня. Мы никогда не были ближе, чем сейчас, хотя нас разделяет несколько штатов.

Прошло три года с того момента, а я до сих пор вспоминаю Джерона почти каждый день. Время помогло залечить раны и укрепить меня, но я снова ловлю себя на разрушении.

Поднимаясь из бассейна, я подхожу к моей соседке по комнате, Бекке. Она протягивает мне планшет, так что я могу заполнить формы, необходимые для сегодняшнего эксперимента. Она тоже собирается стать морским биологом. Несмотря на то, что она явно больше сосредоточена на своём бойфренде Эрике.

Откинув свои темные, выющиеся волосы, она смеется над чем-то, что шепчет он. Его рука проходит вдоль ее бедер, едва прикрытых, так как она думает, что бикини является приемлемым для нашей биологии, в то время как я нахожусь в слитном купальника, как обычно.

Я передаю обратно планшет, а затем хватаю мое полотенце, направляясь в раздевалку.

— Эй, — вопит Бекка.

Обернувшись, я бросаю ей вопросительный взгляд.

— Мы направляемся к Пирсу Отдыха позже. Хочешь присоединиться?

— Кто мы?

— Эрик, его приятель Макс, и я.

— Нет, спасибо, — ответила я.

Я слышу, как она ворчит о том, что я никогда не делаю что-нибудь веселое и интересное. Но это не совсем верно. Она в основном ходит на пляж, это ее развлечение. Я нахожу другие вещи интересными. Как правило, в одиночку, когда Доун не со мной.

Я прыгала с парашютом, занималась глубоководной рыбалкой, рафтингом, летала на самолете домой на рождественские каникулы два года назад, взяла поездку летом прошлого года во Флориду, и даже посетила Гранд-Каньон. Я столкнулась с моими страхами лицом к лицу, путешествовала, и даже встретила несколько друзей, в надежде, что каждый раз, когда я делаю что-то, то Джерон улыбается. Особенно, когда я тоже улыбаюсь.

Единственная вещь, которую я не сделала, это не двигаюсь дальше. Я не уверена, что я когда-либо это сделаю.

Заканчивая переодеваться, заходит Бекка, избавляясь от бикини перед дверью, которая еще даже не закрыта.

— Ты уверена? — спрашивает она. — Я хотела бы, чтобы ты присоединилась к нам, только один раз? — она надувает губы, умоляя меня как потерянный маленький щенок.

Со вздохом, я хватаю расческу, и смотрю в зеркало. Клянусь, я слышу голос, и он говорит мне идти. Через секунду, я все еще не могу придумать уважительной причины не идти.

— Хорошо, — отвечаю я.

Она начинает что-то говорить, но закрывает рот.

— Ты на самом деле придешь?

— Да, конечно. Почему нет?

Она прыгает от радости, хотя до сих пор не одета, так что я не смотрю на нее через зеркало.

— Я так взволнована. Ты полюбишь Макса, он веселый. Я давно хотела познакомить вас двоих.

То, что она болтает, дает мне идеальный повод не идти, но я прикусываю губу, не позволяя себе отступить сейчас. Я могу провести одну ночь с ... другом. Если, можно ее так назвать.

Шорты, которые она надевает, должны называться джинсовым бельем, а рубашка показывает весь ее живот. На самом деле я ношу одежду, которая больше подходит к моему телу, в отличие от того, к чему я привыкла, но я определенно не могу показать этого вида кожи. Она смотрит на меня, и я могу сказать, что она хочет попросить меня переодеться, но она этого не делает. Я бы не стала, так или иначе.

Я заканчиваю укладывать мои длинные светлые локоны, которые теперь падают вниз, на мою грудь, затем я возвращаю расческу Бекке. Она говорит и говорит, а ее волосы зафиксированы, несмотря на то, что она даже была под водой сегодня. К тому времени, когда она закончила, прошло двадцать минут. Взглянув на свой телефон, она взволнованно усмехается.

— Идеальное время! Макс здесь.

Я избегаю накрашенных губ, столько, сколько я хочу.

— Могу ли я добавить немного карандаша для глаз? — спрашивает она, прежде чем покинуть раздевалку.

— Что? Почему?

— Потому что ты никогда не носишь макияж.

Чтобы успокоить ее, я торжественно киваю головой, и занимаю место на скамейке запасных. Через пять минут, у меня не только накрашены глаза, но и всё мое лицо целиком. Она и Доун прекрасно поладили бы.

Посмотрев в зеркало, я качаю головой на красную помаду.

— Это не свидание, правда? — у меня есть сомнение.

— Да, конечно, почему бы и нет, — она играет, повторяя мои предыдущие слова с юмором. Меняя тему, она быстро добавляет:

— А если серьезно, Боже мой, ты выглядишь горячо!

Это, вероятно, потому, что я не похожа на себя. Когда я не отвечаю, она смотрит на меня с полной серьезностью, то, чего она не делает слишком часто.

— Серьезно, Равин, ты прекрасна.

Я ухмыляюсь на слова Бекки. Я могу представить Джерона, который говорит мне тоже самое и так же серьезно.

— Спасибо, — шепчу я.

Мы выходим из раздевалки, чтобы встретиться с Максом и Эриком на стоянке. Макс — блондин и он очень похож на серфера. Его глаза синие, как океан. Я бы сказала, что он, несомненно, привлекательный, но определенно не мой тип. Не только из-за Джерона.

Бекка представляет меня, и когда она это делает, Макс вежливо говорит, привет. Он

даже предлагает мне ехать с ним, но я говорю ему нет. Вместо этого я еду с Беккой, в ее ярко-желтом джипе, который не имеет ни окон, ни дверей, за исключением лобового стекла, конечно.

— Это намного лучше, чем ездишь на грязном старом мотоцикле, на котором ты ездишь всегда.

Папа Джерона предложил взять его байк, хотя все от Джерона должно было остаться у него. Он позволил мне взять почти все, что я захотела, включая некоторые видеоигры, его гитары, и кучу одежды. Я даже взяла несколько его фотографий, и держу мое любимое фото в рамке, рядом с моей кроватью. У меня было мало времени с Джероном, я даже не знала, как выглядел его почерк, пока он не ушел. Было горько разбирать все его имущество. Джеймисон был там, чтобы рассказать о нем немного, что сделало это немного легче. Мне нравилось слышать о другой стороне Джерона.

Было не так много вещей, которые Джеймисон оставил для себя, в основном, несколько фотографий с момента, когда они были моложе. Я думаю, это из-за того, что они на самом деле были не так близки.

— Я не могу себе представить жизнь без этого мотоцикла, — говорю я ей.

— Меня по-прежнему удивляет до чертиков то, что ты знаешь, как управлять этой штукой. Или что ты приехала из штата Небраска. Хотя я признаю, что это круто.

Она прибавляет громкость радио, позволяя голосу Сэма Ханта звучать из динамиков, что означает – разговор закончился.

Я откинулась на сиденье и позволила солнцу светить на меня сверху вниз, согревая меня снаружи, а словам радио – внутри.

Мы встаем на стоянку напротив Пирса. Она останавливается так быстро, что наши головы наклоняются вперед. Может быть, я должна была ехать с Максом, думаю я про себя, но мы уже здесь. Спрыгиваем, и встречаемся с ребятами с переднего сиденья ее джипа, а затем идем по оживленной дороге к причалу, на котором находятся аттракционы и ресторан.

Я никогда не была здесь раньше, но я слышала, как другие говорят об этом. Это великий день – не слишком жарко, с прекрасным ветерком.

— Готова?

— Да, — отвечаю я Макс. Он платит за мой билет, когда мы подходим к будке, за который он, безусловно, не должен платить, даже если моя работа официантки не позволяет мне заработать много.

— Спасибо, — говорю я ему, когда мы проходим через ворота.

— Нет проблем, — отвечает он.

Он пытается взять меня за руку, но я прячу ее в карман, делая вид, что я даже не заметила. Я не хочу, чтобы это было свидание.

— Хочешь прокатиться на колесе обозрения? — спрашивает он, после того, как мы отходим от небольшой горки.

Я гляжу на него, и это ужасает меня. Прежде, чем я могу сказать что-нибудь, кто-то проходит мимо и говорит:

— К сожалению, он закрыт сегодня. Одна из линий сломалась этим утром.

Он поворачивается к нам лицом, улыбаясь, когда проходит мимо, и я не могу помочь, но сосредотачиваюсь на его имени на бейджике. *Джерон.*

Мои губы расплываются в большой улыбке. Я не могу ничего сказать, но я хочу пойти и обнять человека, который, я знаю, не похож на Джерона. Может быть, это совпадение, но я

не хочу верить в это. Мои внутренности трепещут при мысли, что он может быть здесь со мной сегодня, побуждая меня пробовать новые вещи, тусоваться с новыми людьми, и, возможно, даже двигаться дальше ... только немного.

— Ну, это разочарование, — замечает — Макс.

Он даже не имеет ни малейшего понятия, как хорошо мне прямо сейчас, но я не скажу ему.

— Как насчет наклона-в-вихре?

— Звучит весело, — говорю я ему, на этот раз с искренней улыбкой на лице.

После того, как мы закончили с поездками, мы догоняем Бекки и Эрика, чтобы пообедать. Макс даже платит за мою еду, которую он, конечно, не должен оплачивать. Он был добр ко мне весь день, и это было весело. Я до сих пор его не вижу как мой тип, но я вижу его как друга.

Остальная часть вечера проходит гладко, и я смеялась больше, чем один раз. Когда Бекка и я вернулись в нашу комнату в тот же вечер, она падает вниз на свою кровать. Я выскользнула из одежды, заменив ее одной из футболок Джерона и пару нижнего белья, которую я ношу большинство ночей. Бекка смотрит на меня, но ничего не говорит.

Поднявшись над моими фотографиями, я смотрю на фото Джерона, улыбаюсь в ответ, а затем скольжу вниз, пока я не заворачиваюсь в одеяло.

— Что? — спрашиваю я, когда она начинает наблюдать за мной.

— Мы были соседками последние два года. У тебя всегда была эта фотография, но ты никогда не сказала ни слова о том, кто он, и ты никогда не говоришь с ним по телефону или что-нибудь еще. Так что ... кто он?

Я просто говорю:

— Джерон.

— А это значит ... — она сидит, скрестив ноги, как будто я собираюсь рассказать ей долгую, интересную историю, но нет.

Я оглядываюсь на фотографию и говорю ей:

— Он помог мне найти себя, когда я не знала, что была потеряна.

— Что... все?

— Он спас меня, он раскрыл свои секреты, а затем... он ушел.

— Ой, — она качает головой, поднимаясь с кровати. — Если ты так говоришь.

Закрыв глаза, я представляю наш последний день вместе: стрельба по мишени, и я не могу не улыбнуться. Прошло много времени, чтобы добраться до этого – улыбаться, а не плакать. Перед тем, как заснуть, я ей говорю:

— Спасибо за сегодня. Мне было весело.

— Я рада, что ты присоединилась к нам. Макс удивительный, я думаю, что вы двое действительно поладили, если бы виделись больше.

— Мы будем видеться, — говорю я ей, зная, что он будет только другом.

Я слышу, как хлопает дверь, как она выходит из комнаты в общежитии, вероятно, пойти принять душ, что она делает перед сном, а не утром.

Когда сон, наконец, приходит, когда я посещаю Джерона в единственном мире, в котором могу. Мы часами говорим, абсолютно обо всем и ни о чем. Я никогда не хочу просыпаться от этого сна, чтобы мечтать о нем, но когда я делаю это, я знаю что, буду немного сильнее, немного счастливее, а так же, в равной степени, любима.

Конец

